

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

**УНИВЕРСИТЕТ ПРОКУРАТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Крымский юридический институт (филиал)

**КРЫМСКИЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ.
ПРЕСТУПНОСТЬ И ОБЩЕСТВО**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

24-25 мая 2018 года

Том I

**Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2018**

УДК 340.12

ББК 67.0

К 85

Составители:

Весенкова В.В., старший лаборант кафедры гражданско-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Меньшова А.П., старший лаборант кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Рецензенты:

Робак В.А., заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент

Страхова С.В., заведующая кафедрой уголовного процесса, криминалистики и участия прокурора в уголовном судопроизводстве, кандидат юридических наук

Тюнин В.А., заведующий кафедрой прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе, кандидат юридических наук

К 85 **Крымские юридические чтения. Преступность и общество:**
сб. материалов науч.-практ. конф. (г. Ялта, 25 мая 2018 г.). В 2 т. / Под общ. ред. Н.Н. Колодки; сост. В.В. Весенкова, А.П. Меньшова. Т.1. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. – 216 с.

ISBN 978-5-907118-47-8

ISBN 978-5-907118-48-5 (т.1)

В первый том сборника включены доклады, статьи, тезисы выступлений участников научно-практической конференции «Крымские юридические чтения. Преступность и общество», организованной Крымским юридическим институтом (филиалом) Университета прокуратуры Российской Федерации 25 мая 2018 г. в г. Ялте.

Целью мероприятия явилось рассмотрение теоретических и практических проблем противодействия преступности, определение основных направлений совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства, вопросов борьбы и профилактики преступности надзорными и правоохранительными средствами.

Статьи публикуются в авторской редакции.

УДК 340.12

ББК 67.0

ISBN 978-5-907118-47-8

ISBN 978-5-907118-48-5 (т.1)

© Крымский юридический институт
(филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, 2018

© ИТ «АРИАЛ», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	6
ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ	8
РАЗДЕЛ 1. ДОКЛАДЫ НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ	19
<i>Образжиев К.В.</i> Проблемы нормативной регламентации правил квалификации преступлений	19
<i>Ткачев И.О.</i> Освобождение от уголовной ответственности за преступления с административной преюдицией.....	24
<i>Провоторь Ю.А.</i> Полномочия прокурора на досудебной стадии уголовного судопроизводства, проблемы совершенствования уголовно-процессуального законодательства в указанной сфере	28
<i>Заулочная С.А.</i> Гражданско-правовые аспекты возмещения вреда, правомерно причиненного в процессе борьбы с преступностью	32
<i>Аксенов И.Ч.</i> Роль прокурорского надзора за исполнением законов в предупреждении преступности: историко-теоретические аспекты	35
<i>Хаяли Р.И.</i> Борьба с преступностью в Крымской АССР на этапе	42
государственного строительства (1921-1925 годы)	42
СЕКЦИЯ № 1. Криминологические и уголовно-правовые аспекты противодействия преступности. Организованные проявления преступности.....	46
<i>Игнатов А.Н.</i> Проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма	46
<i>Кашкаров А.А.</i> Политизация исламского радикализма, как фактор распространения экстремистской идеологии и террористических убеждений	49
<i>Евтушенко И.И., Шадрина А.Ю.</i> Проблемы квалификации по ст. 172.2 УК РФ «Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества»	53
<i>Робак В.А.</i> Проблемные вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 226 УК РФ.....	56
<i>Гундерич Г.А.</i> О проблемах борьбы с киберпреступностью в банковской сфере.....	59
<i>Евсикова Е.В.</i> Некоторые аспекты совершенствования уголовного и административно-деликтного законодательства в контексте введения курортного сбора.....	63
<i>Козлов Т.Л.</i> Административная превенция коррупционных преступлений	63
<i>Титаренко А.В.</i> Проблемы противодействия коррупции в нефтегазовом секторе экономики Российской Федерации.....	71
<i>Басова Ю.Ю.</i> Некоторые аспекты развития чрезвычайного законодательства в странах Западной Европы	75
<i>Зинюк И.А.</i> Плата за негативное воздействие на окружающую среду	78
как эколого-правовой регулятор хозяйственной деятельности	78
СЕКЦИЯ № 2. Уголовно-процессуальное законодательство как основа эффективной борьбы с преступностью. Направления развития.....	83
<i>Страхова С.В.</i> К вопросу о криминалистической характеристике преступлений в аспекте цифровизации.....	83

<i>Вавренюк Л.О.</i> Правовой статус прокурора в уголовном процессе	88
<i>Василенко В.А.</i> Особенности процесса доказывания на досудебных стадиях уголовного судопроизводства	92
<i>Михайлов Д.О.</i> Некоторые аспекты рассмотрения судами дел в порядке ст.125 УПК РФ об обжаловании постановлений органов дознания и следствия об отказе в возбуждения уголовного дела	95
<i>Аметка Ф.А., Хаваджи Д.Р.</i> Актуальные проблемы противодействия транснациональной преступности: общетеоретическое исследование	99
<i>Макаров А.П.</i> Некоторые аспекты разграничения провокационно-подстрекательской деятельности и законного проведения оперативно-розыскных мероприятий по делам о взяточничестве	103
<i>Комарова Е.А.</i> Вопросы организации международного розыска	106
<i>Чернихивская С.М.</i> Особенности методики расследования уклонения	109
от уплаты налогов и (или) сборов с организации.....	109
<i>Колюка Н.Н., Басов А.В.</i> Некоторые аспекты правового обеспечения участия прокурора в административном судопроизводстве	112
<i>Васильев С.А.</i> Вопросы организационно-правового совершенствования специализированных подразделений органов внутренних дел, занимающихся обеспечением продовольственной безопасности	115
<i>Потапов Д.В., Потапова Л.В.</i> Перспектива создания цифровой платформы в деятельности прокуратуры Российской Федерации	118

СЕКЦИЯ № 3. Роль органов прокуратуры в предупреждении и борьбе с преступностью. Предупреждение преступности среди несовершеннолетних средствами прокурорского надзора122

<i>Задерейчук И.П.</i> Роль прокуратуры Крыма в профилактике преступности среди несовершеннолетних в 1991–2014 гг.	122
<i>Лапко Г.К.</i> Проблемные вопросы уголовной ответственности несовершеннолетних ...	126
<i>Тюнин В.А.</i> Координация органами прокуратуры правоохранительных органов.....	129
в части предупреждения правонарушений	129
<i>Каплякова В.А.</i> Прокуратура как контролирующий орган деятельности микрофинансовых организаций (на примере прокурорских проверок)	132
<i>Карелин И.А.</i> Проблема правового регулирования, порядка регистрации	136
и рассмотрения сообщений о преступлениях в органах министерства внутренних дел	136
<i>Паращевина Е.А.</i> К вопросу о проблематике прокурорского надзора в сфере осуществления государственных и муниципальных закупок.....	139

ВЫСТУПЛЕНИЯ143

<i>Абасов Г.Г.</i> Правовые пределы полицейского усмотрения при применении физической силы, специальных средств и оружия	1473
<i>Аблятипова Н.А., Оголь В.Л.</i> О некоторых аспектах гражданско-правовой защиты прав несовершеннолетних наследников	147
<i>Абраменко А.А.</i> Роль органов прокуратуры в предупреждении преступности.....	150
<i>Багаутдинов К.Ф.</i> Меры безопасности в отношении обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве.....	154
<i>Васильева Я.Ю., Ефимушкина К.Э.</i> Убийство матерью новорожденного ребенка, совершенного в соучастии: вопросы квалификации и назначения наказания	157
<i>Гайдуков Т.В.</i> Топографический фактор в детерминации групповой насильственной уличной преступности в курортных регионах	161
<i>Гаврилов М.А.</i> Смерть подсудимого вызывает вопросы к родственникам.....	165

<i>Гончарова А.В.</i> Проблемы предупреждения преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 280 УК РФ	169
<i>Ильина А.Н.</i> Генезис и эволюция уголовно-правовых норм, оказывающих имущественное воздействие на лиц, совершивших преступления, в дореволюционный период	172
<i>Ковалев С.В.</i> Некоторые проблемы квалификации нарушения права на свободу совести и вероисповедания	175
<i>Комаров И.М.</i> Несколько актуальных тезисов о «цифровой» криминалистике	178
<i>Кравченко Р.М.</i> Состояние и основные направления совершенствования..... уголовно-правовых средств обеспечения безопасности работ и услуг	181
<i>Ларинков А.А.</i> Актуальные правоприменительные проблемы при проведении оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» в отношении субъектов предпринимательской деятельности	185
<i>Лосев В.В.</i> Направления оптимизации уголовно-правовых норм о воинских преступлениях в Республике Беларусь.....	189
<i>Лукашев Г.С.</i> Уголовно-правовые средства противодействия хищениям, совершаемым лицом с использованием своего служебного положения.....	193
<i>Серова В.Е.</i> Криминалистическое понятие управленческого преступления в сфере оборонно-промышленного комплекса	196
<i>Серова Е.Б.</i> К вопросу об обстоятельствах, подлежащих исследованию по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ.....	199
<i>Харитонов С.С.</i> О предупреждении и профилактике преступности органами военной прокуратуры: терминологические и правовые аспекты	202
<i>Шевченко А.В.</i> Исторические и социально-правовые предпосылки законодательного закрепления понятия «детоубийство».....	205
<i>Шиханов В.Н.</i> Проблемы и перспективы политики противодействия преступности в России: концептуальные вопросы теории и методологии	210

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается сборник материалов научно-практической конференции «Крымские юридические чтения. Преступность и общество», традиционно организуемой Крымским юридическим институтом (филиалом) Университета прокуратуры Российской Федерации и состоявшейся в г. Ялта 25 мая 2018 года. Предварял конференцию 24 мая 2018 года межвузовский студенческий круглый стол, материалы которого также вошли в сборник в качестве второго тома.

На конференции прозвучали доклады о тенденциях и перспективах развития правил квалификации преступлений, об освобождении от уголовной ответственности за преступления с административной преюдицией, о проблемах совершенствования уголовно-процессуального закона в части полномочий прокурора на досудебной стадии уголовного судопроизводства, о роли прокурорского надзора за исполнением законов в предупреждении преступности, о борьбе с преступностью в Крымской АССР на этапе государственного строительства 1921 - 1925 гг.

Была организована секционная работа по трем основным направлениям: 1) уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с преступностью; 2) совершенствование уголовно-процессуального законодательства; 3) надзорные средства предупреждения преступности, в том числе преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

Конференция собрала ученых и практиков, педагогических и научных работников, следователей и прокуроров, просто заинтересованных лиц, для которых проблемы борьбы с преступностью вызывают профессиональное любопытство.

В живой дискуссии сошлись научно-педагогические работники Университета прокуратуры Российской Федерации и его филиалов, Калмыцкого государственного университета, Уральского государственного юридического университета, Юридического института Севастопольского государственного университета, Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Свое веское, проверенное опытом слово высказали практики: представители прокуратуры Республики Крым и города Севастополя, Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Крым, слушатели института – работники прокуратур городов, районов Республики Крым, других субъектов Российской Федерации Северо-Кавказского и Южного федеральных округов.

Тема противодействия преступности не нова, но по-прежнему актуальна. Научно-исследовательский институт Университета прокуратуры Российской Федерации ежегодно анализирует структуру, динамику, тенденции преступности в стране. Обобщенные результаты исследования находят отражение в информационно-аналитической записке о состоянии законности за очередной год. Такие исследования проводились и в 2018 году по итогам года 2017.

Отмечается, что согласно данным опроса, проведенного ФСО России в апреле 2017 года, половина россиян (51,4%) не чувствуют себя защищенными от преступных посягательств на свою жизнь, здоровье, имущество и т.д.¹ Одновременно, по данным опроса Фонда «Общественное мнение» относительно преступности, 41% респондентов не ожидают положительных изменений в ее тенденции, а 22% ответивших считают, что преступность вырастет. Таким образом, около 60% респондентов не видят положительных сдвигов в противодействии преступности, что косвенно свидетельствует о низкой оценке деятельности правоохранительных органов².

Фактором, способствующим преступности, остаются несовершенство и нестабильность законодательства, включая систематическое внесение изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. В 2017 г., по данным официальной статистики³, в Российской Федерации зарегистрировано 2 058 476 преступлений, что на 4,7% меньше, чем в 2016 г. (2 160 063). Такое снижение количества зарегистрированных преступлений представляется возможным объяснить в первую очередь влиянием либерализации законодательства в 2016 г.

Поиск новых решений проблем борьбы с преступностью, снижения ее уровня, предупреждения роста ее присутствия в жизни российского общества прошел красной нитью через всю работу нашей конференции.

Надеюсь, читатели найдут в представленных сборником материалах если не ответы на вопросы, то, по крайней мере, свежие взгляды на пути решения застарелых проблем.

Директор Крымского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук,
старший советник юстиции

Н.Н. Колюка

¹ См.: *Оценка населением деятельности органов внутренних дел Российской Федерации / Федер. служба охраны Рос. Федерации*, июнь 2017. М., 2017.

² URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116354> (дата обращения: 17.01.2018). Пресс-выпуск № 3440.

³ Выборочные данные из формы № 4-ЕГС.

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ

ЦЕЛЬ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Обсуждение теоретических и практических проблем противодействия преступности, ее природы и организованных форм. Определение основных направлений и способов совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства, борьбы и профилактики преступности надзорными и правоохранительными средствами.

НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Работа конференции организована как в форме пленарного заседания, так и построена секционно:

Секция № 1. Криминологические и уголовно-правовые аспекты противодействия преступности. Организованные проявления преступности.

Секция № 2. Уголовно-процессуальное законодательство как основа эффективной борьбы с преступностью. Направления развития.

Секция № 3. Роль органов прокуратуры в предупреждении и борьбе с преступностью. Предупреждение преступности среди несовершеннолетних средствами прокурорского надзора.

УЧАСТНИКИ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

В работе научно-практической конференции принимают участие представители прокуратуры Республики Крым и города Севастополя, Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Крым, Министерства внутренних дел по Республике Крым, работники прокуратур городов, районов Республики Крым, других субъектов Российской Федерации Северо-Кавказского и Южного федеральных округов.

В конференции принимают участие научно-педагогические работники образовательных организаций: Университета прокуратуры Российской Федерации и его филиалов, Калмыцкого государственного университета, Уральского государственного юридического Университета, Юридического института Севастопольского государственного университета, Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Колюка Николай Николаевич – директор Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Республики Крым.

Зимин Виктор Матвеевич – директор Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук

Коваль Владимир Николаевич – директор Юридического института Севастопольского государственного университета, доктор юридических наук, заслуженный юрист Украины, заслуженный юрист Республики Крым

Токарева Галина Николаевна – советник Генерального прокурора Российской Федерации, государственный советник юстиции 3 класса

Терентьев Владимир Николаевич – первый заместитель руководителя Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Крым, полковник юстиции

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Ображиев Константин Викторович – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Правила квалификации преступлений: тенденции и перспективы развития

Ткачев Игорь Олегович – доцент кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета, кандидат юридических наук

Освобождение от уголовной ответственности за преступления с административной преюдицией

Бияев Владимир Александрович – профессор кафедры уголовно-процессуального права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук

Доказывание в уголовном процессе: перспективы развития

Проватарь Юрий Александрович – заместитель прокурора г. Евпатория

Полномочия прокурора на досудебной стадии уголовного судопроизводства, проблемы совершенствования уголовно-процессуального закона в указанной сфере

Заулочная Светлана Андреевна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук

Гражданско-правовые аспекты возмещения вреда, правомерно причиненного в процессе борьбы с преступностью

Аксенов Илья Чудеевич – доцент кафедры теории и истории государства и права Калмыцкого государственного университета имени Б.Б. Городовикова, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации

Роль прокурорского надзора за исполнением законов в предупреждении преступности: историко-теоретические аспекты

Хаяли Рустем Изеттович – заведующий кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор исторических наук, доцент

Борьба с преступностью в Крымской АССР на этапе государственного строительства 1921 - 1925 гг.

ПЕРЕРЫВ

РАБОТА ПО СЕКЦИЯМ

Секция №1. Криминологические и уголовно-правовые аспекты противодействия преступности. Организованные проявления преступности

Модераторы секции:

Ображиев Константин Викторович – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Робак Владимир Анатольевич – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Игнатов Александр Николаевич - профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор

Проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма

Кашкаров Александр Александрович – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук

Политизация исламского радикализма, как фактор распространения экстремистской идеологии и террористических убеждений

Евтушенко Инна Ивановна – доцент кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Проблемы квалификации по ст. 172.2 УК РФ «Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества»

Робак Владимир Анатольевич – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

Проблемные вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 226 УК РФ «Хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»

Гундерич Галина Альбертовна – доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат технических наук,

О проблемах борьбы с киберпреступностью в банковской сфере

Семенова Екатерина Геннадьевна – доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Недвижимость как предмет преступления

Сафонова Дарья Владимировна – преподаватель кафедры уголовного права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

О проблеме понятийного аппарата объектов преступлений против собственности

Сергиенко Нина Борисовна – старший преподаватель кафедры уголовного права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

Наркотические средства как предмет преступления

Евсикова Елена Витальевна – старший преподаватель кафедры административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук

Некоторые аспекты усовершенствования уголовного и административно-деликтного законодательства в контексте введения курортного сбора

Титаренко Анатолий Валерьевич – доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат политических наук

Проблемы противодействия коррупции в нефтегазовом секторе экономики Российской Федерации

Зинюк Ирина Александровна – помощник прокурора г. Керчи

Плата за негативное воздействие на окружающую среду как эколого-правовой регулятор хозяйственной деятельности

Басова Юлия Юрьевна – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

Войска национальной гвардии Российской Федерации, как субъекты обеспечения общественной безопасности в чрезвычайных ситуациях

Козлов Тимур Леонидович – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук

Административная превенция коррупционных преступлений

Секция № 2. Уголовно-процессуальное законодательство как основа эффективной борьбы с преступностью. Направления развития

Модераторы секции:

Страхова Светлана Вячеславовна – заведующая кафедрой уголовного процесса, криминалистики и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук

Азизов Булат Равильевич – руководитель следственного отдела по г. Ялта Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Крым, майор юстиции

Чухраев Денис Анатольевич – доцент кафедры уголовно-процессуального права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук

Соотношение принципов и гарантий уголовного судопроизводства

Страхова Светлана Вячеславовна – заведующая кафедрой уголовного процесса, криминалистики и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук

К вопросу о криминалистической характеристике преступлений в аспекте цифровизации

Вавренюк Лидия Олеговна - старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Правовой статус прокурора в уголовном процессе

Василенко Виктор Андреевич – помощник прокурора г. Ялта Республики Крым

Особенности процесса доказывания на досудебных стадиях уголовного судопроизводства

Михайлов Дмитрий Олегович – преподаватель кафедры уголовного права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

Проблемы применения ст. 125 УПК РФ

Азизов Булат Равильевич – руководитель следственного отдела по г. Ялта Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Крым, майор юстиции

Вопросы совершенствования законодательства, регламентирующего работу следственных органов на досудебной стадии судопроизводства и

взаимодействие с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность

Макаров Александр Петрович – помощник прокурора Нахимовского района г. Севастополя

Некоторые аспекты разграничения провокационно-подстрекательской деятельности и законного проведения оперативно-розыскных мероприятий по делам о взяточничестве

Комарова Елена Александровна – доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

Вопросы организации международного розыска

Ануфриева Екатерина Андреевна – доцент кафедры уголовно-процессуального права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук

Проблемы возбуждения уголовных дел по факту фальсификации доказательств по гражданским и арбитражным делам

Чернихивская Светлана Мирославовна – старший помощник прокурора г. Ялты

Особенности методики расследования уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с организации

Муратов Константин Дмитриевич – доцент кафедры уголовно-процессуального права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук

Изображение лица как вещественное доказательство по уголовному делу

Басов Андрей Витальевич – заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент

Некоторые аспекты правового регулирования задержания транспортного средства (на материалах Республики Крым)

Васильев Станислав Александрович – заведующий кафедрой уголовного права и процесса Юридического института Севастопольского государственного университета, кандидат юридических наук

Вопросы организационно-правового совершенствования специализированных подразделений органов внутренних дел, занимающихся обеспечением продовольственной безопасности

Туробова Анна Сергеевна – прокурор апелляционного отдела уголовно-судебного управления прокуратуры Республики Крым

Секция № 3. Роль органов прокуратуры в предупреждении и борьбе с преступностью. Предупреждение преступности среди несовершеннолетних средствами прокурорского надзора

Модераторы секции:

Добро́рез Игорь Александрович - доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском, административном и арбитражном процессе Института, декан факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации, кандидат юридических наук

Иншеков Николай Васильевич – старший помощник прокурора Гагаринского района г. Севастополя

Задерейчук Иван Панасович – доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат исторических наук, доцент

Роль прокуратуры Крыма в профилактике преступности среди несовершеннолетних в 1991-2014 гг.

Лапко Георгий Константинович – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат медицинских наук, доцент

Проблемные вопросы уголовной ответственности несовершеннолетних

Фалкина Светлана Анатольевна – старший преподаватель кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Психологическое сопровождение деятельности органов прокуратуры в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних

Плетнёва Светлана Владимировна – психолог средней общеобразовательной школы № 38 г. Симферополя

Проблема агрессии у подростков

Вовковинская Алла Анатольевна – педагог-психолог Евпаторийской санаторной школы-интерната

Защита прав несовершеннолетних девиантного поведения

Хилько Иван Юрьевич – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук

Проблемные вопросы защиты прокурором прав несовершеннолетних

Латышева Марианна Александровна – доцент кафедры Гуманитарно-педагогической академии (филиала) Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (г. Ялта), кандидат психологических наук, доцент

Гуманитарный потенциал преподавания психологии студентам-юристам в контексте предупреждения преступности

Тюнин Владимир Александрович – заведующий кафедрой прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном

процессе Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук

Координация органами прокуратуры правоохранительных органов в части предупреждения правонарушений

Кашлякова Виктория Андреевна – преподаватель кафедры правоведения Севастопольского экономико-гуманитарного института (филиала) Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского; аспирант кафедры уголовного права Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина

Прокуратура как надзирающий орган за законностью деятельности микрофинансовых организаций (на примере прокурорских проверок)

Карелин Иван Александрович – старший помощник прокурора Ленинского района г. Севастополя

Проблема правового регулирования, порядка регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях в органах министерства внутренних дел

Колюка Николай Николаевич – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Республики Крым

Прокурор как субъект административного судопроизводства

Паращевина Елена Анатольевна – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук

К вопросу о проблематике прокурорского надзора в сфере осуществления государственных и муниципальных закупок

ВЫСТУПЛЕНИЯ

Абраменко Анатолий Александрович – заместитель прокурора Гагаринского района г. Севастополь, аспирант Университета прокуратуры Российской Федерации

Роль органов прокуратуры в предупреждении преступности

Алексеев Игорь Михайлович – заместитель начальника кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук, майор полиции

К вопросу о гарантиях адвокатской деятельности

Бабайцев Максим Александрович – адъюнкт кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

Актуальные проблемы противодействия преступности на территории муниципального образования

Багаутдинов Камиль Флерович – руководитель Азнакаевского межрайонного следственного отдела Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Татарстан

Меры безопасности в отношении обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве

Васильева Яна Юрьевна – заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации кандидат юридических наук, доцент

Ефимушкина Кристина Эдуардовна – студентка 3 курса юридического факультета (специалитет) Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Убийство матерью новорожденного ребенка, совершенного в соучастии: вопросы квалификации и назначения наказания

Гаврилов Максим Александрович – старший преподаватель кафедры основ организации и управления в органах прокуратуры Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Смерть подсудимого вызывает вопросы к родственникам

Гайдуков Тимур Владимирович - адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России, капитан полиции

Топографический фактор в детерминации групповой насильственной уличной преступности в курортных регионах

Демин Дмитрий Владимирович – адъюнкт кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России

К вопросу о необходимости модернизации статуса подозреваемого в уголовном судопроизводстве России

Ильина Анастасия Николаевна – аспирант кафедра уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации,

Генезис и эволюция уголовно-правовых норм, оказывающих имущественное воздействие на лиц, совершивших преступления, в дореволюционный период

Ковалев Степан Владимирович – помощник прокурора г. Сортавала прокуратуры Республики Карелия

Некоторые проблемы квалификации нарушения права на свободу совести и вероисповедания

Комаров Игорь Михайлович – профессор кафедры криминалистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор

Несколько актуальных тезисов о «цифровой» криминалистике

Кравченко Роман Михайлович – старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Состояние и основные направления совершенствования уголовно-правовых средств обеспечения безопасности работ и услуг

Ларинков Анатолий Александрович – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

Актуальные правоприменительные проблемы при проведении оперативно-розыскного мероприятия «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» в отношении субъектов предпринимательской деятельности

Лосев Владимир Владимирович – заместитель директора Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Направления оптимизации уголовно-правовых норм о воинских преступлениях в Республике Беларусь

Лукашев Герман Сергеевич – начальник юридического отдела Комитета государственного жилищного надзора и контроля Ленинградской области, соискатель кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации»

Уголовно-правовые средства противодействия хищениям, совершаемым лицом с использованием своего служебного положения

Санкин Алексей Игоревич – заместитель начальника КМУГСУ ГУ МВД России по Краснодарскому краю – начальник отдела по преступлениям в сфере экономики, подполковник юстиции

Вопросы раскрытия и расследования убийств и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью

Серова Валентина Евгеньевна – прокурор отдела по надзору за процессуальной деятельностью органов Следственного комитета Северо-Западной транспортной прокуратуры, аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Криминалистическое понятие управленческого преступления в сфере оборонно-промышленного комплекса

Серова Елена Борисовна – заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

К вопросу об обстоятельствах, подлежащих исследованию по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ

Шевченко Анна Валерьевна – инспектор по особым поручениям Управления организации охраны общественного порядка и взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления

Исторические и социально-правовые предпосылки законодательного закрепления понятия «Детоубийство»

Шиханов Владимир Николаевич – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

Проблемы и перспективы политики противодействия преступности в России: концептуальные вопросы теории и методологии

РАЗДЕЛ 1. ДОКЛАДЫ НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ

Ображиев К.В.

заведующий кафедрой уголовно-
правовых дисциплин
Университета прокуратуры
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

Проблемы нормативной регламентации правил квалификации преступлений

Правила квалификации преступлений как составная часть отечественного уголовного права прошли достаточно долгий путь развития. Когда появились первые подобные правила, кем они были созданы, историкам российского права точно не известно. Однако можно предположить, что они возникли сразу после того, как в рамках обычного права появились первые уголовно-правовые запреты, и возникла потребность в соотношении с ними поведения людей.

Несмотря на тесную генетическую и функциональную взаимосвязь уголовно-правовых запретов и предназначенных для их «обслуживания» правил квалификации преступлений, развивались они по различным сценариям. Уголовно-правовые запреты по мере укрепления государственной власти и вытеснения правовых обычаев нормами писаного права получили законодательную форму выражения, причем с развитием начал законности их кодификация стала полной (ст. 3 УК РФ). В то же время основной массив правил квалификации преступлений существует лишь в форме разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

В настоящее время постановления Пленума стали основным источником правил квалификации преступлений. Повышение значения постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в плане регламентации правил квалификации преступлений происходит на фоне прогрессирующей деформации УК РФ, которая стала закономерным следствием беспрецедентных по скорости и масштабу изменений, вносимых в этот нормативный правовой акт¹. В отсутствии внятной концепции уголовной политики поспешное «перекраивание» УК РФ неизбежно отражается на качестве принимаемых законодательных решений, многие (если не большинство) из которых являются непоследовательными, бессистемными, не соответствующими социально-криминологическим реалиям.

В этих условиях постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, устраняющие пробельность, противоречивость, недостаточную

¹ С момента принятия УК РФ в его текст внесено более 3 тыс. изменений. На 7 июня 2018 г. принято 213 федеральных законов о внесении изменений в УК РФ.

определенность уголовного закона и разъясняющие порядок применения норм-новелл, приобретают особую значимость. Обращая внимание на это обстоятельство, А.Э. Жалинский указывает, что «современное состояние социально-экономических процессов и уголовного законодательства определяет ощутимый рост спроса на разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам судебной практики. Это повышает и правовое значение, и социальный авторитет своевременного реагирования высшей судебной инстанции на действительно болезненные проблемы правоприменения» [1, с. 129.].

Сказанное наглядно подтверждается результатами сравнительного анализа темпов изменения УК РФ и принятия постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам. За первые 10 лет действия УК РФ (1997–2006 гг.) было принято 10 постановлений Пленума, посвященных вопросам материального уголовного права, тогда как в последующие 11 лет (2007–2017 гг.), когда скорость внесения поправок в УК РФ возросла в разы, принято уже 52 подобных постановления. Эти данные коррелируют с темпами внесения изменений в УК РФ: в 1997–2006 гг. он подвергался правкам 43 раза, а в 2007–2017 гг. – 166 раз.

Таким образом, увеличение масштабов текущего («поправочного») уголовного законодательства приводит к активизации нормотворческой деятельности Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Причем многие новеллы УК РФ становятся по-настоящему «рабочими» нормами только после принятия постановления Пленума, в котором сформулированы правила квалификации соответствующих преступлений.

Признавая важнейший вклад высшей судебной инстанции в формирование основ квалификации преступлений, нельзя вместе с тем не отметить, что основная функция постановлений Пленума в системе юридических источников уголовного права заключается в том, чтобы обеспечивать подзаконную конкретизацию предписаний УК РФ. Применительно к обсуждаемой проблематике это означает, что постановления Пленума, по идее, должны лишь развивать, конкретизировать законодательные предписания об уголовно-правовой оценке общественно опасных деяний, но не устанавливать новые правила квалификации преступлений. Посредством постановлений Пленума Верховного Суда осуществлялась и продолжает осуществляться подзаконная конкретизация уголовного закона ... Причем для уголовного права этот механизм нормативной конкретизации приобретает особое значение, так как иные возможности подзаконного уголовно-правового регулирования фактически отсутствуют [2, с. 60]. Вторжение в зону «первичного» уголовно-правового регулирования крайне нежелательно, поскольку это исключительная прерогатива кодифицированного уголовного закона. Иными словами, постановления Пленума должны иметь исключительно подзаконный характер.

Однако на практике дело обстоит иначе – в постановлениях Пленума содержится немало первичных правил квалификации преступлений (правил

квалификации неоконченных преступлений, сложных единичных преступлений, множественности преступных деяний, преступлений, совершенных в соучастии, правил уголовно-правовой оценки мнимой обороны и др.). Как представляется, все эти правила квалификации преступлений должны быть перенесены в соответствующие главы Общей части УК РФ, что, конечно же, не исключает возможности (а в некоторых случаях – и необходимости) их конкретизации в постановлениях Пленума (об этом пойдет речь далее).

В этом плане в выгодную сторону отличается УК Республики Беларусь, введенный в действие с 1 января 2001 г., который в сравнении с УК РФ намного полнее регламентирует правила квалификации преступлений. В частности, в нем предусмотрены: правило установления формы вины в преступлениях с формальными составами (ч. 1 ст. 24 УК РБ); правило квалификации преступлений с административной или дисциплинарной преюдицией (ст. 32 УК РБ); правило уголовно-правовой оценки преступных деяний, совершенных организованной группой (ч. 9 ст. 16 УК РБ); правило, согласно которому преступление признается совершенным группой лиц и группой лиц по предварительному сговору при наличии не менее двух соисполнителей преступления (ст. 17 УК РБ); правила квалификации при наличии ошибки в наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния (ст. 37 УК РБ).

К сожалению, в российском уголовном законодательстве подобные предписания о квалификации преступлений отсутствуют. Большая часть из них «разбросана» по различным постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Такая форма внешнего выражения правил квалификации преступлений вряд ли способствует укреплению законности и единообразию правоприменительной практики. А потому их следует регламентировать непосредственно в УК РФ.

Включение всех общих и специальных правил квалификации преступлений в кодифицированный уголовный закон позволит обеспечить их согласованность и системность (в рамках одного источника этого добиться намного проще), упростить правоприменительную деятельность, будет способствовать большей определенности уголовно-правового регулирования.

Что же касается правил квалификации отдельных видов преступлений (частных правил квалификации), то их включать в УК РФ нецелесообразно, так как они имеют «вторичный», «производный» характер и ограниченную сферу применения. Эти правила, которые чаще всего создаются высшей судебной инстанцией в процессе казуальной практики, предпочтительнее регламентировать в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Показательным примером является частное правило квалификации кражи из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем (п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ), которое сформировалось в решениях Верховного Суда Российской Федерации по конкретным делам [3,

4]¹. Учитывая высокую распространенность соответствующих деяний и значительное количество правоприменительных ошибок, это частное правило квалификации было зафиксировано в п. 23.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»: «По смыслу закона, ответственность по пункту "г" части 2 статьи 158 УК РФ наступает за совершение кражи из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся только при живом лице. Если лицо совершает кражу из одежды, сумки или другой ручной клади после наступления смерти потерпевшего, его действия в этой части не образуют указанного квалифицирующего признака» (указанный пункт был включен постановлением Пленума от 24 мая 2016 г. № 23).

Настаивая на регламентации общих и специальных правил квалификации преступлений в уголовном законе, мы ни в коем случае не отрицаем необходимости конкретизации этих правил в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Дело в том, что в УК РФ могут быть регламентированы лишь общие (универсальные) и специальные правила квалификации, которые имеют «сквозное» значение. А значит, эти правила неизбежно будут обладать высоким уровнем абстракции, в чем можно убедиться на примере тех правил квалификации, которые уже отражены в уголовном законе.

Безусловно, абстрактное законодательное формулирование правил квалификации преступлений имеет целый ряд преимуществ по сравнению с казуальным их изложением: оно экономит текст уголовного закона; снижает риск возникновения пробелов в уголовно-правовом регулировании; позволяет добиться большей его стабильности, так как абстрактно сформулированная норма лучше адаптируется к изменяющимся общественным отношениям, чем конкретное нормативное предписание. Поэтому использование абстрактного способа формулирования уголовно-правовых предписаний (в том числе и правил квалификации преступлений) справедливо считается индикатором высокого уровня юридической техники. Как отмечал С.С. Алексеев, «абстрактный прием изложения нормативного материала соответствует более высокому уровню юридической культуры и развития науки» [5, с. 149]

Вместе с тем абстрактное изложение правил квалификации преступлений в УК РФ не лишено недостатков. Неизбежным следствием законодательных обобщений является снижение точности, правовой определенности нормативных предписаний, что затрудняет их использование для уголовно-правовой оценки конкретных общественно опасных деяний,

¹ Исправляя квалификационные ошибки, допущенные нижестоящими судами, Верховный Суд Российской Федерации указал, что действия виновного следует квалифицировать по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ в тех случаях, когда имущество похищается из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся у живых лиц; что хищение имущества, находившегося при потерпевшем, после его убийства не может быть квалифицировано по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

создает потенциальные возможности для их произвольного истолкования и применения. По этому поводу известный компаративист Р. Давид указывал, что «сформулировать правовую норму более обобщенно – это значит сделать ее менее точной» [6, с. 115].

Поэтому в уголовно-правовой литературе справедливо указывается, что «в ходе правотворческой деятельности при разработке уголовно-правовых предписаний ... обязательно должна обеспечиваться связь конкретного и абстрактного» [7, с. 219]; подчеркивается, что «развитая юридическая техника должна обеспечить правильное соотношение абстрактного и казуистичного приемов изложения диспозиций, выбрать меру использования их противоречивых свойств» [8, с. 129].

Оптимальный баланс абстрактных и конкретных предписаний о квалификации преступлений в рамках УК РФ найти невозможно. Он может быть обеспечен лишь посредством подзаконной конкретизации уголовного закона в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Причем для уголовного права этот механизм нормативной конкретизации приобретает особое значение, так как иные возможности подзаконного уголовно-правового регулирования фактически отсутствуют¹.

Выступая в качестве основного юридического источника вторичных уголовно-правовых предписаний, постановления Пленума обеспечивают подзаконное опосредование абстрактных предписаний уголовного закона, то есть переход от более общего уровня уголовно-правового регулирования к более конкретному. Это позволяет если не устранить противоречие между абстрактностью законодательных правил квалификации преступлений и необходимостью их применения для уголовно-правовой оценки конкретных преступных деяний (по всей видимости, оно относится к числу неустранимых), то, по крайней мере, существенно ослабить его. Сочетание первичных уголовно-правовых предписаний с высокой степенью нормативной типизации, выраженных в уголовном законе, и вторичных, конкретизирующих предписаний, сформулированных в постановлениях Пленума Верховного Суда, позволяет одновременно воспользоваться преимуществами абстрактного и казуального способов изложения уголовно-правового материала, сделать его более доступным для восприятия и применения, обеспечить его формальную определенность.

Итак, в идеале, *нормативная регламентация правил квалификации преступлений должна быть многоуровневой*. На уровне УК РФ целесообразно зафиксировать первичные нормативные предписания о квалификации, распространяющиеся на все преступления (общие правила квалификации) или на их группы (специальные правила квалификации), а на уровне постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации осуществлять уточнение, конкретизацию законодательных правил

¹ Единственным исключением в этом плане является практика принятия подзаконных уголовно-правовых актов в соответствии с примечаниями к статьям Особенной части УК РФ.

квалификации преступлений, чтобы адаптировать абстрактные предписания уголовного закона для применения к конкретным жизненным обстоятельствам. Взаимодействие двух уровней нормативной регламентации правил квалификации преступлений (УК РФ и постановления Пленума) позволит, с одной стороны, добиться реализации уголовно-правового принципа законности (ч. 1 ст. 3 УК РФ), а с другой стороны, обеспечить субъектов правоприменительной деятельности конкретизирующими предписаниями, необходимыми для уголовно-правовой оценки индивидуальных общественно опасных деяний.

Список литературы:

1. Жалинский А. Правообразующее действие судебной практики по уголовным делам: вопросы совершенствования // Уголовное право. – 2010. – № 4.
2. Ображиев К.В. Предпосылки образования системы формальных источников российского уголовного права // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 4.
3. Определение № 11-О11-99 (Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 1 квартал 2012 г. // СПС «Консультант Плюс».
4. Определение от 12 апреля 2012 г. № 33-Д12-1 (Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 1 полугодие 2012 г. // СПС «Консультант Плюс»).
5. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Курс лекций в 2-х томах. Т. 2. Свердловск, 1973.
6. Давид Р. Основные правовые системы современности: сравнительное право. М.: Прогресс, 1967.
7. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть / А.В. Наумов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007.
8. Панько К.К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России: Монография. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004.

Ткачев И.О.

доцент кафедры уголовного права
Уральского государственного
юридического университета
кандидат юридических наук

Освобождение от уголовной ответственности за преступления с административной преюдицией

Институт административной преюдиции не является новым для отечественного уголовного законодательства. По свидетельству А.Г. Безверхова, опыт конструирования составов с административной преюдицией был использован еще в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных

1845г. (в ред. 1885г.) [1, С. 48]. В последующем он широко применялся в советском уголовном праве. Как отмечают А.Б. Коновалова и И.Н. Мосечкин, по состоянию на 28.04.1995г. в УК РСФСР 1960г. насчитывалось более двадцати статей подобного рода [2, С. 50].

Несмотря на весьма неоднозначную оценку, которую данный институт получил в доктрине уголовного права, анализируемый способ конструирования составов преступлений активно используется отечественным законодателем уже на современном этапе. При этом круг преступлений с административной преюдицией последовательно расширяется. В действующей редакции УК РФ насчитывается уже 11 таких составов (ст. 116.1, ст. 151.1, ч. 1 ст. 157, ч. 2 ст. 157, ст. 158.1, ст. 171.4, ст. 212.1, ст. 215.4, ст. 264.1, ст. 284.1. ч. 2 ст. 314.1). В связи с этим следует согласиться с теми исследователями, которые отмечают, что административная преюдиция в уголовном праве – это существующая реальность, требующая научного осмысления [4, С. 28; 5, С. 29]. Поэтому, не вдаваясь в дискуссию относительно допустимости использования административной преюдиции как таковой, отметим, что реализация соответствующих уголовно-правовых предписаний сталкивается с целым рядом практических сложностей, в том числе – при решении вопросов об освобождении от уголовной ответственности.

Следует отметить, что подавляющее большинство преступлений с административной преюдицией относятся к категории преступлений небольшой или средней тяжести. Единственное тяжкое преступление, состав которого предусматривает наличие такой преюдиции, предусмотрено нормой ст. 284.1 УК РФ. Соответственно, за все иные преступления с административной преюдицией виновное лицо может быть освобождено от уголовной ответственности по основаниям, установленным ст. 75, 76 и 76.2 УК РФ.

Обязательным условием освобождения от уголовной ответственности по названным выше основаниям является заглаживание вреда, причиненного соответствующим преступлением. Однако что следует понимать под таким вредом? Ответ на данный вопрос зависит от уяснения сущности объективной стороны преступления с административной преюдицией. Необходимо решить, является ли ранее совершенное лицом деяние, представляющее собой административное правонарушение, неотъемлемым составным признаком преступления с административной преюдицией или нет?

С одной стороны, буквальное толкование диспозиций некоторых норм, устанавливающих уголовную ответственность за преступления с административной преюдицией, позволяют сделать вывод о том, что является. Так, например, ст. 151.1 УК РФ предусматривает ответственность за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, если это деяние совершено неоднократно. Таким образом, объективную сторону состава преступления образует неоднократное совершение двух или более тождественных деяний, за одно из которых лицо ранее привлекалось к административной ответственности. Аналогичным образом сформулированы нормы ч. 1 и ч. 2 ст. 157, ст. 171.4, ст. 212.1, ст. 215.4, ч. 2 ст. 314.1 УК РФ.

Оценивая содержание приведенных норм, Д.С. Чикин и Д.В. Шемякин приходят к выводу, что структурным элементом единичного преступления становится деяние, за которое лицо уже привлекалось к юридической ответственности [7, С. 17; 8, С. 46]. По убеждению А.Г. Безверхова, объективная сторона анализируемых преступлений состоит из двух и более тождественных правонарушений [1, С. 51].

Вместе с тем, такое понимание содержания объективной стороны, очевидно, противоречит принципу *non bis in idem*, поскольку лицо при таком понимании несет ответственность дважды за одно и то же деяние, образующее объективную сторону состава преступления, в одном случае – административную, в другом случае – уголовную. В связи с этим, совершение лицом деяния, за которое оно ранее привлекалось административной ответственности, на наш взгляд, в любом случае не может включаться в содержание объективной стороны состава преступления. Иными словами, административную преюдицию образует не само ранее совершенное деяние как признак объективной стороны, а тот факт, что лицо ранее привлекалось к административной ответственности, то есть определенная характеристика субъекта. По мнению М.И. Харловой, лицо, пребывающее в состоянии административной наказанности, повторно совершающее противоправное деяние, демонстрирует нарастающую антиобщественную направленность своей личности [6, С. 139]. В связи с этим следует согласиться с А.И. Коробеевым и А.А. Ширшовым, по мнению которых отечественный законодатель в данном случае криминализует не деяние, а деятеля, его «преступную» волю [3, С. 70].

Однако такой подход приводит к сужению объема вреда, причиненного преступлением. Наиболее характерен в этом отношении пример мелкого хищения, ответственность за которое установлена нормой ст. 158.1 УК РФ. Указанный преступлением потерпевшему (собственнику или иному законному владельцу) причиняется реальный имущественный ущерб. Очевидно, что если относить к содержанию объективной стороны преступления только само повторное совершение общественно-опасного деяния, являющегося мелким хищением, то для целей решения вопроса об освобождении от уголовной ответственности нужно принимать в расчет, был ли возмещен ущерб, причиненный именно этим повторным деянием. Соответственно, факт возмещения или отсутствия возмещения ущерба за ранее совершенное административное правонарушение для решения вопроса об освобождении от уголовной ответственности по ст. 75, 76 и 76.2 УК РФ юридического значения не имеет. Виновный может быть освобожден от уголовной ответственности по названным выше основаниям и в том случае, если ущерб, причиненный в результате совершения деяния, за которое данное лицо было привлечено к административной ответственности, возмещен не был.

При этом, на наш взгляд, создаются предпосылки для нарушения конституционного принципа равенства граждан перед законом и судом, поскольку лица, потерпевшие от одних и тех же по своим признакам деяний, наделяются разным правовым статусом: в одном случае – потерпевшего от

административного правонарушения, а в другом случае – потерпевшего от преступления. При этом различия в таком статусе зависят только от последовательности совершения виновным лицом общественно опасных деяний. Наиболее очевидно такое различие при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ). Применение данной нормы возможно только при наличии соответствующего свободно выраженного волеизъявления (п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»). Однако правом на такое волеизъявление с учетом обозначенного выше подхода к пониманию содержания объективной стороны будет обладать только то лицо, в отношении которого было совершено повторное деяние. Получается, что мнением лица, которое является потерпевшим от административного правонарушения, повторное совершение которого образует состав преступления, в таком случае можно пренебречь. Нам представляется, что такое игнорирование воли лица, объективно пострадавшего от общественно опасного деяния, способно подорвать доверие граждан к правоохранительным органам.

Наконец, нужно обратить внимание на правовые последствия освобождения от уголовной ответственности за преступления с административной преюдицией. По нашему убеждению, в результате такого освобождения уголовно-правовое значение утрачивает только то деяние, которое было совершено повторно. Как отмечено в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19, освобождение от уголовной ответственности является отказом государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление (в частности, от осуждения и наказания такого лица). Соответствующая ответственность реализуется именно в связи с повторным совершением общественно опасного деяния. Как отмечено в Постановлении Конституционного Суда от 10.02.2017 № 2-П, ст. 212.1 УК РФ предусматривает ответственность лишь за такое противоправное деяние, которое не послужило основанием административной ответственности совершившего его лица.

Кроме того, освобождение от уголовной ответственности возможно только при наличии в деянии лица всех признаков состава преступления. В противном случае уголовная ответственность попросту не возникает. Для наличия состава преступления с административной преюдицией необходимо установить, что ранее лицо уже привлекалось к административной ответственности. При этом на стадии, когда в отношении лица уже вынесено постановление о привлечении к административной ответственности и назначено административное наказание, освобождение от данной ответственности уже объективно невозможно. Следовательно, освобождение от уголовной ответственности не означает утрату уголовно-правовых свойств (преюдициальности) ранее совершенным деянием. Таким образом, если после освобождения от уголовной ответственности за преступление с

административной преюдицией лицо в период, в течение которого считается подвергнутым административному наказанию, вновь совершает соответствующее общественно опасное деяние, то имеются все основания для его привлечения к уголовной ответственности.

Список литературы:

1. Безверхов А.Г. Возвращение «административной преюдиции» в уголовное законодательство России // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 48-53.
2. Коновалова А.Б., Мосечкин И.Н. О применении института административной преюдиции в борьбе с преступлениями в сфере экономической деятельности // Безопасность бизнеса. 2017. № 6. С. 50-56.
3. Коробеев А.И., Ширшов А.А. Уголовный проступок сквозь призму институт административной преюдиции: благо или зло? // Уголовное право. 2017. № 4. С. 68-72.
4. Маркунцов С.А., Одоев О.С. О перспективах применения уголовно-правовых запретов, сформулированных с использованием конструкции административной преюдиции // Судья. 2016. № 6. С. 28-31.
5. Сидоренко Э.Л. Административная преюдиция в российском уголовном праве: проблемы квалификации // Мировой судья. 2016. № 3. С. 28-34.
6. Харлина М.И. Особенности состава преступления с административной преюдицией // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8. С. 136-143.
7. Чикин Д.С. Преступление с административной преюдицией как вид сложного единичного преступления // Российский следователь. 2012. № 23. С. 17-18.
8. Шемякин Д.В. Проблемные вопросы использования административной преюдиции в уголовном праве // Российский следователь. 2015. № 15. С. 45-47.

Проватарь Ю.А.

заместитель прокурора г. Евпатории

Полномочия прокурора на досудебной стадии уголовного судопроизводства, проблемы совершенствования уголовно-процессуального законодательства в указанной сфере

Проблема полномочий прокурора на досудебной стадии уголовного судопроизводства является одной из наиболее дискуссионных и изучаемых в современной научной юридической литературе, среди практиков в сфере юриспруденции, а также у законодателей. В то же время, единых подходов по указанному вопросу на данный момент не выработано, количество позиций по расширению/сужению/кардинальному изменению полномочий прокурора на исследуемой стадии уголовного процесса исчисляется десятками, а вносимые на их основании проекты изменений в

законодательные акты Российской Федерации (УПК РФ, ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» и иные) годами рассматриваются профильными комитетами Государственной Думы Российской Федерации, правовым управлением Администрации Президента Российской Федерации и иными уполномоченными государственными структурами. [1, 2, 3]

В то же время, на текущем этапе развития российской системы уголовного судопроизводства имеется реальная необходимость в изменении роли и полномочий прокурора на досудебной стадии уголовного судопроизводства с целью повышения эффективности прокурорского надзора при реализации полномочий, предусмотренных ст. 37 УПК РФ.

При имеющихся полномочиях, особенно в отношении органов предварительного следствия, добиться восстановления законности в конкретном уголовном деле либо по конкретному материалу процессуальной проверки прокурору зачастую очень сложно, фактически, при отсутствии надлежащего межведомственного взаимодействия между органами прокуратуры и территориальными следственными органами на местах функция прокурора сводится к проверке законности 5 процессуальных решений на досудебной стадии уголовного судопроизводства: о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, о приостановлении и предварительного следствия, о прекращении предварительного следствия и о направлении уголовного дела в суд [5].

Во всех остальных случаях прокурор может лишь вносить акты прокурорского реагирования, в первую очередь требования в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, от результата рассмотрения которых руководителем следственного органа по сути и будет зависеть эффективность прокурорского реагирования.

При этом возможность добиться восстановления прав граждан в разумный срок сводится к нулю.

К наиболее значимым следует отнести следующие полномочия прокурора, появление которых в действующем уголовно-процессуальном законодательстве позволит существенно улучшить качество прокурорского надзора:

- 1) возможность возбуждения уголовного дела;
- 2) возможность проведения отдельных следственных действий;
- 3) возможность отмены отдельных процессуальных решений, касающихся конституционных прав граждан, принимаемых следователями и руководителями следственных органов;
- 4) согласование возбуждения перед судом ходатайства об избрании, продлении, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения.

Наиболее перспективным, на наш взгляд, является законопроект № 872311-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о расширении полномочий прокурора в досудебном судопроизводстве)», внесенный депутатами Государственной Думы Российской Федерации Г.А.Зюгановым, И.И.Мельниковым,

С.Н.Решульским, Ю.П.Синельщиковым и В.Г.Соловьевым ещё 31.08.2015.

Согласно указанного законопроекта, в частности, предлагается наделить прокурора следующими полномочиями: возбуждать уголовное дело частного и частно-публичного обвинения в случаях, предусмотренных частью четвертой статьи 20 УПК РФ, а также уголовное дело публичного обвинения при наличии повода и основания, предусмотренных статьей 140 УПК РФ; принимать к производству и расследовать уголовные дела при отводе следователя, дознавателя в порядке статьи 67 УПК РФ, а также в случае их отстранения в виду допущенных нарушений положений УПК РФ и невозможности заменить их иным лицом, осуществляющим расследование; давать письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий, обязательные для следователя и руководителя следственного органа; утверждать постановление следователя, дознавателя о возбуждении ходатайства перед судом об избрании, продлении, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения; отменять незаконные или необоснованные постановления следователя, дознавателя; утверждать постановление следователя, дознавателя о прекращении производства по делу; приостанавливать или прекращать производство по делу; производить предусмотренные частью первой статьи 144 УПК РФ процессуальные действия при проверке сообщения о преступлении и принимать решение по результатам рассмотрения сообщения о преступлении; отказывать в возбуждении уголовного дела; принимать решение об отводе следователя и руководителя следственного органа; давать согласие следователю, дознавателю на прекращение уголовного преследования и возбуждение перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия, предусмотренной частью второй статьи 90 УК РФ, на прекращение уголовного дела в связи с применением сторон, деятельным раскаянием, а также по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности.

Одновременно руководитель следственного органа наделяется полномочием производить отдельные следственные и процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству, а начальник подразделения дознания – давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, продлении, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения, и лично допрашивать подозреваемого, обвиняемого без принятия уголовного дела к своему производству при рассмотрении вопроса о даче согласия дознавателю на возбуждение такого ходатайства.[4]

Указанные изменения, безусловно недостаточны с точки зрения полноты регулирования исследуемых правоотношений, так как влекут за собой не только изменение полномочий прокуратуры, но и необходимость определенных институциональных изменений в самой структуре органов

прокуратуры, а именно необходимость укомплектования органов прокуратуры определенным количеством следователей с их надлежащей профессиональной подготовкой, требуют внесения изменений в ряд статей УПК РФ, регламентирующих производство отдельных следственных действий, а также, к примеру, ст. 151 УПК РФ, определяющую подследственность уголовных дел, и ряд других статей.

В то же время, отсутствие на данный момент указанных выше полномочий, в том числе полномочий прокурора по проведению отдельных следственных действий без принятия уголовного дела к своему производству, приводит к снижению качества надзора, например, на стадии направления уголовного дела в суд.

Так, при наличии у прокурора, изучающего уголовное дело перед утверждением обвинительного заключения (акта, постановления), сомнений относительно виновности лица, признавшего вину в инкриминируемом преступлении, возможного самооговора, в том числе под давлением сотрудников правоохранительного органа, и при отсутствии фактических сведений об этом в уголовном деле таких сведений отсутствуют основания для возврата уголовного дела для производства дополнительного расследования. В ином случае такое решение прокурора (о возврате уголовного дела для производства дополнительного расследования) будет обжаловано следователем (дознавателем) вышестоящему прокурору и, с большей вероятностью, отменено последним с принятием мер дисциплинарного характера к нижестоящему прокурору.

При этом возможность проведения отдельных следственных действий даст возможность прокурору, при наличии вышеназванных сомнений, самостоятельно допросить обвиняемого по делу и получить возможность непосредственно подтвердить или опровергнуть свои подозрения.

И это только одно из полномочий, предоставление которых прокурору реально повысит эффективность надзора в случае внесения изменений в действующее законодательство.

При этом, как при возможной доработке вышеназванного законопроекта, так и при разработке иных со схожей тематикой следует обратить внимание на практику изменения процессуального законодательства сопредельных государств, в первую очередь Украины и Казахстана, однако не просто скопировать новеллы их процессуального законодательства, а после детального анализа взять лучшее, при этом оставив процессуальную самостоятельность следователей при расследовании уголовных дел.

Список литературы:

1. «В Совете Федерации задумались над усилением надзора за следствием»//http://www.ng.ru/politics/2017-09-28/2_7083_prokuratura.html.
2. «Путину предложили расширить полномочия прокуроров»//<https://pravo.ru/news/view/145494/>.

3. «Чайка предложил дать прокурорам право вести дела против следователей» // <https://ria.ru/society/20170601/1495595014.html>.

4. Законопроект «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о расширении полномочий прокурора в досудебном судопроизводстве)» // <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/872311-6>.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 17.04.2017)//pravo.gov.ru.

6. Статья: К вопросу о соотношении прокурорского надзора и процессуального (ведомственного) контроля в досудебных стадиях уголовного судопроизводства (Спирин А.В.) ("Российский следователь", 2017, N 4) //Справочно-правовая система Консультант Плюс.

Заулочная С.А.

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук

Гражданско-правовые аспекты возмещения вреда, правомерно причиненного в процессе борьбы с преступностью

Конституция Российской Федерации гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина (ст. 45). Гарантией государственной защиты также является закрепление в Основном Законе права каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями или бездействием органов государственной власти или их должностных лиц (ст. 53) [1]. Кроме этого, национальное законодательство предусматривает случаи компенсации ущерба, который причинен личности или имуществу гражданина либо юридического лица правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления, должностными лицами этих органов, а также лицами, которым государством делегированы властные полномочия.

Общие нормы, регламентирующие возмещение правомерно причиненного вреда, содержатся в Гражданском кодексе Российской Федерации, в частности в ст. 16.1 [2] и п. 3 ст. 1064 ГК РФ [3].

Необходимо отметить, что институт обязательств, возникающих вследствие причинения вреда, занимает именно в гражданском праве свое достойное место. В связи с чем считаем необходимым поддержать позицию ученых, которые высказывают критическое отношение к утверждениям о том, что некоторые положения института обязательств из возмещения вреда относятся к публичному праву. Как отмечает Чорновол Е. П. содержание связей по возмещению и компенсации вреда состоит в безвозмездном перераспределении материальных благ за счет причинителя в пользу потерпевшего и является разновидностью имущественных отношений,

которые входят в предмет гражданского права [4, с. 235].

Особенностью отношений по возмещению вреда, причиненного правомерными действиями, в контексте нашей темы, является то, что причинение такого вреда обуславливает столкновение двух правомерных интересов. С одной стороны, причинение вреда в процессе выполнения лицом возложенных законом, иным нормативным актом или профессиональной инструкцией служебных обязанностей по предупреждению и пресечению преступных посягательств. А с другой - правомерный интерес лица, не причастного к преступной деятельности, но субъективное гражданское право которого подверглось умалению или уничтожению, в реализации потребности его восстановления посредством возмещения вреда.

Бланкетный характер норм, содержащихся в вышеуказанных статьях ГК РФ, позволяет нам определить следующие законодательно закрепленные случаи причинения вреда правомерными действиями в рассматриваемой сфере.

Так, Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ в ст. 22 определяет условия правомерности причинения вреда при пресечении террористического акта либо осуществлении иных мероприятий по борьбе с терроризмом, а ч. 2 ст. 18 предусматривает, что данный вред возмещается за счет средств федерального бюджета [5].

Статья 16 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ также допускает причинение вреда правоохраняемым интересам правомерными действиями должностных лиц органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, либо лицом, оказывающим им содействие при защите основополагающих прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. И при этом акцентируется внимание на вынужденном характере такого вреда [6].

К рассматриваемым случаям, по нашему мнению, можно отнести правомерное причинение вреда при использовании полицией транспортных средства, принадлежащих иным лицам, для пресечения преступлений, преследования лиц, совершивших преступления или подозреваемых в их совершении. При этом подлежат возмещению по требованию владельцев транспортных средств понесенные ими расходы либо причиненный им материальный ущерб. (п. 37 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ) [7]. Аналогичную норму содержит п. ж ч.1 ст. 13 Федерального закона от 03.04.1995 40-ФЗ [8]. Статья 13 Федерального закона от 27.05.1996 № 57-ФЗ также представляет органам государственной охраны использовать транспортное средство, принадлежащее иным лицам, но не упоминает обязанности возмещения расходов либо причиненного ими материального ущерба [9]. Однако, такое требование содержится в п. 2. 3. 3. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 [10].

Таким образом, если п. 1 ст. 1064 ГК РФ [3] закрепляет принцип полного возмещения вреда, то вышеуказанные законы если и предусматривают обязанность возмещения правомерно причиненного вреда,

ограничивают размер его возмещения. Что является абсолютно оправданным. Так, ст. 18 ФЗ от 06.03.2006 № 35-ФЗ, отсылает к Постановлению Правительства РФ от 15.02.2014 № 110, в котором п. 3, например, предусматривает возмещение из расчета за частично утраченное имущество - 50 тыс. рублей на человека, за полностью утраченное имущество - 100 тыс. рублей на человека [11].

Что касается возмещения правомерно причиненного вреда правоохраняемым интересам в процессе оперативно-розыскной деятельности, то здесь необходимо отметить отсутствие в соответствующем законе закрепления обязанности возмещения данного вреда. На уровне доктринальных исследований имеют место предложения решать данный вопрос в порядке ст. 1067 ГК РФ.

Гражданское законодательство не определяет понятия ни правомерного, ни противоправного поведения, не дает и перечня действий, которые признаются таковыми, в связи с чем возникает необходимость для установления данного факта обращаться к нормам соответствующих законов.

Таким образом одним из условий возмещения вреда, правомерно причиненного в сфере борьбы с преступностью является наличие специального закона, устанавливающего случаи правомерного причинения вреда и закрепляющего обязанность возместить данный вред.

Необходимо отметить, что законы, к которым отсылает ГК РФ оперируют такими категориями как «вред», «расходы», «материальный ущерб», а ГК РФ в ст.15 дает легальное определение только убыткам [2], что по нашему мнению не привносит определенности в правоприменительную деятельность. В связи с чем представляется целесообразным привести вышеуказанные понятия в соответствие с ГК РФ.

С учетом вышеизложенного можно сделать вывод, что закрепление в отечественном гражданском законодательстве права на возмещение правомерно причиненного вреда является стартом для дальнейшего совершенствования норм, регулирующих определенные сферы причинения и возмещения такого вреда.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) //Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) //Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 18.04.2018) //Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>

4. Чорновол Е.П. О функционировании в российском гражданском праве института предупреждения причинения, возмещения и компенсации вреда // Вопросы управления. № 4 (16). 2015. С. 230-240

5. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О противодействии терроризму» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>

6. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>

7. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «О полиции» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>

8. Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «О федеральной службе безопасности» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>

9. Федеральный закон от 27.05.1996 № 57-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «О государственной охране» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>

10. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 13.02.2018) «О Правилах дорожного движения» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>

11. Постановление Правительства РФ от 15.02.2014 № 110 (ред. от 30.09.2015) «О выделении бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства Российской Федерации по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и последствий стихийных бедствий» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>

Аксенов И.Ч.

доцент кафедры истории и теории государства и права Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова
кандидат юридических наук,
Заслуженный юрист Российской Федерации

Роль прокурорского надзора за исполнением законов в предупреждении преступности: историко-теоретические аспекты

Лучше предупреждать преступления, чем карать за них, – сказал более чем два с половиной века назад итальянский мыслитель Чезаре Беккариа [24, с. 123] это «цель любого хорошего законодательства, которое, в сущности, является искусством вести людей к наивысшему счастью или к возможно

меньшему несчастью, если рассуждать с точки зрения добра и зла...». Иными словами целям предупредительной деятельности должны служить ясные и простые законы, распространение знаний и образование, хорошее воспитание. Высказывания деятеля Просвещения не потеряли своей актуальности и сегодня.

По своей сути предупреждение преступности и иных правонарушений представляет собой специфическую область социального регулирования, управления и контроля, имеющая многоуровневый характер и преследующая цель борьбы с названными негативными для общества проявлениями на основе выявления и устранения их причин и способствующих им условий.

Обеспечение законности и правопорядка, защита прав и свобод человека и гражданина от нарушений законов, охрана законных общественных интересов является общими как для государства, так и для всего общества [21] задачами. О такой деятельности в той или иной форме говорится в ст. 2 и 45, п. «в», ст. 71, п. «б» ст. 72, п. «е» ст. 114 Конституции РФ. Согласно этим установкам общество и каждый человек должны на себе ощущать усилия государственных, негосударственных и общественных институтов в борьбе за правопорядок. Вместе с тем, следует считаться с тем, что большинство публичных и общественных институтов специальными правовыми актами ориентированы на решение специальных задач в «своей» сфере деятельности. Такой «двойкий» подход вынужденно смещает их задачу участвовать в борьбе за правопорядок на второстепенную роль. Собственно этим и порожден известный постулат - предупреждение и борьба с правонарушениями должны вестись специально уполномоченными государственными органами. Возник институт правоохранительных органов.

Проблема рассматриваемого вопроса достаточно многогранна, что наиболее красноречиво проявляется в надзорной деятельности прокуратуры. С одной стороны, прокуратура является правоохранительным органом и на нее законом и иными нормативно-правовыми актами возложена координация деятельности других таких же органов по борьбе с преступностью. Вместе с тем, по высказываниям, как правило оппонентов прокуратуры, прокуратура вообще не должна заниматься борьбой с преступностью, поскольку мол сам Федеральный закон от 17 ноября 1995 года № 168-ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» не выделяет отдельно предупредительную функцию [11, с.58]. Мнения по поводу координационной деятельности прокуратуры также различные - причем как о ее расширении, так и о ликвидации [14].

К сожалению, такие выводы не беспочвенны и порождены они различными подходами к затронутой теме и понятийными осложнениями - в законодательстве этот вопрос слишком разбросан, разобщен и решается по-разному. Не раскрыто, например, содержание многих важных правовых категорий: «правоохранительная деятельность» и «правоохранительная служба», «безопасность» и «правопорядок», хотя во многих нормативно-правовых актах они широко употребляются, а в юридической литературе - особенно. Возлагая на прокуратуру функцию координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, законодатель не

определил ни круг таких органов, ни критерии, по которым они могут быть отнесены к числу «правоохранительных». В статье 8 Закона о прокуратуре названы органы внутренних дел и федеральной службы безопасности, войск национальной гвардии, уголовно-исполнительной системы, таможенных органов и Следственного комитета. Законодательство в этой области, на наш взгляд, существенным образом ослаблено отказом от идеи формирования правоохранительной службы в Российской Федерации. Нормативно не определены понятие, содержание и структура также и правоохранительной системы страны. В результате служба на должностях правоохранительной деятельности сейчас регулируется значительным по объему массивом нормативных актов. В правовой литературе термин «правоохранительная деятельность» либо слишком сужен, либо просто отождествляется с «борьбой с преступностью». С «легкой руки», в частности СМИ, среди правоохранительных органов могут оказаться и воинские формирования, и государственные учреждения или структуры, охраняющие важных персон. В учебниках для вузов по предмету «Правоохранительные органы» его статусом могут наделяться частные охранные и детективные предприятия, уставными целями которых являются коммерческое извлечение прибыли.

Другая проблема затронутой темы состоит в том, что названные оценки либо порождены незнанием самой сущности прокурорского надзора, либо оппоненты прокуратуры подзабыли основополагающий принцип любого общества - борьба с преступностью представляет собой государственную деятельность по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, изобличению, уголовному преследованию и наказанию виновных в их совершении. Причем, каждый субъект выполняет эту роль в установленной для него сфере деятельности. Например, расследование преступлений и изобличение преступников, противодействие преступности и осуждение виновных относится к исключительной юрисдикции органов дознания, предварительного следствия и судов. Что же касается предупреждения (профилактики) правонарушений - то его осуществляет каждый человек, это задача всего гражданского общества и обязанность государства.

В направлении этой темы хотелось бы обратить внимание на высказывания Гуценко К.Ф. и Ковалева М.А. [12, с. 5-11]. Авторы, не соглашаясь с крайне узким пониманием содержания «правоохранительная деятельность», сообщают, что этот вид деятельности государственных органов имеет своей целью охрану «права». Достигается она путем применения юридических мер воздействия в строгом соответствии с законом и неуклонном соблюдении установленного порядка. Сторонники узкого подхода, отмечают авторы, не хотят видеть, что охрана «права» не только шире, чем предупреждение правонарушений и борьба с преступностью, но и неизмеримо важнее. Для общества недопустимы «любые проявления противоправности, попытки недозволенно ограничивать, злонамеренно ущемлять или умолять права и законные интересы, кому бы то они не принадлежали - гражданину России, иностранцу, коммерческой или некоммерческой, государственной или негосударственной организации. Все

это и тому подобное должно пресекаться не менее решительно, чем преступление, а его негативные последствия - устраняться или исправляться. В противном случае рассуждения о законности и правопорядке - пустой звук, а чтобы «такое не приобрело значительных масштабов, необходима деятельность, именуемая правоохранительной в широком смысле слова».

С этих же позиций постараемся рассмотреть содержание правовой категории «юридическая безопасность». Общепринято, что она указывает на «состояние защищенности субъектов права от какого-либо вреда». Раскрывается она через триаду: «юридическая безопасность государства», «юридическая безопасность общества», «юридическая безопасность человека», а также «юридическую безопасность как деятельность» [22].

Если речь идет о безопасности государства или общества, то состояние их защищенности предполагает наличие угроз основам конституционного строя и противодействие им посредством опоры на право. Используются при этом (при необходимости) и властное принудительное стеснение произвола отдельных лиц. Этот силовой инструмент «навязывает волю», проводит в жизнь определенные правила поведения, предписания власти [8, с. 193].

Юридическая безопасность человека имеет некоторое своеобразие и состоит не только, чтобы сохранить какую-то жизненно-важную функцию (например, вопрос о защите жизни человека от преступного посягательства). Жизнь человека может оказаться в опасности и без прямого посягательства. В силу негативных, как правило, юридических факторов она может оказаться под угрозой (потеря трудоспособности и потеря кормильца, уничтожение имущества в результате стихийного бедствия и другие факторы оставили человека без средств существования). В этой ситуации государство призвано принять правовые меры по восстановлению системы жизнеобеспечения человека. Осуществляются они, как и должно быть в демократическом обществе, без применения мер принуждения - «улучшение среды обитания, увеличение продолжительности и качества жизни» раскрывают «созидательный характер безопасности» [25, с.70]. Завершением действия механизма юридической безопасности должно стать реальное устранение угрозы, восстановление нарушенного права и социально-правовой справедливости в обществе [22].

Именно в этом контексте высказывался В.К. Звирбуль: «задача прокуратуры состоит в принятии мер к устранению, нейтрализации условий, способствующих проявлению причин преступности» [15, с.113]. Прокуратура доказала свою способность бороться с преступными проявлениями именно методами прокурорского надзора за исполнением законов, лаконично называемого общим надзором. Законодатели распознали его как последовательную форму контроля государства в одной из наиболее важных для нее областей - в сфере обеспечения законности [19, с. 172]. Именно общий надзор является эффективным средством достижения в обществе верховенства закона и единства законности. Надзирая за законностью во всех сферах жизни общества, прокуроры противодействуют правонарушениям, наиболее эффективно и «широкозахватно» обеспечивают

раннее предупреждение преступлений [13. с. 5-6] путем воздействия не только на сами причины и условия их совершения, но и на то, что их порождает («причины причин»). В последние годы, как официально сообщается Генпрокуратурой России, в прокурорском надзоре «приоритетное значение придается деятельности по защите прав и свобод человека»... «с помощью административно-правовых и гражданско-правовых средств» [18, с.32].

Не будет лишним отметить и то, что именно общий надзор всегда находился и остается сейчас в центре внимания оппонентов прокуратуры [23, с.24]. Эта деятельность «ока государева», как минимум «трижды» прекращала функционировать: первый раз - сразу после смерти основателя прокуратуры Петра Великого; во второй раз, когда в ходе судебной реформы 1864 года прокуратура превратилась в придаток судебной системы; а на третий раз вообще была упразднена Декретом о суде №1 от 24 ноября 1917 года. И каждый раз прокуроры «отвоевывали свое историческое предназначение» осуществлять надзор за исполнением законов. Даже авторы авторитетнейшего для своего времени документа - Концепции судебной реформы 1991 года «наивно полагали», что «постепенное отмирание общенадзорной функции прокуратуры не может повлиять на состояние законности в стране. Переход к рынку обеспечит внутренние естественные стимулы соблюдения законов» [3]. Однако этого не случилось, «естественные стимулы» к нам не пришли, и не придут, поскольку это противоречит теории государства и права. Но есть факт - Россия, благодаря недалёковидности своих политиков, в первые годы своего становления многое потеряла. Как тут не вспомнить знаменитое высказывание крупного российского правоведа А.Ф. Кони,¹ возражавшего против ликвидации губернской прокуратуры по Судебной реформе 1864 года и в ее лице общего надзора прокуратуры. «Должность эта, - отмечал правоведа, составляя наследие петровских времен и одно из лучших украшений екатерининских учреждений, играла огромную роль в стране. Придавая прокурору «обвинительную обособленность», может быть и выходило красивым..., но противоречило нашей жизни...» «В торопливом... желании «поскорее расчистить для новых насаждений место, поросшее бурьяном и полусгнившими деревьями, был срублен дуб, стоящий на страже леса» [17,с.181–200]. Отрицательно отзывались о результатах этой реформы, разработчики которой сделали все, чтобы ликвидировать общий надзор прокуратуры, и многие государственные деятели. Так, историк и генерал-прокурор (1894-1905гг) Муравьев Н.В. отмечал, что «судебная, обвинительная или исковая деятельность» ... прокуратуры являлась частным дополнением к функции надзора, едва намеченное в законе, слабое и

¹ Кони Анатолий Федорович (1844-1927). Российский юрист, судья, государственный и общественный деятель, литератор, судебный оратор, действительный тайный советник, член Государственного совета Российской империи. Почётный академик Санкт-Петербургская академия наук по разряду изящной словесности, доктор уголовного права Харьковского университета, профессор Петроградского университета.

незначительное на практике» [9]. Не случайно широкие надзорные функции прокуратуры Петр I в своем Указе от 12 января 1722 года дважды обозначает термином «инстиговать» (instiguer), что означает «следить за исполнением, заставляя выполнять чей-либо долг» [16].

Такой подход обеспечивается и в современном праве: любой гражданский институт, не говоря уже публичный, обязан не только обеспечивать законность и правопорядок в «своей» сфере деятельности, но и должен реагировать на любое правонарушение. Причем, суды, органы дознания и следствия, органы федеральной службы безопасности согласно уголовно-процессуальному и отраслевому законодательству обязаны выявлять причины и условия, их порождающие, и принимать меры по их устранению (ликвидации). Судебно-следственная и прокурорская практика выработали значительный объем средств, методов и способов достижения этих целей.

Кроме того, уровень правовой защищенности личности, общества и государства обеспечивают и поддерживают: меры юридической защиты (материальные и процессуальные меры принуждения); меры самозащиты; юридическая ответственность; правовая охрана; меры пресечения; способы восстановления нарушенных прав; правовая неприкосновенность; правовые ограничения; научно-правовые идеи и концепции; эффективность деятельности правотворческих органов; уровень правовой культуры и правосознания и другие. Все названные меры в полной мере составляют предмет прокурорского надзора - ни одна из них не может оставаться без реагирования прокурора, если совершается с нарушением закона.

Хотя в сфере борьбы с преступностью прокуратура лишилась некоторых полномочий, однако они восполняется общим надзором за исполнением законов. Выявляя и пресекая нарушения законов, от кого бы они не исходили, прокуратура присущими только для нее правовыми средствами, вводит противоправное деяние в правовое русло, стабилизирует базовые правоотношения, устраняет из них криминально-опасные ситуации, ограничивает сферы действия причин и условий, способствующих посягательствам на жизнь и здоровье человека, окружающую среду и чужую собственность, предупреждает и пресекает хищения, злоупотребления и иные преступления. В этом и заключается прокурорская функция в сфере предупреждения правонарушений и координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации 1993 года.
2. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 ноября 1995 года № 168-ФЗ.
3. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 года № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР № 44. Ст. 1435.

4. Указ Президента РФ от 18.04.1996 № 567 (в редакции 07.12.2016 № 656) «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» вместе с Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

5. Приказ Генерального прокурора РФ от 26.06.1997г № 34 «Об организации работы органов прокуратуры по борьбе с преступностью».

6. Приказ Генерального прокурора РФ от 05.06.2000г № 98 «Об образовании управлений Генеральной прокуратуры Российской Федерации в федеральных округах».

7. Приказ Генерального прокурора РФ от 07.12.2007г № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина».

8. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. - М.; 2001.

9. Бажанов С.В. Место и роль прокуратуры в системе правоохранительных органов // «Законность», 2009, № 6.

10. Буксман А.Э. Первый заместитель Генерального прокурора РФ. Прокурорский надзор за соблюдением социальных прав граждан. - М.: Генеральная прокуратура Российской Федерации. - 2013.

11. Герасимов С.И. Настольная книга прокурора. - М.; 2002 // <https://texts.news/rossii-nadzor-prokurorskiy/nastolnaya-kniga-prokurora-kollektiv-avtorov.html>

12. Гуценко К.Ф., Ковалев М.А. Правоохранительные органы. Учебник для юридических вузов и факультетов // под редакцией Гуценко К.Ф. –М.: ЗЕРЦАЛО, 2007.

13. Дудин Н. П. Основные направления прокурорской деятельности: Учебное пособие // Коллектив авторов Е. А. Бурмирова, Г. В. Дытченко, Н. П. Дудин, И. А. Захарова, О. Н. Коршунова, Н. В. Кулик, Е. Л. Никитин, А. Е. Скачкова. - СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2011.

14. Зарубин В.И. Нормативное регулирование координационной деятельности по борьбе с преступностью на постсоветском пространстве // «Законность», 2013, № 9 .

15. Звирбуль В.К. Теоретические основы предупреждения преступности // Отв. ред. В.К. Звирбуль, В.В. Клочков, Г.М. Миньковский. - М.; 2007

16. Исторический словарь галлицизмов русского языка.

17. Кони А.Ф. За последние годы. - СПб. - 1898; Приемы и задачи прокуратуры. Собр. соч. – М., - 1968. Т. 4.

18. Паламарчук А.В., Сеченова Р.Р., Зимин В.П. Деятельность органов прокуратуры России вне уголовно-правовой сферы. – М.: Генеральная прокуратура Российской Федерации, 2013. - 119 с.

19. Прокурорский надзор: учебник для вузов //под ред. А. Я. Сухарева: 2-е издание. - М.: 2008.

20. Рекомендация CM/Rec(2012)11 Комитета министров государствам-членам о роли прокуроров вне системы уголовного правосудия (принята

Комитетом министров 19 сентября 2012 года на 1151-м заседании на уровне заместителей министров).

21. Ступаченко Е.В. К вопросу совершенствования правовой регламентации координационной деятельности по обеспечению правопорядка// «Государственная власть и местное самоуправление», 2016, - № 7.

22. Фомин А. А. Юридическая безопасность и правовая защищенность: соотношение и взаимосвязь // «Журнал российского права». 2005.

23. Филиппов А.Н. История Сената в правление Верховного Тайного Совета и Кабинета. - Юрьев, 1895, ч. 1.

24. Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях». - М.; 1995. - С. 123.

25. Шершенев Л. И. Об основах концепции национальной безопасности России // Диалог. 1996. № 5-6.

Хаяли Р.И.

заведующий кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации,
доктор исторических наук, доцент

Борьба с преступностью в Крымской АССР на этапе государственного строительства (1921-1925 годы)

Государственное строительство в Крымской АССР в 1920-е годы столкнулось с серьезными проблемами. Гражданская война и голод 1921-1923 годов способствовали разгулу бандитизма, высокому уровню преступности в городах и сельской местности. Грабежи, кражи, разбой, убийства стали повседневностью крымской жизни. Организованные банды терроризировали население, изымая продовольствие и имущество.

В целях защиты личной жизни и имущества при поддержке местных органов власти в сельской местности населением создавались судебные комиссии, по сути превратившиеся в самосудные комиссии, творящие незаконные расправы и произвол.

Организация правоохранительных органов и прежде всего прокуратуры в системе Наркомата юстиции, а также судов должны были обеспечить решительную борьбу с преступностью. На это нацеливало и Положение о прокурорском надзоре 1922 г., в соответствии с которым прокуратура создавалась в «целях осуществления надзора за соблюдением законов и в интересах правильной постановки борьбы с преступностью».

Создание отдела прокуратуры при Наркомате юстиции позволили организовать надзор за органами дознания, следствия, судебными органами и местами заключения, а также наблюдение за органами ОГПУ.

Организация органов прокуратуры и прокурорского надзора в республике проходили одновременно с созданием органов милиции,

уголовного розыска, ОГПУ между которыми возникали определенные трения, как на районном, так и на республиканском уровнях.

В связи с этим в 1925 году участковым прокурорам были даны следующие указания. Каждый объявленный розыск необходимо было осуществлять с санкции местного прокурора, которая дается при наличии мотивированного постановления с кратким содержанием преступления. Орган дознания, в обязанностях которого лежала розыскная задача, получив отдельное требование о розыске, прежде чем приступить к розыску был обязан получить разрешение от районного прокурора. Повестки разыскиваемым лицам органами дознания и суда должны посылаться строго через прокурора [1. Л. 46].

В период государственного строительства внимание общественности было привлечено к уголовному делу по обвинению лиц, участников бандитского движения в годы гражданской войны. По делу банды Шнейдера Главным судом Крымской АССР обвинялось 26 лиц, совершившие уголовные преступления в отношении гражданского населения в 1919 – 1920-е годы. В суд было вызвано около 100 свидетелей, пострадавших от бандитов.

Действия преступной банды были квалифицированы по ст. 64 УК РСФСР. Крымский обком партии дважды подтвердил необходимость применения высшей меры наказания в отношении главаря отряда Шнейдера.

Однако в ходе судебного разбирательства возникли трудности. Суд встал перед препятствием в виде примечания 2 к ст. 33 УК РСФСР. То есть момента совершения преступления прошло 5 лет, и соответственно истек срок давности уголовного преследования.

Приговором Главсуда Крымской АССР 10 ноября 1925 года главарь банды Фердинанд Шнейдер приговорен к расстрелу. Верховным судом РСФСР приговор был оставлен в силе, но заменен 10 годами ИТЛ со строгой изоляцией и с конфискацией имущества за контрреволюционные деяния. На различные сроки были осуждены и другие участники банды.

В организации прокурорского надзора в Крымской АССР наиболее сложным направлением были органы ОГПУ. Это во многом было обусловлено двойственностью «Положения о прокурорском надзоре», которое в отношении ОГПУ применило термин «наблюдение». Наблюдение за ОГПУ осуществлялось согласно Постановления ВЦИК от 16 октября 1922 года и на основании Инструкции от 1 ноября 1922 года и было возложено на помощника Прокурора республики. По каждому делу прокурор должен был лично присутствовать на допросах подозреваемых лиц, обвиняемых в совершении преступления, составлять заключение и о всяком несогласии с решением следователей ОГПУ докладывать помощнику Прокурора республики или направлять по каждому делу копию заключения.

Работа ОГПУ в это время в республике была направлена на борьбу с саботажем, контрреволюционной деятельностью и фальшивомонетчеством.

В 1924 году прокуратурой были подведены первые итоги работы по организации наблюдательного производства за ОГПУ. В частности, 27

августа временно исполняющий должность прокурора по наблюдению за органами ОГПУ Кобленц обобщил опыт прокурорской деятельности по данному направлению, в котором отмечалось следующее. Осуществляя прокурорский надзор, органами прокуратуры при рассмотрении дел, поступающих из ОГПУ, были обнаружены следующие «дефекты в производстве дознания и следствия». В значительной части дел на практике обвиняемые допрашивались с предупреждением о последствиях дачи ложных показаний на основании статьи 178 УК РСФСР. Данная статья должна была применяться исключительно в отношении свидетелей, экспертов и переводчиков. В отдельных постановлениях о привлечении и ответственности по делам указывалось, что обвиняемый изобличается дознанием или следствием в совершении преступления, тогда как в делах отсутствовали указания на совершении этого преступления. Следователи ОГПУ, составляя постановления о привлечении к уголовной ответственности, делали это без какой-либо мотивировки и указания на факты, подтверждающие преступление, по которому лицо привлекалось к ответственности. Очень часто в делах отсутствовали постановления об избрании меры пресечения на основании ст.ст. 146, 147 УПК РСФСР. В подавляющем большинстве уголовных дел также отсутствовали постановления уполномоченного в соответствии со ст. 207 УПК РСФСР об объявлении обвиняемому об окончании следствия. Дознание, осуществляемое ОГПУ, на практике превышало срок в один месяц, что также являлось грубым нарушением ст. 105 УПК РСФСР. ОГПУ не всегда уведомляло прокуратуру в течение 4 часов о принятии меры пресечения, как то требовали ст.ст. 102, 104 УПК РСФСР [2. Л. 313 – 313 об.].

Имелись нарушения и на местах. Так, некоторые районные отделы ОГПУ не сообщали прокурору о проведении дознания в отношении отдельных лиц, о направлении дела в суд, об избрании меры пресечения в виде ареста. Также во многих делах отсутствовали постановления о предъявлении обвинения на основании ст. 128 УПК РСФСР, об изменении меры пресечения (ст. 146 УПК РСФСР), постановления о предъявлении обвинения (ст.ст. 128, 146 УПК РСФСР). В отдельных делах отсутствовали обвинительные заключения (ст. 210 УПК РСФСР), как и постановления о направлении дела прокурору (ст. 211 УПК РСФСР).

В целом результате организации прокурорского надзора и наблюдательного производства следственный аппарат ОГПУ усвоил обоснованные прокуратурой требования и на сделанные замечания обратил должное внимание.

В 1925 году органами прокуратуры республики был подготовлен доклад за период с января по апрель, где отмечалось, что выявлены случаи нарушения ОГПУ процессуальных сроков. Также в докладе было подчеркнуто, что имеются существенные недочеты, а именно неправильная квалификация преступлений, нарушение порядка дознания и следствия, правил административного выселения. На все эти упущения прокуратурой республики были даны конкретные указания ОГПУ.

Организация наблюдательного производства за органами ОГПУ была необходимой мерой, так как именно здесь наиболее часто встречались нарушения норм процессуального и материального права. В целях улучшения наблюдательного производства за ОГПУ прокурорским работникам рекомендовалось углубить общее наблюдение в пределах инструкции по наблюдению за органами ОГПУ и постановления ВЦИК от 16 октября 1922 года. Также рекомендовалось представлять в двухнедельные сроки информацию о делах, находящихся в производстве в ОГПУ, в которых указывать:

- количество дел, подразделяя их по роду преступлений;
- время начала следствия или дознания;
- количество арестованных по делам и срок содержания под стражей

[З. Л. 1 – 1 об].

Также рекомендовалось соблюдать установленный порядок направления в отдел прокуратуры при Наркомате юстиции Крымской АССР наблюдательных производств по делам, направляемым из местных комендатур ОГПУ в ОГПУ Крымской АССР.

Принципы организации прокуратуры в системе Наркомата юстиции позволили обеспечить прокурорский надзор от имени государства за законностью действий всех органов власти, координацию правоохранительных органов и соблюдение действующего законодательства. Эти факторы определили успешную борьбу с преступностью в Крымской АССР на этапе государственного строительства. Такие виды преступлений как морская контрабанда, фальшивомонетчество и бандитизм, направленный против основ государственного управления, были ликвидированы полностью.

Список источников:

1. ГАРК. Ф. Р1110. Оп. 1. Д. 66.
2. ГАРК. Ф. Р. 1100. Оп. Д. 28.
3. ГАРК. Ф. Р. 1110. Оп. 1. Д. 73.

СЕКЦИЯ № 1
Криминологические и уголовно-правовые аспекты противодействия
преступности. Организованные проявления преступности

Игнатов А.Н.

профессор кафедры уголовного
права и криминологии
Крымского филиала Краснодарского
университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор

Проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности
за заведомо ложное сообщение об акте терроризма

Несмотря на колебания в динамике, количество регистрируемых в стране преступлений, предусмотренных ст. 207 УК РФ, имеет тенденцию к росту. Возрастание общественной опасности заведомо ложного сообщения об акте терроризма объективно обусловлено инновационно-техническим развитием человечества (прежде всего в части развития информационных технологий) и глобальным развитием информационного общества, а также возрастанием угрозы международного терроризма и ее субъективного восприятия как населением в целом, так и каждым отдельным человеком в частности. В соответствии с данными факторами пропорционально возрастает вред (как прямой имущественный вред и материальные убытки, так и административно-ресурсные затраты и пр.), причиняемый человеку, обществу и государству вынужденным реагированием на сообщения об акте терроризма.

Террористический характер заведомо ложного сообщения об акте терроризма очевиден. Каждое общество, столкнувшееся с террористической угрозой, в нынешних условиях реальной опасности международного терроризма, воспринимает любое сообщение об акте терроризма как вредоносное (как по восприятию, так и фактически) и требующее безотлагательного реагирования, поскольку оно служит для него информационным сигналом о потенциальной опасности террористического насилия. Любое, в том числе заведомо ложное, сообщение об акте терроризма нарушает нормальные условия и ритм жизни общества и государства, устрашает население, дезорганизует деятельность органов власти, в частности правоохранительных органов, государственных учреждений и организаций, нарушает нормальное функционирование объектов социальной инфраструктуры и пр.

Характер и степень общественной опасности данного деяния учтены законодателем при установлении возраста уголовной ответственности за его совершение в соответствии с частью 2 статьи 20 УК РФ – с 14 лет. Данное деяние уже давно перестало быть и восприниматься обществом как «школьное хулиганство». Портрет преступника сегодня выглядит следующим образом – как правило, это мужчина в возрасте от 30 до 49 лет,

не имеющий постоянного заработка, он «минирует» объекты по месту жительства.

Несмотря на указанное, законодатель внес изменения в диспозицию рассматриваемой нормы (ч. 1 ст. 207 УК РФ), предусмотрев в качестве конструктивного признака состава преступления совершение заведомо ложного сообщения об акте терроризма *из хулиганских побуждений* [1]. В судебной практике при квалификации заведомо ложного сообщения об акте терроризма введение указанного «новшества» привело к следующему. С одной стороны указание на совершение данного преступления из хулиганских побуждений привело к искусственному и неоправданному устранению преступности заведомо ложного сообщения об акте терроризма, совершенного до вступления рассматриваемых изменений в законную силу, по иным, кроме хулиганских побуждений, мотивам. При этом, суды прекращают уголовные дела в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 207 УК РФ в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ за отсутствием в деянии состава преступления, как на основании факта установления иного мотива совершения преступления, так и на основании отсутствия факта установления следствием и судом хулиганских побуждений в действиях виновного. С другой стороны указание на совершение данного преступления из хулиганских побуждений привело к тому, что с учетом условности и неопределенности данной категории, суды вынуждены при квалификации содеянного по ч. 1 ст. 207 УК РФ сводить к «незначительному поводу» самые разнообразные мотивы и цели совершения преступления [2].

Таким образом, обязательность «хулиганского» мотива игнорирует террористический характер и общественную опасность заведомо ложного, сообщения об акте терроризма. Общественная опасность данного преступления и ее фактическое выражение в причиняемом человеку, обществу и государству вреде наличествуют и при заведомо ложном, сообщении об акте терроризма, совершаемом из «личных» мотивов (например, совершенном лицом (воспитанником детдома, ветераном боевых действий и пр.) из мести органам власти (за не предоставленные жилье, льготы и пр.), Исключение из ст. 207 УК РФ «хулиганского» мотива, как признака состава преступления, позволит адекватно отразить террористический характер и общественную опасность данного преступления и эффективно осуществлять его превенцию уголовно-правовыми средствами.

Действующая редакция диспозиции ч. 1 ст. 207 УК РФ содержит указание на заведомо ложное сообщение лишь о «готовящихся» взрыве, поджоге или иных действиях. Формально под данную норму не попадают деяния, уже совершаемые на момент сообщения о них (например, лицо заведомо ложно сообщает о факте захвата заложников вооруженным террористом и т.п.). В связи с чем, на наш взгляд, необходимо изменение диспозиции данной в части указание на заведомо ложное сообщение «о готовящихся или совершаемых» преступных действиях.

Кроме того, диспозиции ч. 1 ст. 207 УК РФ не предусматривает ответственность за различного рода «фейковые» инсценировки, а также действия так называемых «пранкеров», имеющие террористический характер, т.е. создающих мнимую угрозу совершения террористического акта.

Следует учитывать террористический характер заведомо ложного сообщения об акте терроризма (в частности, устрашение населения, порождение паники и неуверенность в обществе в способности государства противостоять терроризму, необходимость проведения оперативных и антитеррористических мероприятий, дезорганизацию нормальной работы учреждений и пр.), а также то, что способ совершения преступления, предполагающий рассылку писем с неизвестным веществом, оставление подозрительных предметов и механизмов в местах массового пребывания людей и т.п., не охватывается составом преступления, предусмотренного ст. 207 УК РФ, поскольку не содержат никакого сообщения (сведений) об угрозе совершения действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий [3, с. 133].

Исходя из вышесказанного, ст. 207 УК РФ требует усовершенствования. Предлагаем диспозицию ч. 1 ст. 207 УК РФ изложить в следующей редакции: «1. Заведомо ложное сообщение о готовящихся или совершаемых взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, а равно создание заведомо ложной обстановки совершения указанных действий, - ...»

Учитывая уровень рецидива заведомо ложного сообщения об акте терроризма считаем необходимым в качестве квалифицирующего признака данного преступления предусмотреть совершение его повторно, изложив диспозицию ч. 2 ст. 207 УК РФ в следующей редакции: «2. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное в отношении объектов социальной инфраструктуры либо повлекшее причинение крупного ущерба, либо совершенное повторно - ...».

Заведомо ложное сообщение об акте терроризма часто имеет откровенно выраженную экстремистскую и террористическую мотивацию. Сегодня террористы и экстремисты, а также различного рода зарубежные «оппоненты» и «доброжелатели» нередко используют дезинформацию о месте, времени и характере террористических угроз с целью нагнетания атмосферы страха, паники и нестабильности в нашем обществе, а также с целью отвлечения сил и средств органов власти от реальных угроз и насущных задач.

Часть 3 ст. 207 УК РФ предусматривает ответственность за квалифицированный вид заведомо ложного сообщения об акте терроризма – заведомо ложное сообщение о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных

последствий в целях дестабилизации деятельности органов власти [1]. Однако цель дестабилизации деятельности органов власти всю вариативность целей совершения данного преступления не охватывают. Общественная опасность заведомо ложного сообщения об акте терроризма и ее фактическое выражение в причиняемом человеку, обществу и государству вреде имеют место при совершении преступления с целью устрашения населения, а также с целью воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями, при условии отсутствия у виновного умысла и фактической возможности реализации угрозы, либо отсутствия угрозы как таковой (например, лицо добивается отмены общественного мероприятия, введения комендантского часа и пр.).

С учетом указанного, целесообразно изложить диспозицию ч. 3 ст. 207 УК РФ в следующей редакции: «3. Деяние, предусмотренное частями первой, второй настоящей статьи, совершенное в целях устрашения населения, дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений – ...».

Список литературы:

1. Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в статьи 205 и 207 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201712310018> (дата обращения 01.05.2018).

2. Игнатов А.Н. О террористическом характере заведомо ложного сообщения об акте терроризма // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 5.

3. Дробот С.А., Тишин Д.В. Некоторые вопросы квалификации и расследования заведомо ложного сообщения об акте терроризма // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2003. Т. 9. № 2 (6).

Кашкаров А.А.

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук

Политизация исламского радикализма, как фактор распространения экстремистской идеологии и террористических убеждений

Отмечая общественную опасность деятельности радикальных исламистов, следует указать то обстоятельство, что с целью придания убедительности своих доводов в религиозной сфере они позволяют себе относительно фривольное, селективное толкование канонических положений Корана, что подрывает в сознании мусульман существующие догматические устои самого Ислама, как одной из основных мировых религий. Особо

обращая внимание на данную проблему следует указать, что именно она особо остро стоит во многих мусульманских регионах России, так как представители духовенства в большинстве являются приглашёнными имамами, которые зачастую проходили обучение не в канонической религиозной организации, а в тех, которые является адептами идей именно радикального ислама. Таким образом, методика аргументации радикальных исламистов основана, как правило, на подтверждении ими тех или иных выдвигаемых положений, идей, а порой и просто домыслов, той или иной цитатой, буквально вырванной, выхваченной из Корана или Сунны. Нередко они подкрепляют свои идеи трудами салафитов прошлого. Безусловно, такой подход способствует радикализации ислама в определенные, переломные этапы истории, в русле этого процесса фиксируется развитие религиозно-политического экстремизма и даже терроризма, мотивированного идеологами радикального исламизма [1, с. 129].

Кроме того, в последнее время во многих государствах и даже отдельных регионах некоторых держав отмечается политизация исламистского движения, создаются политические партии и общественные движения радикального исламистского толка и направленности, основная цель которых инкорпорирование исламских ценностей в современный светский социум, придание исламу статуса государственной религии, создание панисламистского государства.

Такого рода радикальные организации имеют глубоко эшелонированную внутреннюю структуру, которая позволяет отдельным её структурным элементам, подразделениям действовать автономно друг от друга, каждая из существующих ячеек чётко структурированы с одной стороны и децентрализованы с другой. Сформированные ячейки в обязательном порядке должны руководствоваться в своей деятельности принципами конспирации. Исследователи отмечают, что распространяемый в мире радикальный ислам следует признавать политизированным сектантским движением, о политизации радикализма указывают такие признаки как:

1) однозначно отрицательное отношение к существующей власти и стремление к власти; наличие идеологии «правильного» обустройства политической системы и идеологии строительства государства и государственных структур;

2) тактика политической борьбы;

3) политико-идейная обоснованность и развитый агитационный механизм и средства пропаганды [2, с. 53].

При осуществлении своей деятельности исламисты активно используют передовые достижения и технологии IT-сферы, социальных сетей, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», инструментарий средств массовой информации, институтов гражданского общества, камуфлируют свою деятельность под видом общественных организаций, профсоюзов с целью оказания давления на политические, экономические, но в большей степени религиозны, духовные элиты,

осуществить экспансию радикальных исламистских взглядов социуме. Указанный тезис даёт нам основе утверждать о высокой степени «выживаемости» радикальной исламистской идеологии в обществе, свидетельствует о его динамизме и высокой степени социальной конъюнктуры, при условии сохранения фанатичной приверженности радикальным исламистским идеям.

Определяя религиозный окрас радикального исламизма следует отметить, что его политические идеи базируются на постулатах равенства, братства, а также националистических идеях, которые позволяют культивировать идеи единства всех мусульман и пренебрежительного отношения к неправовым.

Популяризация идей радикального исламизма объясняется рядом обстоятельств, а именно: условиями социального неравенства, авторитаризма властей, расцвета коррупции и должностной преступности в органах публичной власти и возвращения участников боевых действий за оппозицию из Сирии, которые приобретают статус героя, а в некоторых случаях статус мученика [3, с. 66]. Вербовщики спекулируют, отсутствием базовых знаний о догмах истинного ислама, фривольными трактовками Корана, наличием указанных социальных проблем, указывают, что существующая государственная власть не в состоянии справиться с указанными проблемами, реализуемая властями политика безбожна и по этой причине она нерезультативна, а обращение к «истинной» вере позволит разрешить их, достичь всеобщего благоденствия и равенства мусульман.

Отдельную угрозу представляют адепты радикального ислама, которые побывали в зонах вооруженных конфликтов и вернулись обратно, в места постоянного проживания. Их опасность заключается в том, что данные лица приобрели опыт ведения боевых действий, приобрели статус воина. Статус и авторитет данных лиц достаточно высок в исламистском сообществе, что даёт возможность активно привлекать их к эмиссарской и пропагандистской деятельности, вербовочному процессу.

Мы полагаем, что классификация радикального ислама на: умеренное крыло; умеренно-радикальное крыло; радикальное крыло, которую используют некоторые исследователи [2, с. 48-50] является не верной и сомнительной, поскольку и умеренный радикальный исламизм и радикально-экстремистский исламизм по существу имеют одну общую идеологию и одну общую цель – построение исламского государства. Кроме того, думается, что существование так называемых «полулегальных» организаций с точки зрения права недопустимо. Тут следует согласиться с мнением Г.В. Волгушева, который отмечает, что нет необходимости делить вах-хабизм-салафизм в России на «умеренный» и «реформистский»: показная умеренность, проявляющаяся в распространении религиозной литературы, листовок, кинофильмов, в разъяснительной работе с населением в вопросах возрождения исламских ценностей, пропаганде нравственности и т.д. – не более чем тактический ход с целью привлечь на свою сторону верующих:

идет невидимая неназойливая идеологическая обработка населения [2, с. 55].

Подводя итог сказанному следует поддержать мнение С.А. Семедова, о том что радикализм исламистских движений находится в прямой зависимости от своеобразия исламской доктрины, которое состоит в слиянии в ней сакрального и профанного интересов общины и личности, в разделении мира на область мира и область войны. Этим, нам кажется, объясняется жёсткость исламских вызовов Западу, принимающих вид столкновения цивилизаций. Любая угроза привычному образу жизни, ущемление национальной гордости, удар по этническому самосознанию воспринимаются как покушение на ислам. Это придаёт особую ожесточённость выступлениям радикальных исламистов [4, с. 86]. Особенно такого рода угрозы исламистской идентичности наиболее ярко выражаются в светских государствах, также мы полагаем, что предупреждение исламистского радикализма существенным образом повлияет на минимизацию исламистского экстремизма и терроризма.

Также в качестве вывода отметим, что существование религиозного радикализма представляет определённого рода опасность для самого ислама, так как пропагандируемое и насаждаемое насилие зарождает антагонистские процессы и настроения не только в отношении представителей других религий и конфессий, так и в отношении как среди самих мусульман.

Список литературы:

1. Добаев И.П. Идеологические конструкты радикального исламизма // Гуманитарий Юга России. 2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologicheskie-konstrukty-radikalnogo-islamizma> (дата обращения: 10.05.2018).
2. Волгушев Г.В. Радикальные идеологии и исламизм: политические параметры // Kant. 2015. №4 (17). С. 53-55.
3. Синиченко В.В., Аграфонов М.Ю. Развитие исламского радикализма в Средней Азии как одна из угроз безопасности Российской Федерации в XXI в // Известия Иркутского государственного университета. Серия: «Политология. Религиоведение». 2015. Т. 14. С. 61-68
4. Семедов С.А. Исламский радикализм в современном мире: сущность и причины возникновения // Социология власти. 2009. №7. С. 77-86

Евтушенко И.И.

доцент кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Шадрина А.Ю.

курсант 3 курса Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

Проблемы квалификации по ст. 172.2 УК РФ «Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества»

В 90-е годы прошлого века россияне массово становились жертвами финансовых пирамид. Но за прошедшие 20 лет ничего не изменилось: финансовые пирамиды по-прежнему создаются, а граждане с радостью вкладывают в сомнительные фирмы свои денежные средства.

Сущность финансовой пирамиды заключается в следующем: новые вкладчики обеспечивают доходность вложения предыдущих инвесторов. Однако очень в скором времени пирамида рушится и люди остаются не с чем, а организаторы и те, кто вступил в первых рядах, обогащаются.

Конечно, не всегда пирамидальное инвестирование является преступной деятельностью, но оно в большинстве случаев уязвимо и любые системные сбои в работе могут привести к краху.

Можно выделить следующие основные признаки финансовых пирамид:

1) это отсутствие собственного уставного капитала, все выплаты происходят за счет привлечения денежных средств новых вкладчиков; 2) обещание высоких процентов, огромной прибыли по сравнению с другими видами деятельности или легальными банковскими структурами; 3) риск потерять все свои сбережения лежат на вкладчике (в договоре, как правило указывается мелким шрифтом, что в случае краха данной организации вкладчик не получает ничего и не предъявляет претензии); 4) обещание высоких процентов обусловлено использованием новейших или уникальных технологий, не известных остальным участникам этого рынка; 5) отсутствие лицензии на осуществление финансовых операций и отсутствие регистрации юридического лица как финансовой организации; 6) вместо привычных финансовых продуктов – договора кредитования или вклада, предлагаются собственные разработки: некие акции, облигации, договоры займа, договоры инвестирования; 7) обещание высоких процентов гарантируется организаторами пирамиды с помощью очень обдуманного и обоснованного на первый взгляд бизнес-плана; 8) используются в работе различные тренинги по саморазвитию, проводится «бесплатное» обучение для вкладчиков, практикуется наставничество и покровительственное отношение, проводятся семинары и вечеринки.

Мировая история насчитывает огромное количество примеров создания финансовых пирамид. Во многих случаях, как в России, так и за рубежом из-за отсутствия специализированной правовой нормы ответственность за

данную деятельность наступала как за мошенничество. Как в российском, так и в зарубежном законодательстве основным признаком мошенничества является способ причинения ущерба собственнику – обман.[1,2] И российская судебная практика шла по пути квалификации деятельности финансовых пирамид как мошенничеств. Но вопросы доказывания мошеннического обмана вкладчиков о ложности целей деятельности организации, о причинах появления ее дохода в ряде случаев сводили на нет усилия правоохранительных органов.

Специализированная ответственность за деятельность финансовых пирамид известна зарубежному законодательству. Так, в Гонконге 2011 году приняли новый закон, направленный против финансовых пирамид.[3] В Польше существует Закон «О недобросовестной конкуренции».[4] В Великобритании судом был привлечен к ответственности национальный филиал компании сетевого маркетинга «Amway» посчитавший, что в её деятельности содержатся признаки замаскированной финансовой пирамиды. Прибыль в такой компании формируется на основании привлечения новых агентов, которые должны заплатить вступительный взнос, заплатить за пакет документов и приобрести определённый перечень товаров для дальнейшего распространения.[5] Соответствующие изменения были внесены и в Гражданский кодекс Республики Казахстан.[6]

Власти Российской Федерации так же не оставили данный вопрос без внимания. Был принят Федеральный закон от 30.03.2016 № 78-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [7] и введена ответственность за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (статья 172.2 УК РФ).

В соответствии с ч. 1 ст. 172.2 УК РФ финансовой пирамидой признается «Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества физических лиц и (или) юридических лиц в крупном размере, при которой выплата дохода и (или) предоставление иной выгоды лицам, чьи денежные средства и (или) иное имущество привлечены ранее, осуществляются за счет привлеченных денежных средств и (или) иного имущества иных физических лиц и (или) юридических лиц при отсутствии инвестиционной и (или) иной законной предпринимательской или иной деятельности, связанной с использованием привлеченных денежных средств и (или) иного имущества, в объеме, сопоставимом с объемом привлеченных денежных средств и (или) иного имущества». Довольно сложная как для прочтения, так и для правоприменения формулировка состава преступления. Как следствие, фактов привлечения к уголовной ответственности по данной статье слишком мало, а финансовые пирамиды продолжают существовать.

Так является ли редакция данной статьи эффективной?

В первую очередь, следует отметить, что существуют различные виды организации финансовых пирамид. По способу организации бизнеса можно выделить 1) «чистые» пирамиды, которые вообще не ведут никакой деятельности, кроме регистрации участников и сбора средств, и 2)

«закамуфлированные» под самые разные виды бизнеса: фонды, клубы, сети. Также можно разделить такие компании по заявляемой цели сбора средств: одни предлагают заработок и вовлекают людей обещая прибыли, другие работают под видом инвестиционных проектов, касс взаимопомощи, клубов, кооперативов взаимопомощи. Некоторые маскируются под компании, выполняющие продажу каких-то товаров или услуг. Есть пирамиды, маскирующиеся под социальные предприятия или некоммерческие фонды, и даже интернет игры. Сегодня часто можно встретить организации, которые представляют себя как потребительские кооперативы или альтернативные программы официальным ипотечным и ссудным кредитным организациям. Особую сложность представляет финансовая пирамида под маской сетевого маркетинга. Кроме того, огромную роль для финансовых пирамид играет распространение рекламы финансовых услуг в любом виде (чаще в газетах, листовках, объявлениях на информационных стендах), в интернете. Данным фирмам необходим быстрый рост вкладов, чтобы люди не начинали требовать дивиденды. Часто к такой рекламе привлекают известных или авторитетных личностей. За счет навязчивости, агрессивной демонстрации близкого успеха, простоты и рассказа о том, что многие уже достигли успеха, а вы можете не успеть, создается ажиотажный спрос.

Вместе с тем, если целью создания финансовой пирамиды является хищение чужого имущества под видом привлечения денежных средств граждан для инвестиционной деятельности, которую организация фактически не осуществляет, то такая деятельность по-прежнему должна квалифицироваться как мошенничество.[8]

Необходимо для более полного и точного регулирования незаконной деятельности по привлечению денежных средств принять отдельный федеральный закон, в котором будет раскрыто: само понятие «финансовой пирамиды» в каждой отдельной сфере; прописаны всевозможные формы организации финансовой пирамиды; что следует понимать под вовлечением в деятельность финансовых пирамид и их рекламу; кто является организатором такой структуры; прописаны инструменты контроля их финансово-хозяйственной деятельности, рекламы, создание компенсационных фондов в инвестиционных компаниях, на фондовых рынках и биржах. Таким образом, их участники будут защищены от риска потерь большей части своих вложений.

В свою очередь, предлагаем упростить описание деяния в диспозиции ст. 172.2 УК РФ, а именно: «Организация и вовлечение в деятельность по созданию финансовых пирамид, а также реклама такой деятельности, наказывается штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо принудительными работами на срок до четырех лет, либо лишением свободы на тот же срок с ограничением свободы на срок до одного года или без такового».

Предлагаемые изменения как гражданского, так и уголовного законодательства, позволят упростить применение ст. 172.2 УК РФ и повысить ее эффективность.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. Издательство «Юридический центр Пресс», 2003.
2. Назарова Н.Л., Семенченко О.Д. Уголовно-правовая квалификация деятельности финансовых пирамид // Журнал Вестник Костромского государственного университета. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-kvalifikatsiya-deyatelnosti-finansovyh-piramid>.
3. Законы о финансовых пирамидах: можно ли бороться с мошенниками // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.chuchotezvous.ru/fraud/113.html.
4. Закон Республики Польша от 16.04.1993 года. «О борьбе с недобросовестной конкуренцией» // Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp?id=3510>.
5. Дэвид Браун. По материалам газеты "Times" от 14.05.2008. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://kistine.ru/mlm/mlm_amway_gb.htm/
6. Досье на проект Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты по вопросам противодействия деятельности финансовых (инвестиционных) пирамид». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/doc_id=31324758&mode=p&page=2.
7. Федеральный закон от 30.03.2016 № 78-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно - процессуальный кодекс Российской Федерации. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://base.garant.ru/71363024/>
8. Постановление Пленума ВС РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

Робак В.А.

заведующий кафедрой
уголовно-правовых дисциплин
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации
кандидат юридических наук, доцент

Проблемные вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 226 УК РФ

Под хищением оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, в соответствии Постановлением Пленума Верховного суда Российской Федерации, необходимо понимать противоправное завладение ими любым способом с намерением лица присвоить похищенное либо

передать его другому лицу, а равно распорядиться им по своему усмотрению иным образом [1].

«Хищение» является обобщающим понятием, которое предусматривает все формы завладения каким-либо имуществом, в том числе и предметами, исследованию которых посвящена данная работа. Формами хищения являются: кража, мошенничество, присвоение, растрата, грабеж и разбой.

В соответствии с примечанием 1 ст. 158 УК РФ, где содержится понятие хищения, которое, в соответствии с указанием законодателя, относится ко всем нормам УК РФ. Так, под хищением в статьях настоящего Кодекса понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества [2]. Исходя из указанного определения понятия «хищение» изъятие и обращение имущества должно преследовать корыстную цель.

Однако, исходя из анализа приговоров, по ст. 226 УК РФ, можно сделать вывод, что порядка 35-40 % хищений оружия осуществляется с некорыстной целью (использование при совершении преступления, уничтожение или повреждение указанных предметов, низменные побуждения и т.п.).

В качестве примера, также целесообразно указать судебную практику. Так, в соответствии с приговором Дзержинского городского суда Нижегородской области от 9 марта 2011 г. было установлено, что Х., действуя умышленно, с целью хищения огнестрельного оружия Н. выхватил табельное оружие – пистолет из руки Н. и скрылся с ним с места совершения преступления. Отбежав на безопасное расстояние, убедившись, что его никто не преследует, и, имея реальную возможность распорядиться похищенным у сотрудника полиции пистолетом, Х. распорядился им по своему усмотрению, а именно выкинул в снег. Действия Х. были квалифицированы по ч. 1 ст. 226 УК РФ [3]. В соответствии с приговором Калининградского гарнизонного военного суда 10 декабря 2014 г. было установлено, что В. выполняя обязанности пожарного при утилизации патронов стрелкового оружия 3 категории марки 7.62 мм образца 1908\30 годов к винтовке образца 1891\30 годов, решил похитить патроны калибра 7.62 мм 1951 года выпуска в количестве 5 штук, и хранить как память о службе в армии. Действия В. были квалифицированы по ч. 1 ст. 226 УК РФ [4].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» отсутствует положение, что хищение указанных предметов должно совершаться именно с корыстной целью.

По мнению некоторых авторов, с целью преодоления данной проблемы целесообразно предусмотреть ответственность за изъятие оружия без признаков хищения [5, с. 143]. Иные авторы придерживаются мнения, что для соблюдения правил формальной логики и устранения различных

толкований уголовного закона, необходимо термин «хищение» в названии и диспозиции ст. 226 УК РФ заменить на термин «неправомерное завладение» [6, с. 8]. Мы считаем, что такая позиция не является вполне обоснованной, поскольку в данном случае возникнет вопрос относительно разграничения понятий «изъятие» и «приобретение» либо, также, «неправомерное завладение» и «приобретение».

Отдельные авторы указывают, что цель при хищении данных предметов не является обязательным признаком [7, с. 538]. Однако, по нашему мнению, исключение цели (не принятие во внимание), в качестве обязательного признака субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 226 УК РФ, не разрешает вопрос о противоречии положения примечания 1 к ст. 158 УК РФ, которое распространяется на все нормы УК РФ, и толковании понятия «хищение», содержащееся в ст. 226 УК РФ.

На основании указанного, с целью устранения пробела, относительно толкования понятия «хищение», по нашему мнению, целесообразным является внесение изменений в примечание 1 ст. 158 УК РФ, изложив его в следующей редакции: под хищением в статьях настоящей главы понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Также целесообразным является уделить внимание такому признаку субъекта анализируемого преступления, как возраст. В ч. 2 ст. 20 УК РФ закреплен исчерпывающий перечень преступлений, ответственность за совершение которых наступает с 14 лет, в том числе там закреплена и ст. 226 УК РФ.

Учитывая, как указывалось, что «хищение» является обобщающим понятием, формами проявления которого являются: кража, мошенничество, присвоение, растрата, грабеж и разбой, установление возрастного порога на уровне 14 лет при совершении хищения путем кражи, грабежа и разбоя, а также вымогательства, исходя из положений ч. 2 ст. 20 УК РФ, является обоснованным и целесообразным шагом законодателя.

Однако, необходимо отметить, что размещение законодателем ст. 226 УК РФ в ч. 2 ст. 20 УК РФ, свидетельствует об установлении возрастного порога на уровне 14 лет, не зависимо от способа совершения хищения, т.е. ответственность за мошенничество, присвоение и растрату также наступает с указанного возраста. По нашему мнению, в виду того, что данная норма является специальной, относительно ст. 159 УК РФ «Мошенничество» и ст. 160 УК РФ «Присвоение и растрата», иное толкование либо установление различных признаков является недопустимым. Ст.ст. 159, 160 УК РФ не указаны законодателем в ч. 2 ст. 20 УК РФ, исходя из чего можно сделать вывод, что возрастной порог субъекта – 16 лет.

По нашему мнению, с целью устранения разночтений в применении общих и специальных норм, целесообразным является внести изменения в ч. 2 ст. 20 УК РФ, дополнив ее, после словосочетания «статья 226» словосочетанием «при совершении хищения путем кражи, грабежа, разбоя

или вымогательства».

Список литературы:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств». [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/1352597/> (дата обращения 14.07.2017).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/fb522826ace216c139340de9ed06214ba989c656/ (дата обращения 23.03.2018).

3. Приговор Дзержинского городского суда Нижегородской области от 9 марта 2011 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения 19.08.2017).

4. Приговор Калининградского гарнизонного военного суда от 10 декабря 2014 г. . [Электронный ресурс]. – URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения 19.08.2017).

5. Бикеев И.И. Ответственность за незаконный оборот огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: дис. ... канд. юр. наук. – Йошкар-Ола, 2000. – 217 с.

6. Багрова О.Л. Уголовная ответственность за хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: дис. ... канд. юр. наук. – М., 2004. – 164 с.

7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред.: Наумова А.В. – М.: Юристъ, 1996. – 824 с.

Гундерич Г.А.

доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и участия прокурора в уголовном судопроизводстве
Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
кандидат технических наук, доцент

О проблемах борьбы с киберпреступностью в банковской сфере

Всестороннее проникновение во все сферы жизнедеятельности человеческого общества информационных технологий обуславливает необходимость повышенного внимания всех государств к содержательному анализу вопросов обеспечения информационной безопасности.

Рост объёмов информации, компьютерных сетей и числа пользователей, упрощение их доступа к сетевой информации существенно повышают опасность этих преступлений, в том числе в связи с совершением

их посредством информационных технологий.

Несмотря на практическую направленность в развитии информационной безопасности (далее – ИБ), число киберугроз стремительно растет, утверждают в InfoWatch. Заметны тенденции к росту хищений денежных средств через электронные каналы, к краже данных, которые впоследствии могут быть использованы для организации новых киберпреступлений, атак для вывода из строя различных систем и сервисов. В качестве наиболее актуальных угроз можно выделить атаки на промышленный сектор, а также информационные войны.

Так, по оценкам специалистов, уровень агрессивности сетевой среды в первом квартале 2017 г. ярко характеризует то, что 26,67 % пользователей персональных компьютеров с предустановленной антивирусной программой подверглись риску заражения вредоносными программами через сеть Интернет, а в абсолютных цифрах это несколько миллионов пользователей [3].

Согласно сведениям экспертов, в случае успешной атаки крупные компании теряют около 20 млн руб. по причине вынужденного простоя, упущенной прибыли и расходов на дополнительные услуги специалистов, предприятия среднего и малого бизнеса – в среднем 780 тыс. руб. [4]

Японские коллеги из компании Trend Micro поддерживают российских коллег. В исследовании "Изменения парадигмы: прогнозы по информационной безопасности 2018" (Paradigm Shifts: Trend Micro Security Predictions for 2018) утверждается, что использование известных уязвимостей в атаках будет расти в результате роста атакуемой поверхности современных предприятий, что открывает все больше брешей в защите. Чтобы защитить наиболее ценные данные организации, руководство должно изменить приоритеты в пользу патч-менеджмента и обучения сотрудников.

Центр мониторинга и реагирования на киберугрозы Solar JSOC опубликовал исследование за первое полугодие 2017 года, подготовленное на базе обезличенной статистики по инцидентам ИБ у заказчиков. Полученная аналитика отвечает на вопросы о том, кто, как, в какое время и с использованием каких векторов и каналов атакует крупнейшие российские компании и банки.

Исходя из мониторинга, в первой половине 2017 года средний поток событий ИБ составлял 6,156 млрд в сутки, из них около 950 в сутки - события с подозрением на инцидент (172 477 за полгода). Это примерно на 28% больше, чем в первом полугодии 2016 года. Доля критичных инцидентов составила 17,2%. Таким образом, если в 2016 году критичным был каждый девятый инцидент, то теперь - уже каждый шестой [1].

Предполагается, что такая динамика объясняется общим повышением интенсивности массовых и целенаправленных атак на организации. В этом году впервые количество ИБ-инцидентов, связанных с внешними угрозами, существенно выросло и практически сравнялось с внутренними. Это факт ознаменовал конец классической, "бумажной" ИБ и переход к риск-ориентированному подходу с использованием SIEM и SOC в соответствии с пакетом правительственных документов, направленных на защиту от

хакерских атак критической информационной инфраструктуры. Соответствующий закон вступил в силу с 1 января 2018 года.

Список проектов говорит о том, что банкиры всерьез озаботились защитой своих банкоматных сетей, причем не только в России. Европейский центр по борьбе с киберпреступностью (European Cybercrime Centre, EC3) и Trend Micro в октябре 2017 года анонсировали отчет "Нажива на вредоносных программах для банкоматов" (Cashing in on ATM Malware). В нем анализируются как физические, так и сетевые виды атак на банкоматы с использованием вредоносных программ, а также рассказывается, где и кто создает такие программы [1].

Вредоносное ПО для банкоматов заметно эволюционировало: теперь злоумышленникам не нужно иметь физический доступ к устройству, чтобы заразить его, - они могут осуществлять удаленные сетевые атаки, используя корпоративную сеть банка. В материале приводятся примеры недавних атак, в которых злоумышленники использовали банковскую сеть для кражи денег и данных кредитных карт из банкоматов, несмотря на сегментацию сети. Эти атаки не только ставят под угрозу личные данные пользователей (PII) и безопасность крупных денежных сумм, но и приводят к нарушению финансовыми учреждениями стандартов безопасности PCI.

Ранее основной способ заражения банкоматов был преимущественно физическим: злоумышленникам необходимо было получить доступ к устройству и загрузить вредоносную программу с помощью USB или CD. Несмотря на то что эта схема сегодня все еще используется, злоумышленники нашли новую точку входа - сеть. Этому способствует, в частности, то, что сотни тысяч банкоматов работают на операционных системах, которые больше не получают обновлений для исправления уязвимостей или для которых скоро перестанут выпускать обновления.

В системе мер борьбы с названными угрозами особую значимость приобретает задача информационного противодействия распространению информации. Так, планируется, что в 2018 году вступят в силу несколько указаний:

1. Указание Банка России "О внесении изменений в Положение Банка России от 9 июня 2012 года N 382-П "О требованиях к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств и о порядке осуществления Банком России контроля за обеспечением требований к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств";

2. Указание Банка России "О внесении изменений в Указание Банка России от 9 июня 2012 года N 2831-У "Об отчетности по обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств операторов платежных систем, операторов услуг платежной инфраструктуры, операторов по переводу денежных средств" (с 1 июля 2018 года);

3. Вводится национальный стандарт ГОСТ Р 57580.2-201X "Безопасность финансовых (банковских) операций. Защита информации финансовых

организаций. Методика оценки соответствия" (с 1 июля 2018 года);

4. На рассмотрении в Государственной думе находится проект Федерального закона N 296412-7 "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части противодействия хищению денежных средств)", основными целями которого являются снижение роста числа несанкционированных операций, совершенных с использованием систем дистанционного банковского обслуживания, а также предотвращение потерь кредитных организаций с банковских счетов юридических и физических лиц.

Прогнозируя с учетом мнения научного и экспертного сообществ тенденции развития киберпреступности в 2017 г. и в последующие годы, следует ожидать в России, как и в других странах, роста количества таких преступлений, в том числе компьютерных атак на правительственные сайты, сайты государственных и муниципальных учреждений, а также сайты средств массовой информации для продвижения различных социальных и политических идей. Кроме того, полагаем, увеличится количество кибератак на банкоматы, банки и финансово-кредитные организации; продолжится рост количества заражений мобильных устройств и терминалов для приема к оплате по пластиковым картам.

Исходя из этого, Россия на протяжении последнего десятилетия предпринимает значительные усилия по борьбе с так называемой киберпреступностью как внутри страны, так и на международной арене. Существенный вклад в противодействие этому виду преступности вносит и российская прокуратура. При этом надлежит учитывать, что обеспечение национальной информационной безопасности тесно связано с функционированием системы обеспечения международной безопасности и, следовательно, имеется насущная потребность повышения уровня международного сотрудничества прокуратур различных государств, в том числе в рамках БРИКС и других международных структур.

Список литературы:

1. Аналитика Solar JSOC: как атакуют российские компании // URL: <https://habr.com/company/solarsecurity/blog/338330/>(дата обращения: 02.10.2017).

2. Итоги кибер-активности в 1 квартале 2017 года// URL:<https://habr.com/company/panda/blog/328324/> (дата обращения: 10.05.2017)

3. Развитие информационных угроз в первом квартале 2017 года. Статистика // URL:<https://securelist.ru/30657/it-threat-evolution-q1-2017-statistics/> (дата обращения: 20.07.2017).

4. Так ли страшен Интернет. О настоящей опасности киберугроз рассказывает «Газета.Ru» // URL: http://www.gazeta.ru/tech/2014/11/05_a_6289085.shtml (дата обращения: 20.07.2017); Лаборатория Касперского. Информационная безопасность бизнеса 2016 //

Евсикова Е.В.

старший преподаватель кафедры административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук

Некоторые аспекты усовершенствования уголовного и административно-деликтного законодательства в контексте введения курортного сбора

Налоги – это важный атрибут государства, который возникает и развивается вместе с ним. Согласно ст. 57 Конституции РФ [1], каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы. Таким образом закреплена конституционная обязанность лиц, получающих доход, принимать участие в формировании федерального, региональных и местных бюджетов [2, с. 173].

Следует отметить, что происходящие сегодня процессы государственно-правового реформирования всех сфер управленческой деятельности, в том числе сферы налогов и сборов, требует выработки новой концепции построения системы налогов и сборов, отвечающей реалиям сегодняшнего дня [3, с. 172].

В июле 2017 года Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации приняла в третьем чтении Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 214-ФЗ "О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае" (далее – ФЗ № 214-ФЗ) [4], который вызвал неоднозначную реакцию, как со стороны научного сообщества, так и со стороны правоприменительных органов, юристов-практиков, адвокатов и т.д.

Согласно ФЗ № 214-ФЗ, на территориях соответствующих муниципальных образований, где будет проводиться эксперимент по развитию курортной инфраструктуры, будет вводиться плата за пользование такой инфраструктурой, средства от уплаты которой будут направлены на проектирование, строительство, реконструкцию, содержание, благоустройство и ремонт объектов соответствующей инфраструктуры, которые в этом нуждаются.

Следует отметить, что, во исполнение требований ФЗ №214-ФЗ были разработаны и приняты соответствующие законы субъектов РФ: закон Республики Крым от 30.11.2017г. № 435-ЗРК/2017 "О введении курортного сбора"; закон Алтайского края от 01.11. 2017г. № 76-ЗС "О введении платы за пользование курортной инфраструктурой в Алтайском крае"; закон

Краснодарского края от 27.11.2017г. № 3690-КЗ "О введении курортного сбора на территории Краснодарского края и внесении изменений в Закон Краснодарского края "Об административных правонарушениях"; закон Ставропольского края от 08.12.2017г. №130-кз "О некоторых вопросах проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Ставропольском крае", однако, взимание курортного сбора предусматривается не ранее 01.05.2018 г., а в Республике Крым – 01.05.2019г.

В то же время контроль за соблюдением плательщиками курортного сбора требований ФЗ № 214-ФЗ осуществляется на основе и в порядке, предусмотренном соответствующим законодательством субъекта Российской Федерации (далее – субъекта РФ) и с учетом положений Федерального закона от 26 декабря 2008 года N 294-ФЗ "О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля" [5], а не Налоговым кодексом Российской Федерации, который регламентирует порядок, формы, основания, оформление результатов налогового контроля, а также порядок привлечения к ответственности за совершение налоговых правонарушений [6].

Однако, за нарушение законодательства о налогах и сборах может быть установлена не только налоговая и административная, но и уголовная ответственность в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ), который предусматривает, что за уклонение физического лица от уплаты налогов и сборов в случае непредставления налоговой декларации или иных документов, предоставление которых является обязательным в соответствии с законодательством РФ о налогах и сборах, а также в случае включения в налоговую декларацию или документы ложных сведений, совершенного в крупном размере, т.е. сумма налогов и сборов в пределах 3х финансовых лет подряд составляет более 900 тыс. руб., при условии, что доля неуплаченных налогов и сборов превышает 10% подлежащих уплате сумм налогов и сборов, либо превышающая 2 млн. 700 тыс. руб., лицо подлежит уголовной ответственности в виде: штрафа в размере от 100 тыс. до 300 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного от 1го года до 2х лет, либо принудительных работа на срок до 1го года, либо ареста на срок до 6ти мес., либо лишения свободы на срок до 1го года [7, ч. 1 ст. 198].

Также, в случае уклонения от уплаты налогов и сборов организацией путем непредставления налоговой декларации или иных документов, предоставление которых является обязательным, либо путем включения в налоговую декларацию или такие документы заведомо ложных сведений, совершенного в крупном размере (сумма налогов и сборов, подлежащая уплате, составляет более 5 млн. руб. в пределах 3х финансовых лет), УК РФ предусматривает уголовную ответственность в виде штрафа в размере от 100 тыс. до 300 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 1го года до 2х лет, либо принудительных работ на срок до 2х лет с лишением права занимать определенные должности или

заниматься определенной деятельностью на срок до 3х лет или без такового, либо ареста до 6ти мес., либо лишения свободы на срок до 2х лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3х лет или без такового [7, ч. 1 ст. 199].

Следует отметить, что субъектами налоговых правоотношений, связанных с уплатой и перечислением курортного сбора, являются плательщики курортного сбора, которые, с учетом того, что ставка курортного сбора в Республике Крым и Краснодарском крае составляет 10 руб. в сутки, в Алтайском крае – 30 руб., в Ставропольском крае – 50 руб., даже при условии длительного проживания в объекте размещения, при неуплате курортного сбора не подпадают под субъекта уголовной ответственности, предусмотренного ст. 198 УК РФ, а также операторы курортного сбора, которые обязаны собирать и перечислять курортный сбор в соответствующий Фонд развития курортной инфраструктуры, предоставлять в уполномоченный орган субъекта РФ отчет оператора курортного сбора, подготовленный на основе данных учета, а также сведения, необходимые для ведения реестра операторов курортного сбора, которые также не будут выступать субъектом уголовной ответственности, предусмотренным ст. 199 УК РФ, если сумма налогов и сборов, от уплаты которых они уклоняются, не дотянет до крупного размера – 5 млн. руб., в силу чего, привлечь к ответственности операторов курортного сбора за нарушение законодательства в данной сфере будет достаточно сложно.

Кроме того, ФЗ № 214-ФЗ предусматривает, что соответствующим законом субъектов РФ должна устанавливаться ответственность за нарушение положений вышеуказанных законов субъектов РФ о введении курортного сбора, в том числе, операторами курортного сбора за нарушение порядка и срока исчисления, взимания и перечисления курортного сбора в соответствующий бюджет – бюджет субъекта РФ – Фонд развития курортной инфраструктуры.

В силу чего, предлагается на региональном уровне разработать и утвердить нормы административной ответственности за нарушение положений соответствующих законов субъектов РФ о введении курортного сбора, а также дополнить ст. 199 УК РФ ч. 3, которая предусматривает уголовную ответственность для операторов курортного сбора за уклонение от перечисления курортного сбора в Фонд развития курортной инфраструктуры в размере от 900 тыс. руб. в пределах 3х финансовых лет.

Таким образом, указанные предложения позволят более правильно квалифицировать ряд правонарушений и преступлений в сфере уклонения от уплаты и перечисления курортного сбора в субъектах РФ и более качественно урегулировать правоотношения в данной сфере, а также предупредить совершение новых правонарушений и преступлений в сфере взимания, уплаты и перечисления курортного сбора в Российской Федерации в целом.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с поправками от 30 декабря 2008 г., 5 февраля, 21 июля 2014 г.). [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://base.garant.ru/10103000/1/#block_1111.

2. Евсикова Е.В. Проблемы усовершенствования законодательства, регулирующего налоговые правоотношения, в контексте административной реформы / Е.В. Евсикова // Евразийский юридический журнал. - 2015.- № 5 (84). - С. 173-175.

3. Евсикова Е.В., Жигулина В.В. Проблемы установления и взимания туристического налога в Российской Федерации и в Республике Крым / Евсикова Е.В., Жигулина В.В. / Вестник Краснодарского университета МВД России. - Краснодар, - 2016. - № 2 (32). - С. 172-176.

4. Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 214-ФЗ «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае». [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1125891/>.

5. Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. N 294-ФЗ "О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля" (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <http://base.garant.ru/12164247/>.

6. Налоговый кодекс Российской Федерации часть первая от 31 июля 1998 г. N 146-ФЗ (с изменениями и дополнениями) и часть вторая от 5 августа 2000 г. N 117-ФЗ (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://base.garant.ru/10900200/1/#block_20001.

7. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 23.04.2018, с изм. от 25.04.2018).). [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/a53c2c9.

Козлов Т.Л.

профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук

Административная превенция коррупционных преступлений

Проблема формирования эффективной системы предупреждения коррупционной преступности уже десятилетие (31 июля 2018 г. исполняется 10 лет со дня принятия первого Национального плана противодействия

коррупции) находится в числе актуальных для общества, науки и государственных структур.

Исследования, проводимые в Научно-исследовательском институте Университета прокуратуры Российской Федерации, показывают, что на фоне общего снижения регистрируемой преступности динамика совершения учтенных преступлений коррупционной направленности также имеет тенденцию к снижению. В 2017 г. зарегистрировано 2 058 476 преступлений, из них 29 634 преступления коррупционной направленности, что на 10% меньше, чем в 2016 г. (32 924). Удельный вес (1,4%) данных преступлений в общем количестве зарегистрированных практически не изменился (в 2016 г. – 1,5%, в 2015 г. – 1,4%) [1, с. 130-131].

В структуре коррупционной преступности доминирует взяточничество. Анализ статистических данных по делам о преступлениях коррупционной направленности, направленных в суд, показывает, что почти половину составляют уголовные дела, возбужденные по факту взяточничества (в 2017 г. – 46,4%). Также велика доля различных видов мошенничества, на протяжении последних трех лет она увеличивается (19,5% – в 2015 г., 21,2% – в 2016 г., 24,5% – в 2017 г.). При этом количество выявленных фактов взяточничества в 2017 г. значительно снизилось. Так, правоохранными органами выявлено 12 111 преступлений, предусмотренных ст. 290–291² УК РФ, что на 16,8% меньше, чем в 2016 г. (14 548) [1, с. 133-134].

Говорит ли тенденция снижения количества регистрируемых преступлений коррупционной направленности об эффективности имеющейся системы профилактики? Большинство исследователей, а также практических работников прокуратуры, правоохранных органов отвечают на этот вопрос отрицательно [2, 3, 4]. Как правило, речь идет об улучшении учетно-регистрационной дисциплины (и, соответственно, снятии с учета преступлений, необоснованно зарегистрированных в качестве коррупционных) за счет активного прокурорского надзора за ведением криминальной статистики и недостаточной эффективностью работы правоохранных органов по выявлению коррупционных преступлений.

Действительно, оперативная разработка и проведение предварительного следствия по делам о преступлениях коррупционной направленности (особенно относимых к категории тяжких и особо тяжких, с квалифицированным составом) вызывает определенные сложности, требует значительных усилий, надлежащей квалификации. Наглядное тому подтверждение – резкое снижение в 2017 г. количества выявленных фактов получения и дачи взятки (на 40,3 и 51% соответственно) на фоне роста мелкого взяточничества. В структуре взяточничества мелкое взяточничество (ст. 291² УК РФ) составляет 48,2% (5841), тогда как на преступления, предусмотренные ст. 290 и 291 УК РФ, приходится 45,1% (5460) [1, с. 134].

В таких условиях необходим поиск новых решений, способных повлиять на снижение латентной составляющей коррупционной преступности, повышение эффективности предупреждения коррупции,

создание условий для сосредоточения правоохранительных усилий на более серьезных видах коррупционных преступлений (в крупных, особо крупных размерах, совершенных организованными группами и т.д.).

В этой связи актуален для дискуссии с теоретической и практической точек зрения вопрос административной превенции коррупционных преступлений. Термин не устоявшийся, чаще речь идет о превенции преступлений, иных правонарушений (общей, частной, специальной) как одной из целей административного наказания, об административной преюдиции в составах преступлений, о направленности административно-правовых запретов на превенцию преступлений.

Исходя из того, что существует термин «уголовная превенция»¹, под которой понимается предупредительное воздействие уголовной ответственности, уголовного наказания и других средств уголовного закона на определенные криминогенные факторы, реализуемые в специальной деятельности ее субъектов (правоохранительных и иных органов, учреждений и т.д.). аналогичный подход может быть избран в отношении административной ответственности.

Административная превенция коррупционных преступлений, в этом контексте, может рассматриваться как предупредительное воздействие административной ответственности, административного наказания на устранение, минимизацию коррупциогенных факторов, то есть причин и условий, порождающих коррупцию в ее уголовно-наказуемом виде.

Следует отметить, что в настоящее время Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) содержит ряд составов, которые могут претендовать на роль предупреждающих преступные коррупционные деяния. В соответствии с ч. 1 ст. 2.1. КоАП РФ под административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое КоАП РФ или законами субъектов Российской Федерации установлена административная ответственность.

С.В. Максимов определяет административные коррупционные правонарушения как вид коррупционных правонарушений, ответственность за которые предусмотрена законодательством об административных правонарушениях, совершенных с использованием служебного положения для получения незаконных преимуществ [5, с. 17]. Аналогичного мнения придерживается Ю.А. Тихомиров [6, с. 42]. Однако в чистом виде таких составов правонарушений, в которых, в частности, присутствовал бы признак получения незаконного преимущества (за исключением некоторых, например, ст. 19.28 КоАП РФ), в Кодексе не содержится. Это связано с тем обстоятельством, что присутствие установленного корыстного мотива при использовании служебного положения означает наличие признаков состава коррупционного преступления.

¹ Превенция – от *лат.* *praeventio* – «предупреждаю», «предотвращаю», «опережаю».

Такое административное правонарушение, как нарушение законодательства о государственном кадастровом учете недвижимого имущества и кадастровой деятельности (ч. 1 ст. 14.35 КоАП РФ) предполагает несвоевременное или неточное внесение сведений о недвижимом имуществе в государственный кадастр недвижимости должностными лицами соответствующего органа и, скорее всего, должно быть отнесено к числу правонарушений коррупционной направленности. В случае, если эти действия обуславливаются корыстной мотивацией должностного лица, то квалификация деяния должна осуществляться на основании уголовного закона (ст. 170 УК РФ).

Вопрос об определении административных правонарушений коррупционной направленности и выделении их конкретных составов остается открытым. Перечисленные в статье 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» признаки коррупции, в том числе использование служебного положения, дача-получение взятки (подкуп) могут помочь в вычленении правонарушений, создающих условия для коррупционных преступлений и содержащихся в КоАП РФ, в частности:

- подкуп (ст. 5.16 «Подкуп избирателей, участников референдума либо осуществление в период избирательной кампании, кампании референдума благотворительной деятельности с нарушением законодательства о выборах и референдумах»; ст. 19.28. Незаконное вознаграждение от имени юридического лица);

- использование служебного положения (ст. 5.45. Использование преимуществ должностного или служебного положения в период избирательной кампании, кампании референдума; ст. 14.9. Ограничение конкуренции органами власти, органами местного самоуправления);

в том числе, в целях получения материальной выгоды (ст. 7.27. Мелкое хищение – если оно совершено путем присвоения и с использованием служебного положения¹).

КоАП РФ также предусматривает ответственность за нарушения норм, установленных для обеспечения режима законности в государственном управлении и, в числе прочего, установленного порядка осуществления административной деятельности по профилактике коррупции. Нарушение этих норм создает предпосылки для уголовно-наказуемых видов коррупции. Такие правонарушения также могут быть отнесены к числу коррупционных, или же имеющих коррупционную направленность.

В КоАП РФ такого рода правонарушений довольно много (например, ст. 7.30. Нарушение порядка осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд; ст. 15.14. Нецелевое использование бюджетных средств; ст. 19.29. Незаконное привлечение к трудовой деятельности либо к выполнению работ или

¹ Это единственный пример одновременного присутствия в административном правонарушении коррупционной направленности и служебного положения правонарушителя, и его выгоды.

оказанию услуг государственного или муниципального служащего либо бывшего государственного или муниципального служащего и др.).

Однако потенциал административной ответственности далеко не в полной мере использован в предупреждении коррупции, превенции коррупционных преступлений. Одна из проблем – отсутствие систематизированного перечня рассматриваемых правонарушений, группировки составов внутри Кодекса по признаку коррупционной направленности, а, следовательно, размывание административного превентивного воздействия на коррупцию.

Совершенствование антикоррупционной системы профилактики за счет административной превенции возможно по двум направлениям: 1) введение в КоАП РФ отдельной главы «Коррупционные административные правонарушения», с включением в нее существующих составов, имеющих перечисленные выше признаки коррупции; 2) разработка и включение в КоАП РФ новых составов правонарушений, которые позволили бы, с одной стороны, разгрузить уголовный закон и, как следствие, органы предварительного расследования от малозначительных деяний (например, мелкое взяточничество с порогом в десять тысяч рублей), а с другой стороны, создали бы иерархичное построение коррупционных правонарушений в зависимости от степени общественной опасности.

Это напрямую коррелирует с положениями статьи 13 Федерального закона от 28.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», предусматривающей наряду с уголовной – административную, дисциплинарную и гражданско-правовую ответственность за коррупционные правонарушения.

В частности, занятие иной оплачиваемой деятельностью без уведомления руководства государственного или муниципального органа должно порождать (и порождает сейчас) дисциплинарную ответственность; управление, учреждение коммерческой организации (хозяйствующего субъекта), занятие предпринимательской деятельностью должно быть наказуемо в административном порядке (сейчас влечет увольнение со службы в связи с утратой доверия); учреждение, управление коммерческой организацией (хозяйствующим субъектом), осуществление предпринимательской деятельности с оказанием влияния на коммерческий процесс с использованием служебного положения – уголовная ответственность (в настоящее время – ст. 289 УК РФ).

Получение незаконного вознаграждения, в том числе подарка стоимостью до трех тысяч в связи с должностным положением – дисциплинарная ответственность; незаконное вознаграждение в виде услуг (оплата туристических путевок, погашение кредита), получение подарка стоимостью свыше трех тысяч рублей в связи с должностным (служебным) положением вне официальных и протокольных мероприятий – административная ответственность; передача и принятие материального вознаграждения за выполнение действий, связанных с должностным

(служебным) положением – уголовная ответственность (дача-получение взятки, ст. 290, 291 УК РФ).

Формирование в КоАП РФ параллельных уголовному закону перечня составов коррупционных правонарушений должно выступить эффективной административной превентивной мерой сдерживания роста коррупционных преступлений. Этот процесс требует научного осмысления и законодательного оформления.

Список литературы:

1. Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2017 год: информ.-аналит. записка / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. О.С. Капинус. – М.: Универ. прокуратуры Рос. Федерации, 2018. – С. 130-150.

2. Евланова О.А. Некоторые проблемы предупреждения современной преступности в России // Вестник Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – 2018. – № 1 (64). – С. 79-84.

3. Евланова О.А., Коимшиди Г.Ф. Оценка искусственной части латентной преступности в Российской Федерации (Некоторые результаты исследования) // Вестник Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – 2015. – № 1 (45). – С. 56-62.

4. Илий С.К., Коимшиди Г.Ф., Красникова Е.В., Павловская Н.В. Коррупционная преступность в Российской Федерации и деятельность правоохранительных органов по борьбе с ней в 2017 году // Безопасность бизнеса. – 2018. – № 3. – С. 38-48.

5. Максимов С.В. Мониторинг уголовной политики: глоссарий и инструментарий. М.: Институт «ЮрИнфоР-МГУ», 2009.

6. Тихомиров Ю.А., Трикоз Е.Н. Право против коррупции // Журнал российского права. 2007. № 5 (125).

Титаренко А.В.

доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат политических наук, доцент

Проблемы противодействия коррупции в нефтегазовом секторе экономики Российской Федерации

Очень часто державы, которые имеют в национальном достоянии обширные запасы природных ресурсов, неспособны эффективно ими распоряжаться, а именно направлять доходы от реализации природных ресурсов на развитие собственной экономики. Одним из ярких примеров таких видов ресурсов является нефтегазовый ресурс. Существует

определенное экономическое понятие как «Ресурсное проклятие», которое применимо к случаям, когда наличие огромных природных богатств ведет к внутригосударственной борьбе между конкурирующими группами за эти ресурсы с целью получения частной выгоды, что, как правило, ведет к неэффективному использованию недр и истощению нефтегазового потенциала страны. При этом исследователи отмечают, что особенно резко возрастает уровень коррупции в странах, имеющих неразвитое гражданское общество и слабую политическую структуру [1].

Российская Федерация обладает большими запасами углеводородных ресурсов, что, в свою очередь, создает высокий риск потенциальных коррупционных проявлений в данном секторе, а при условии наличия коррупции в таком прибыльном и государствообразующем секторе, формируются все условия для благоприятного развития теневой экономики. Таким образом, изучение существующих методов борьбы с коррупцией, а также развитие и разработка новых методов по противодействию данному явлению становится крайне актуальным.

Формы коррупционных проявлений могут быть очень разнообразны. Наиболее распространенные – это дача и получение взятки, уклонение от уплаты налогов, совершение иных коррупционных действий должностными лицами или надзирающими органами.

Руководствуясь данными научных и статистических исследований преступлений в экономической сфере Российской Федерации, связанной с коррумпированностью некоторых ее составляющих, можно выделить несколько факторов, способствующих развитию теневой экономики:

- неэффективность действующего законодательства, что ставит вопрос о необходимости совершенствования правовой базы;
- отсутствие политической воли высшего руководства страны;
- нетранспарентность финансовой документации и отчетности в частном секторе, закрытость информации финансового характера по многим частным компаниям [2].

Государственная политика по противодействию коррупции определяется Президентом Российской Федерации, это закреплено в пункте 1 части 1 статьи 5 Федерального закона от 25.12.2008 года №273-ФЗ «О противодействии коррупции» [3]. С позиции практики данный принцип реализуется путём подготовки и принятия Национального плана противодействия коррупции, который утверждается Президентом сроком на два года.

Действующий Национальный план противодействия коррупции на 2016-2017 годы [4] условно можно разделить на шесть составляющих, содержащих нормы о принятии мер по противодействию коррупции на всех её стадиях: меры по защите заявителей, меры по урегулированию конфликтов интересов, меры по повышению прозрачности, меры по антикоррупционному просвещению, меры по повышению эффективности противодействия коррупции, меры по разработке законодательства о лоббизме.

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации наибольшее количество коррупционных преступлений, связанных с нефтегазовой отраслью, совершается в сфере реализации государственных и региональных программ, проведения торгов, а также контрольно-ревизионной и правоохранительной деятельности [5].

Все эти данные носят далеко не полный характер, поскольку основываются на вскрытых правоохранительными органами фактах коррупции. С учетом такой ее наиболее характерной особенности, как латентность, они лишь обрисовывают контуры сложившейся ситуации [6].

Учитывая все вышесказанное, можно сделать вывод, что одной из доминирующих современных проблем противодействия коррупции в нефтегазовой сфере, является латентность совершаемых преступлений. Субъекты, которые стали жертвами коррупционных посягательств со стороны должностных лиц, а также уполномоченных контролирующих или надзорных органов, зачастую не обращаются в соответствующие органы для защиты своих законных интересов и восстановления своих конституционных прав.

Можно предположить, что причины такого замалчивания могут быть разными: нежелание наступления более тяжелых последствий нежели те, которые последуют за дачей взятки; нежелание упустить экономическую выгоду; правовой нигилизм и незнание законодательных норм, предусматривающих ответственность как за получение взятки, так и за её дачу; недоверие к контролирующим органам.

Следующей не менее значимой проблемой противодействия коррупции в нефтегазовой сфере является отсутствие прозрачной политики деятельности нефтегазовых структур, а также прозрачности финансовой отчетности, что, в свою очередь, приводит к возникновению теневой экономики.

Сегодня мировая практика в отношении противодействия коррупции и ликвидации теневых отношений в области разработки, добычи и экспорта нефтегазовых ресурсов следует по двум основным направлениям:

- создание резервных фондов за счет доходов от природных ресурсов;
- диверсификация экономики, повышение ее конкурентоспособности, развитие несырьевых секторов экономики [7].

Введение и использование резервного фонда за счет доходов от природных ресурсов также является одним из направлений политики Российской Федерации.

Целью основания указанного Фонда является стабилизация экономической политики в области использования природных ресурсов, к которым в том числе относится нефть и природный газ, а также сохранение части доходов от использования и добычи нефтегазовых ресурсов для будущих поколений. Таким образом, Фонд национального благосостояния обладает не только резервной, но и стабилизационной функцией.

Политику основания подобных фондов поддерживают государства, значительная часть государственных бюджетов которых состоит из доходов

от добычи и использования нефти, например, Чили, Азербайджан, Кувейт, Казахстан, Норвегия.

В указанных странах фонд доходов от природных и нефтегазовых ресурсов являются своего рода договором между аппаратом государственной власти и гражданами, в соответствии с которым правительство обязано устанавливать политику по планированию доходов и расходов, связанных с добычей, использованием и экспортом нефтегазовых ресурсов, а также принимать целесообразные меры по ведению максимально прозрачной финансовой отчетности.

Ведение прозрачной отчетности с публикацией регулярных докладов является необходимым фактором для восприятия доходов от использования нефтегазовых ресурсов не как основу теневой экономики, а как общественные средства, составляющие большую часть бюджета государства для повышения благосостояния населения на сегодняшний день, а также гарантированную финансовую платформу для благосостояния будущих поколений граждан государства.

Таким образом, для выполнения функции катализатора экономического развития государства, принципами ведения фонда благосостояния должны быть прозрачность и открытость.

Список литературы:

1. Халилова Т.В., Леонтьева Л.С., Гайнуллина Л.Ф. Коррупционированность отношений в сфере природопользования, или «Проклятие природных ресурсов» // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. №1. С. 26-34.

2. О противодействии коррупции. Федеральный закон от 25.12.2008 г. №273-ФЗ. // Российская газета. – Федеральный выпуск №4823 (0). – 30.12.2008.

3. О Национальном плане противодействия коррупции на 2016-2017 годы. Указ Президента Российской Федерации от 01.04.2016 №147 // Российская газета. – Федеральный выпуск №6946 (78). – 13.04.2016.

4. Доклад Генерального прокурора на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации «О состоянии законности и правопорядка в 2014 году и о проделанной работе по их укреплению». [Электронный ресурс]. // URL: <http://genproc.gov.ru/genprokuror/appearances/document-723904>. Дата обращения: 07.11.2017.

5. Бочарников И.В. Состояние и современные тенденции развития коррупции в Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://nic-pnb.ru/analytics/sostoyanie-i-sovremennye-tendentsii-razvitiya-korruptsii-v-rossii>. Дата обращения: 07.11.2017.

6. Халилова Т.В., Леонтьева Л.С., Гайнуллина Л.Ф. Коррупционированность отношений в сфере природопользования, или «Проклятие природных ресурсов» // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. №1. С. 26-34.

Басова Ю.Ю.

доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации кандидат юридических наук, доцент

Некоторые аспекты развития чрезвычайного законодательства в странах Западной Европы

В случае возникновения различных природных катаклизмов, аварий и катастроф, социально-политических и военных конфликтов события выходят из-под контроля. В связи с чем, органы государственной власти вынуждены применять новые способы защиты прав и свобод граждан, одним из которых является применение мер чрезвычайного характера [1].

Отметим, что для юридической науки характерным является наличие достаточного количества исследований различных аспектов развития чрезвычайного законодательства. Отдельные аспекты были рассмотрены в научных исследованиях как отечественных, так и зарубежных специалистов, но необходимо заметить, что данная научная проблематика остается актуальной и в наше время.

Переходя к рассмотрению предмета исследования, следует отметить, что исторически чрезвычайные меры применялось в рамках реализации исключительного, осадного, военного положения, которые с самого начала своего существования проявили себя как особая форма «диктата» и предназначались, прежде всего, для подавления политической активности противников действующего режима и борьбы с политической оппозицией. Так, например, в последние годы Римской республики при возникновении чрезвычайной ситуации различного характера Сенат издавал «*senatus consultum ultimum*», который уполномочивал высших магистров применять чрезвычайные меры, имевшие характер правоограничений и предоставляли дополнительные полномочия властным структурам республики с целью урегулирования возникшей чрезвычайной ситуации [2, с. 72]. Как мы видим, с самого начала существования, применение чрезвычайных мер с одной стороны имело целью быстрой концентрации власти в руках политической элиты и беспрепятственного ограничения прав и свобод граждан, а с другой стороны, обеспечить целостность государства и возможность его дальнейшего существования.

Предоставление мерам чрезвычайного характера более совершенных юридически значимых форм и закрепление их в государственно-правовом механизме большинства стран Европы относится к эпохе буржуазных революций XVII – XIX веков и утверждения нового строя, когда буржуазия боролась за власть, выступая против абсолютного деспотизма. Анализируя

революционные процессы во Франции А. Дайси отмечал: «Расчет на поддержку парижской «черни» предполагает попустительство актам грубого произвола и преступлений, делали невозможным создание демократических институтов во Франции. Подавление выступлений парижской «черни» было равнозначным наступлению критической реакции в обществе». В связи с этим «творцам нового правопорядка» была необходима защита, как от старых, так и новых опасностей [3, с. 33-34]. В таких новых условиях возникала необходимость в разработке подходящей правовой формы государственного принуждения. Одним из таких средств и стал институт «узаконенной диктатуры», который реализовал себя в рамках чрезвычайного (осадного, исключительного) положения. Необходимость в этом институте была оправдана высшими интересами нации, что, однако в дальнейшем не мешало применять его для расправы с политической оппозицией или для подавления неповиновения народных масс.

В этом отношении нельзя не согласиться с замечанием К. Маркса о том, что «добропорядочные республиканцы сделали изобретение, которое само проложило себе дорогу по всему континенту, однако с неостывшей любовью снова возвращается во Францию. Это изобретение – осадное положение. Замечательное изобретение, которое применяется в ходе французской революции» [3, с. 33-34].

Идеологическим обоснованием становления института чрезвычайного положения были взгляды классиков европейской философской мысли. Известное выражение Ш. Л. Монтескье (1689–1755): «опыт самых свободных народов, которые когда-либо существовали на земле, заставляют признать, что бывают случаи, когда необходимо на некоторое время «накинуть на свободу покрывало» получило широкую поддержку в европейской политико-правовой литературе.

Немецкий ученый Блюнчи, развивая «концепцию государственной необходимости» разработанную Марком Туллем Цицероном, в основу, которой положена идея «общественное благо – это высший закон», полагал, что когда дело идет о спасении государства и когда это невозможно без нарушения соответствующих прав граждан, правительство не может, да и не должно, соблюдать эти права и интересы, принуждая государство на гибель. Правительство должно сделать все, что необходимо для сохранения и спасения государства [3, с. 33-34].

Следует обратить внимание на тот факт, что правовому регулированию применения исключительных мер в чрезвычайных ситуациях уделялось внимание еще во времена существования Великого княжества Литовского и это было не случайно. Поводом для этого были социально-политические и внешние конфликты [2, с. 72; 4, с. 120]. Так, Литовские статуты предоставляет широкие полномочия органам государственной власти и управления, в частности Великий князь имел достаточно широкие полномочия (возглавлял исполнительно-распорядительные органы, назначал на должности служащих, руководил войском). Однако в конце XV века власть князя в значительной степени ограничивалась сеймом, без согласия и

одобрения которого князь не имел права решать основные вопросы государственной политики [4, с. 158]. В тоже время, Литовский статут закрепляет полномочие Великого князя в чрезвычайных ситуациях (социального или внешнего конфликта): единоличное право о принятии решения «о сборе всего необходимого для обороны земли, объявлять общую мобилизацию», вводить дополнительные или чрезвычайные налоги, а также отдать государственную казну в залог [5, с. 60–134].

Широкое применение чрезвычайное законодательство получило в период становления капитализма в Англии, характерной чертой которого являлась возможность приравнивания административных актов, содержащих нормы чрезвычайного характера к законам, и закреплялась освобождение их от контроля со стороны парламента и суда.

Чрезвычайное или делегированное законодательство Англии не предусматривало возможности приостановления конституционного принципа верховенства закона, создание военной администрации, исключительных судов, увеличение ответственности за правонарушение совершенные в чрезвычайных ситуациях. Указанные черты, являются отличительной особенностью английской конституции, положения которой не могут быть приостановлены никаким исключительным законом. В данных условиях могут быть приостановлены отдельные гарантии, а также ограничиваются отдельные проявления личной свободы [6, с. 98-99].

Важно отметить, что отличительной чертой английской системы чрезвычайного законодательства являлось: во-первых, отсутствие единого закона, предусматривающего исчерпывающий перечень чрезвычайные (исключительные) полномочия, которые предоставлялись административной или военной власти в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств различного характера; во-вторых, предоставление чрезвычайных (исключительных) полномочий административной власти осуществлялось законом, который принимается при возникновении чрезвычайной ситуации.

Однако, о возникновении чрезвычайного (осадного) состояния, как отдельного чрезвычайного режима, который был создан с целью урегулирования чрезвычайных ситуаций социально-политического характера можно говорить только после 8 июля 1791 г. когда во Франции был принят первый Закон «Об осадном положении». Наличие специального закона, который являлся постоянным, потенциально действующим актом было главным отличием французской системы чрезвычайного законодательства от иных европейских государств. Указанный Закон впервые закреплял процессуальные особенности действия чрезвычайного режима, а именно: во-первых, был закреплен четкий порядок применения мер чрезвычайного характера, во-вторых, определялись процессуальные особенности осуществления правосудия в условиях действия данного режима, в-третьих, были определены временные полномочия администрации и наконец, был определен специальный порядок введения осадного положения, а именно: режим вводился специальным законом, который принимался парламентом Республики. Однако, в случаи роспуска парламента или невозможности

осуществлять заседание, осадное положение мог вводить и Президент по согласованию с Советом министров [6, с. 102].

Анализируя особенности «французского» осадного положения отметим, что после его введения органы военной власти наделялись временными полицейскими полномочиями в сфере охраны общественного порядка и безопасности, направленные на ограничения и свободы граждан (проведение обысков жилья, изъятие оружия и боеприпасов к нему у населения и т.д.). Одновременно создавались военные суды к подведомственности которых были отнесены преступления против безопасности республики, против Конституции, порядка и общественной безопасности [6, с. 107].

Исторических обзор предпосылок формирования чрезвычайного законодательства в зарубежных странах позволяет сделать вывод, что чрезвычайные меры в различные исторические периоды и в различных странах часто использовались не только как крайняя мера для защиты общественной и государственной безопасности, но и как инструмент политической борьбы, нейтрализации действия оппозиции, а также защиты интересов той социальной группы, которая находилась у власти.

Список литературы:

1. Басов А. В. Опыт применения режима чрезвычайного положения в Украине // Вестник КазНУ : Серия Юридическая. – 2012. – № 3 (63). – С. 50.
2. Братель А.Г. Чрезвычайные ситуации в историческом аспекте // Вестник ун-та внутр. дел. - № 10. - 2000. - С. 72-76.
3. Грязнов А.В. Концепция и конституционные основы института чрезвычайного положения // Государство и право. – 1994. – №6. – С. 33-43.
4. История государства и права. Учебник. - В 2-х т. / Под ред. В.Я. Таця, А.Й. Рогожина, В.Д. Гончаренка. – Т. 1. - Кол. авторов: Д. Гончаренко, А.Й. Рогожин, О.Д. Святоцкий и др. - К .: Концерн «Издательский Дом Ин-Юре», 2003. - 656 с.
5. Хрестоматия по истории государства и права. – Т. 1. С древнейших времен до начала XX в .: Учеб. пособие. для юрид. высших учеб. заведений и фак .: В 2 т. / В.Д. Гончаренко, А.И. Гончаренко, А.Д. Святоцкий; Под ред. В.Д. Гончаренко. – К .; Ин-Юре. - 1997. - 464 с.
6. Гессен В.М. Исключительное положение. - Х «Эспада», 2005. – 240 с.

Зинюк И. А.

помощник прокурора города Керчи

Плата за негативное воздействие на окружающую среду как эколого-правовой регулятор хозяйственной деятельности

Декларация тысячелетия, принятая 8 сентября 2000 года на Саммите Организации Объединенных Наций (далее – ООН), включает в себя раздел «Охрана нашей общей окружающей среды». В нем государства – члены ООН

заявляют: «Мы должны не жалеть усилий в деле избавления всего человечества, и прежде всего наших детей и внуков, от угрозы проживания на планете, которая будет безнадежно испорчена деятельностью человека и ресурсов которой более не будет хватать для удовлетворения их потребностей»[1].

В условиях рыночной экономики одним из наиболее эффективных способов влияния на деятельность хозяйствующих субъектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, является использование опосредованных через право экономических регуляторов [2, с. 183], к которым можно отнести плату за негативное воздействие на окружающую среду. Во взаимосвязи с системой экологического нормирования она выступает одним из главных способов сохранения благоприятного состояния окружающей среды.

Окружающая среда определяется в статье 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» как совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов [3]. Под негативным воздействием на окружающую среду в указанной статье понимается воздействие хозяйственной и иной деятельности, последствия которой приводят к негативным изменениям качества окружающей среды. Федеральным законом «Об охране окружающей среды» (ст. 16) установлен перечень видов негативного воздействия на окружающую среду и закреплено положение о том, что негативное воздействие является платным, из чего вытекает, что за каждый вид негативного воздействия должна взиматься соответствующая плата. При этом перечень является открытым, то есть допускается, что законодательством этот перечень может расширяться.

Плату за негативное воздействие на окружающую среду можно охарактеризовать в качестве правовой меры, направленной на регулирование деятельности хозяйствующих субъектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, в целях контроля и снижения такого негативного воздействия. Во взаимосвязи с другими элементами комплексного эколого-правового регулятора хозяйственной деятельности она является одним из способов исполнения государством своей экологической функции, важнейшим элементом экономического механизма охраны окружающей среды.

Проблемы реализации законодательства о плате являются первопричиной терминологических и логических противоречий, которые содержит в себе законодательство о плате за негативное воздействие на окружающую среду. Их понимание дает лучшее представление о возможных путях устранения таких противоречий.

Во взаимосвязи экологического права и экономики кроется ряд серьезных и трудноразрешимых проблем, главная из которых – это внедрение в право изначально неправовых элементов. В отношении платы за негативное воздействие это, например, предусмотренный Правилами исчисления и взимания платы за негативное воздействие на окружающую

среду [4], механизм интернализации экологических издержек – изначально чисто экономическое содержание.

Применительно к отрасли экологического права, которая изначально является комплексной, следует отметить огромный пласт технико-юридических норм, содержание которых зачастую отвечает требованиям не столько правовых, сколько технических наук.

Поэтому и к наличию в экологическом праве элементов экономики следует относиться как к неизбежному последствию усложнения регулируемых общественных отношений. При этом невозможно, переводя в область права те или иные явления из других областей, избавиться полностью от их первоначального неправового содержания. Это, в свою очередь, означает расширение используемого правом терминологического аппарата.

Профессор Г. В. Выпханова указывает, что «проведение многих эколого-правовых научных исследований сопровождается поиском нового терминологического аппарата, разработкой понятий, отражающих современное состояние правового регулирования экологических отношений и требующих законодательного закрепления» [5, с. 85].

Поэтому особую важность приобретает наличие определений юридических понятий, закрепленных в нормативных правовых актах, единообразии используемого терминологического аппарата.

Описанные выше проблемы присущи и законодательству о плате за негативное воздействие на окружающую среду. Его реализация в Российской Федерации также сопряжена с противоречивой судебной практикой в этой сфере. Высшие судебные органы в разное время высказывали свою позицию относительно различных вопросов, связанных с платой за негативное воздействие на окружающую среду. В некоторых случаях мнения судов оказывались противоречивыми, что усложняло существующее правовое регулирование. Более 15 лет прошло с момента вынесения определения Конституционного Суда РФ от 10 декабря 2002 г. № 284-О, связавшего понятие фискального сбора, не закрепленное в законодательстве, с платой за негативное воздействие на окружающую среду [6]. В настоящий момент она по-прежнему остается за рамками системы обязательных платежей Российской Федерации. По различным вопросам, связанным с правовым регулированием платы, Верховый, Конституционный и Высший Арбитражный Суды Российской Федерации высказывали разные позиции. Все это указывает на необходимость совершенствования законодательства о плате за негативное воздействие на окружающую среду.

В целом можно отметить отсутствие тщательно продуманного и системного подхода государства к решению насущных вопросов в сфере охраны окружающей среды.

В Российской Федерации остро стоит проблема накопленного экологического ущерба, при возрастании общего негативного воздействия на окружающую среду. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года сказано, что «динамика основных экологических показателей развития России показывает

на увеличение негативного воздействия на окружающую среду (суммарные выбросы в атмосферу от стационарных и мобильных источников, объемы образования отходов на фоне снижения уровня их переработки). Снижение показателей сброса загрязненных сточных вод сопровождается увеличением концентрации ряда опасных веществ, в том числе металлов и органики» [7].

В этих условиях, невзирая на трудности экономического развития Российской Федерации, возможность сверхнормативного загрязнения представляется опасной для окружающей среды. При этом подвергаются критике и базовые нормативы платы. В научной литературе отмечается, что «существующая плата за загрязнение окружающей среды не может удовлетворительно выполнять ни функции стимулирования природоохранной деятельности, ни функции аккумуляирования средств на выполнение экологических программ и природоохранных мероприятий. Объективно необходимым этапом совершенствования действующей системы платы за загрязнение окружающей среды является пересмотр базовых нормативов платы путем расширения перечня загрязняющих веществ, по которым устанавливаются базовые нормативы платы» [8, с. 421-428]. Внедрение новой системы нормирования решает данную проблему, но лишь отчасти.

Остается нерешенной проблема исполнения платой своей компенсационной функции, ведь в настоящий момент она носит характер доходной части бюджетов различных уровней, а не направляется в целевые экологические фонды.

Список литературы:

1. Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 20 мая 2018 г.).
2. Борисов А.Б. Большой экономический словарь. – М.: Книжный мир, 2003. – 895 с.
3. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ, 14.01.2002. № 2. Ст. 133.
4. Постановление Правительства РФ от 03.03.2017 № 255 «Об исчислении и взимании платы за негативное воздействие на окружающую среду» (вместе с «Правилами исчисления и взимания платы за негативное воздействие на окружающую среду») // Собрание законодательства РФ, 13.03.2017. № 11. Ст. 1572.
5. Васянина Е. Л. Фискальное право России: монография / Е.Л. Васянина; под ред. С. В. Запольского. – М.: Контракт, 2013. – 152 с.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 10.12.2002 N 284-О «По запросу Правительства Российской Федерации о проверке конституционности Постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие

виды вредного воздействия» и статьи 7 Федерального закона «О введении в действие части первой Налогового кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 2002. № 52 (2 ч.). Ст. 5290.

7. Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства РФ, 2008. № 47. Ст. 5489.

8. Жаворонкова Н. Г. Правовые проблемы экономического регулирования охраны окружающей среды / Н.Г. Жаворонкова, В.Б. Агафонов // Lex Russica. Научные труды МГЮА, 2014. – № 4. – С. 421–428.

СЕКЦИЯ № 2.

Уголовно-процессуальное законодательство как основа эффективной борьбы с преступностью. Направления развития

Страхова С.В.

заведующий кафедрой уголовного процесса, криминалистики и участия прокурора в уголовном судопроизводстве,
Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
кандидат юридических наук

К вопросу о криминалистической характеристике преступлений в аспекте цифровизации

Указом Президента Российской Федерации № 203 от 09.05.2017 г. «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» отмечено, что информационные и коммуникационные технологии стали частью современных управленческих систем во всех отраслях экономики, сферах государственного управления, обороны страны, безопасности государства и обеспечения правопорядка. Технологии, созданные на основе передовых знаний, в частности, искусственного интеллекта¹, становятся доступными. Одним из главных способов обеспечения эффективности цифровой экономики становится внедрение технологии анализа больших объемов данных. Вместе с тем, в России актуальной остается проблема интенсификации использования самих технологий, а также то обстоятельство, что они основаны на зарубежных разработках [1].

На наш взгляд, не вызывает сомнений, что развитие информационного общества и цифровизации как процесса использования цифровых моделей в практической деятельности человека, безусловно, не ограничивается лишь цифровой экономикой. Так, в криминалистике сегодня успешно применяется такой метод искусственного интеллекта как распознавание образов², в частности, в автоматизированных дактилоскопических системах, автоматизированных системах отождествления личности по признакам внешности и др. Автоматизированы практически все виды криминалистических учетов. Однако, сам процесс расследования по своей сути цифровизацией не затронут.

Обращаясь к такой научной категории как криминалистическая характеристика преступлений (КХП), следует отметить, что до сих пор ее

¹ Методы искусственного интеллекта сегодня успешно применяются в диагностике заболеваний, роботизации технологических процессов на производстве, решения задач распознавания образов (классификации) и др. – Прим. авт.

² Распознавание образов – это отнесение наблюдаемых данных к определенному классу на основе выделения существенных признаков, которые характеризуют эти данные [2, с. 414].

практическое значение остается недооцененным, что во многом обусловлено неиспользованием возможностей современных информационных технологий.

Общепризнано, что КХП является информационным ядром криминалистической методики и информационной основой типовых версий, использование которых на первоначальном этапе расследования преступлений, особенно в условиях неочевидности, трудно переоценить. Типовые версии формируются на основе обобщения фактических данных сотен уголовных дел о преступлениях определенной разновидности и изучения связей между элементами КХП.

Следует подчеркнуть, что установление закономерностей в связях, которые существуют между событием преступления, личностью преступника, местом и способом совершения преступления, особенностями преступного поведения давно является предметом криминалистических исследований. В этой связи уместно вспомнить знаменитые таблицы Н.А. Селиванова и Л.Г. Видонова «Типовые версии по делам об убийствах», которые были разработаны еще в 80х г.г. прошлого века. В этих таблицах определенным комбинациям исходных данных расследования (пол, возраст потерпевшего, вид места события, способ убийства) поставлены в соответствие количественные показатели – частоты, с которыми встречались определенные характеристики преступника и мотивы убийства [3]. Последние могут использоваться следователями в качестве типовых версий при раскрытии убийств.

Нельзя обойти вниманием тот факт, что в 90-х гг. XX ст. в России созданы первые компьютерные консультационные системы, ориентированные на поддержку принятия решений следователем при выдвижении типовых версий о предполагаемом преступнике. Так, экспертная система «Розыск», основанная на использовании криминалистической модели (портрете) виновного лица, ориентирована на предоставление помощи следователю, оперативному работнику при выдвижении типовых версий о сексуальном убийстве [4]. Основу системы поддержки принятия решений «Маньяк» составляют систематизированные взаимосвязанные наборы данных наиболее значимых криминалистических признаков, по которым выявляется связь между событием преступления и убийцей-насильником. Система позволяет следователю более обоснованно строить версии и существенным образом ограничивать круг лиц, которые подлежат проверке на причастность к совершению серийных убийств, совершенных по сексуальным мотивам [5]. Указанные системы ориентированы на достаточно узкие предметные области, но, как показывает практика, подобные узкоспециализированные системы оказываются наиболее эффективными.

В 2001 г. Е.Р. Россинской предложено создание систем гибридного интеллекта для поддержки принятия решений, которые строятся на основе анализа уголовных дел с целью уточнения элементов криминалистической характеристики отдельных видов преступлений, типизации следственных

ситуаций, выдвижения типовых следственных версий [6, с. 447].

Однако прийти к единой концепции использования современных информационных технологий для выдвижения или, по крайней мере, оценивания имеющихся типовых версий в конкретной ситуации расследования на основе данных криминалистической характеристики преступлений криминалистам до сих пор не удалось.

Сегодня для обработки фактических данных КХП с целью выявления закономерных связей между ее элементами исследователи используют самые различные статистические методы с применением компьютерных технологий. Однако, зачастую при выборе статистических методов не учитываются ограничения, которые накладываются на различные типы исходных данных (числовые, текстовые, логические, др.), количество признаков, которые описывают объект исследования, объем выборки, наличие или отсутствие зависимостей между признаками, что является недопустимым.

Кроме того, следует учитывать, что с течением времени, в условиях, когда фактические данные криминалистической характеристики не пополняются новыми данными судебно-следственной практики, они морально устаревают.

Таким образом, сложилась ситуация, в которой, с одной стороны, имеется такая категория как КХП – наиболее формализованная модель механизма преступления, представляющая собой определенную структуру элементов и закономерные связи между ними, что делает ее пригодной для компьютерной обработки. С другой стороны, в наличии соответствующий математический аппарат и информационные технологии, которые позволяют реализовать анализ фактических данных КХП с целью выявления связей между ее элементами и обобщить данные, которые могут быть положены в основу типовых версий о лицах, совершавших преступления определенной категории.

Следует подчеркнуть, что сегодня для автоматического выявления закономерностей, скрытых в наборах разнородных данных, характеризующих какой-либо объект определенной предметной области, могут использоваться методы интеллектуального анализа данных (Data Mining). Особенность этих методов состоит в их ориентации на решение задач, для которых использование традиционных математических и статистических методов вызывает значительные сложности. Имеются в виду задачи анализа данных большого объема, таблиц, в которых количество признаков сравнимо с количеством объектов, данных с наличием шумов и пробелов, с признаками, измеренными в разнотипных шкалах [7, с. 136]. Главным инструментом технологии интеллектуального анализа данных являются алгоритмы распознавания образов [8, с. 68]. Использование подходов к исследованию связей между элементами КХП, основанных на применении алгоритмов распознавания образов, вполне реалистичны.

Так, автором статьи в диссертационном исследовании реализован подход, основанный на применении алгоритма распознавания образов к

массиву фактических данных 99 уголовных дел, составляющих основу криминалистической характеристики убийств, совершенных с особой жестокостью. Анализ и обобщение материалов уголовных дел позволил выделить 8 ведущих мотивов совершения преступлений, а также в зависимости от мотивов разработать обобщенные психолого-криминалистические портреты (модели) виновных лиц. Путем проведения компьютерного эксперимента была показана возможность распознавания (классификации) мотивов совершения преступлений по признакам способа, обстановки, следовой картины, признаков личности потерпевших. В такой постановке задачи распознавание мотива «указывает» на соответствующий психолого-криминалистический портрет виновного лица [9, с. 180-181]. Сведения о мотиве совершения преступления, а также о социально-демографических, психофизических, правовых характеристиках лица, направленности его личности, составляющих содержание психолого-криминалистического портрета, могут использоваться следователем в качестве информационной основы типовых версий. Безусловно, такая информация может использоваться лишь в качестве ориентирующей и оформляться, например, в виде справки, однако, указанный подход позволяет в конкретной ситуации расследования оценить типовые версии и обоснованно их использовать. Кроме того, указанный подход позволяет постоянно пополнять базу фактических данных криминалистической характеристики, что позитивно влияет на точность распознавания, а значит, обоснованность типовых версий.

В заключение отметим, что цифровизация – это в первую очередь, смена парадигмы нашего мышления, а прогрессивные информационные технологии – лишь ее инструмент. Этой смене препятствует ряд факторов.

На наш взгляд, следует согласиться с Л.В. Бертовским в том, что непростой проблемой является низкий уровень технической подготовки кадров. Решением данной проблемы может стать создание и реализация новых дополнительных профессиональных образовательных программ на стыке двух специальностей юридического и технического направления на базе многопрофильных университетов [10, с. 173].

Мы также разделяем позицию Т.В. Шутемовой о том, что проблемой является отсутствие единого координационного центра, который позволял бы обеспечить более тесное сотрудничество между учеными (не только в сфере юриспруденции, но и естественных, технических наук) и практиками, как это было в свое время, когда существовал ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка при прокуратуре СССР, а затем НИИ Генеральной прокуратуры РФ. Наличие такого центра сделало бы возможным создание единого общероссийского криминалистического Интернет-портала, где могли бы размещаться результаты научных исследований, главным образом, по направлению использования современных информационных технологий в криминалистике [11].

По нашему мнению, наличие такого центра также позволило бы объединить усилия криминалистов по формированию и реализации единой

концепции практического использования криминалистической характеристики преступлений в процессе расследования с применением современных информационных технологий, а также, возможно, организовать экспериментальную площадку для создания баз данных со структурами, соответствующими структурам КХП различных категорий, что позволит применять к таким данным весь арсенал современных математических методов и информационных технологий, и будет реально способствовать цифровизации процесса расследования преступлений.

Список литературы:

1. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 09 мая 2017 г. № 203 // Официальный сайт Президента Российской Федерации. RL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919>
2. Бондарев В.Н. Искусственный интеллект: учеб. пособие для ВУЗов / В. Бондарев, Ф. Аде.- Севастополь: СевНТУ, 2002.- 615 с.
3. Селиванов Н. А. Типовые версии по делам об убийствах : справ. пособие / Н. А. Селиванов, Л. Г. Видонов; Всесоюз. ин-т по изуч. причин и разраб. мер предупр. преступности.- Горький, 1981.- 56 с.
4. Кузьмин С.В. Использование экспертных систем в раскрытии убийств на почве сексуальных извращений [Электронный ресурс] / С.В. Кузьмин // Известия высших учебных заведений.- 01 марта 1994.- № 2.- Режим доступа: <http://pravoved.jurfak.spb.ru/old/default.asp?cnt=1028>
5. Компьютерные технологии в юридической деятельности [Электронный ресурс]: учеб. и практ. пособ. / [Зинченко К.Е., Исмаилова Л.Ю., Караханьян А.Н., Киселев Б.В. и др.]; под ред. В.В. Крылова, Н.С. Полевого.- Режим доступа: <http://juginfor.ru/library/B5856390571/383.php>
6. Криминалистика: учебник для Вузов / [Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская]; под ред. Р. С. Белкина.- М.: НОРМА, 2001.- 990 с.
7. Загоруйко Н.Г. Информационные технологии в генетике / [Н.Г. Загоруйко, А.Г. Пичуева, О.А. Кутненко и др] // Труды междунар. науч.-техн. конф. [«Информационные системы и технологии»], (Новосибирск, 22-25 апр. 2003 г.).- Новосибирск, 2003.- Т. 3.- С. 136-139.
8. Найденова К.А. К определению интеллектуального анализа данных / К.А. Найденова // Proc. Of the Хи-th International Conference [«Knowledge-Dialogue-Solution»], (Varna, Bulgaria, June 20-30, 2005).- Varna, Bulgaria, 2005.- Volum 1.- P. 67-74.
9. Страхова С.В. Теоретичні основи підготовки і прийняття процесуальних і тактичних рішень слідчим: дис... канд. юрид. наук: спец. 12.00.09 «Кримінальний процес та криміналістика; судова експертиза; оперативно-розшукова діяльність» / С.В. Страхова.- Класичний приватний університет.- Запоріжжя, 2012.- 365 с.
10. Бертовский Л.В. Цифровое судопроизводство: проблемы

становления // Сб. материалов международной научно-практической конференции «Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства» (19-20 апреля 2018 г., пгт. Айвазовское).- Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018.- С. 171-176.

11. Шутемова Т. В. Криминалистика: кризис и (или) переход к новому этапу? / Т. В. Шутемова // Международная ассоциация содействия правосудию.- 17 июля 2017.-URL: <http://www.iauaj.net/node/2240>

Вавренюк Л.О.

старший преподаватель кафедры
прокурорского надзора и участия
прокурора в гражданском,
арбитражном и административном
процессе Крымского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации

Правовой статус прокурора в уголовном процессе

Функции прокурора в уголовном процессе определяют его правовой статус, реализация которого обеспечивает достижение его целей и задач. Слово «статус» происходит от латинского «status» и переводится как состояние, положение [1, с. 240].

В юридической науке используются два термина - правовой статус и правовое положение личности. Одни ученые считают, что они синонимичны, другие - исходят из необходимости их разграничения. Так, по мнению Н.В. Витрука, следует отличать два самостоятельных понятия - правовое положение (статус) человека в широком и правовое положение (статус) в узком смысле, отражающие явления, реальная связь между которыми можно определить, как соотношение целого и части. Условно, чисто терминологически первое понятие можно определить, как «правовое положение», а второе - как «правовой статус» (несмотря на этимологическую тождество терминов «положения» и «статус»). Итак, правовое положение личности (по этой терминологии) - широкая, обобщающая категория, раскрывает все стороны закрепленного в праве состояния лица, охватывает все ее социально-юридические признаки, качества. Содержание правового положения лица в конечном счете определяется экономической и политической структурой классового общества, тем местом, которое лицо занимает в системе общественных отношений [2, с. 27].

Содержание (структура) правового статуса лица также относится к тем научным вопросам, которые однозначно не решаются в науке, поскольку эта категория является не только многоаспектной, но и многоэлементной [3, с. 48]. Подавляющее большинство ученых считает, что в основу правового статуса лица следует включать совокупность его основных прав и обязанностей. То есть, правовой статус лица определяется как совокупность

прав, свобод и обязанностей, которыми располагает лицо в соответствии с действующими нормами международного и внутринационального права [4, с. 377] или как признанная конституцией или законами совокупность исходных, неотъемлемых прав и обязанностей человека, а также полномочий государственных органов и должностных лиц, непосредственно закрепленных за ними или другими субъектами права [5, с. 373]. Некоторые ученые высказываются за расширенное толкование понятия правового статуса личности и включения в него дополнительных элементов. Так, А.Н. Братко, кроме указанных элементов, к правовому статусу относит правоспособность, дееспособность и гражданство. Н.И. Матузов в структуру данного понятия относит: а) правовые нормы, устанавливающие данный статус; б) правосубъектность; в) основные права и обязанности; г) законные интересы; д) гражданство; е) юридическую ответственность; ж) правовые принципы; з) правоотношения общего (статусного) типа [3, с. 237].

Несмотря на достаточно широкий спектр приведенных элементов правового статуса личности, следует определиться с собственной позицией по этому вопросу. На наш взгляд, наиболее приемлемой является точка зрения, согласно которой структуру правового статуса личности составляют ее права, свободы и обязанности, поскольку именно в них не только фиксируются образцы, стандарты поведения, которые государство берет под защиту, считая их обязательными, полезными, целесообразными для нормальной жизнедеятельности социальной системы, но и раскрываются основные юридические принципы взаимоотношений государства и личности [5, с. 225].

В теории права выделяют общий, отраслевой, специальный и индивидуальный правовой статус.

Общий правовой статус состоит из основных (конституционных) прав и обязанностей гражданина. Он характеризует общие и равные возможности, исходные позиции для всех тех людей, которые являются гражданами данного государства.

Отраслевой статус лица составляют ее права, свободы и обязанности, предусмотренные определенными отраслями права, в том числе и уголовно-процессуального.

Специальный правовой статус составляют права, свободы и обязанности, которые характерны для определенных социальных слоев населения в силу специфики их социального, политического и, возможно, географического положения. Он характеризует «групповые» возможности людей.

Индивидуальный правовой статус состоит из прав, свобод и обязанностей отдельной, конкретной личности, которые она в настоящее время. Этот статус характеризует индивидуальные юридические возможности субъекта в определенный момент его существования [6, с. 381-382; с. 69-70].

Таким образом, статус прокурора в уголовном процессе является отраслевым правовым статусом, который состоит из его прав и обязанностей,

в совокупности позволяют осуществлять возложенные на него функции и достичь поставленной перед ним цели которая, по нашему мнению, заключается в обеспечении верховенства закона, единства и укреплении законности, защите прав и свобод человека, а также интересов общества и государства, которые охраняются законом. Л.Грицаенко справедливо отмечает, что права и обязанности прокуроров составляют сердцевину конституционно-правового статуса прокуратуры [7, с. 118].

По мнению В.М. Корнукова, уголовно-процессуальное положение каждого лица, участвующего в деле базируется на конституционном статусе гражданина, который является основой всего правового статуса лица, определяет исходные принципы отраслевого уголовно-процессуального статуса [8, с. 9-12].

Итак, в основе правового статуса прокурора в уголовном процессе лежат конституционные нормы, которые имеют принципиальное значение для определения правового статуса прокурора отраслевым законодательством.

Динамическое изменение общественных отношений обуславливают необходимость выработки новых концептуальных подходов к определению правового статуса прокурора в уголовном процессе. Если в советское время он традиционно считался обвинителем в суде, который одновременно осуществлял надзор за соблюдением закона во всех стадиях уголовного процесса, в том числе и в суде, то сейчас его процессуальное положение существенно отличается - на досудебном производстве, он осуществляет функции уголовного преследования и надзора за соблюдением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и досудебное следствие, и в связи с этим наделен достаточно широкими полномочиями, то в суде он сторона обвинения, которая имеет такие же процессуальные права, как и сторона защиты, так как это обусловлено состязательность судебного процесса. Как отмечает И.Л. Петрухин, прокурор является лишь стороной в процессе, он - государственный обвинитель. Поэтому он не должен осуществлять надзор за законностью действий суда и других участников процесса и давать заключения. Как и защитник, он должен обращаться в суд с ходатайствами. Прокурор утверждает обвинительное заключение и тем самым выражает намерение разоблачить подсудимого перед судом. Поэтому с самого начала судебного разбирательства прокурор выполняет функцию обвинения и только обвинения. Он не скрывает своей односторонности, в частности, в ходе судебного следствия, зная, что интересы другой стороны надежно защищены адвокатом (другим защитником) [9, с. 80].

Таким образом, процессуальный статус прокурора в различных стадиях уголовного процесса определяется по-разному, исходя из тех функций, которые он осуществляет на данном этапе производства по уголовному делу. Этим он существенно отличается от других субъектов уголовно-процессуальной деятельности, правовой статус которых является

единственным и только испытывает определенную специфику в отдельных стадиях уголовного судопроизводства.

Определенной спецификой отмечается и процессуальный статус прокурора в судебных стадиях, поскольку в каждой из них прокурор соответствующие полномочия, позволяющие ему эффективно реализовать возложенные на него функции. В суде первой инстанции прокурор поддерживает государственное обвинение, в связи с чем наделяется совокупностью процессуальных средств, направленных на реализацию этой функции. При обжаловании решения суда в апелляционном или кассационном порядке его процессуальный статус остается неизменным, однако он дополняется новыми процессуальными правами и обязанностями, которые дают возможность эффективно действовать в целях решения возложенных на прокурора задач.

Учитывая особенность процессуального статуса прокурора, которая заключается в том, что он не может быть единственным, поскольку прокурор в различных стадиях уголовного процесса осуществляет несколько функций, считаем необходимым кроме процессуального статуса прокурора урегулировать в УПК также процессуальный статус государственного обвинителя, четко определив его полномочия с учетом специфики функции поддержания государственного обвинения.

Список литературы:

1. Хомицкая З. М. Латинский язык: учебник / З. М. Хомицкая. – Х. : Право, 2004. – 256 с.
2. Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе / Н. В. Витрук; отв. ред. В. А. Патюлин. – М. : Наука, 1979. – 232 с.
3. Матузов Н. И. Правовая система и личность / Н. И. Матузов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 293 с.
4. Сырых В. М. Теория государства и права: учебник / В. М. Сырых. – 2-е изд. – М.: Юстицинформ, 2002. – 592 с.
5. Проблемы общей теории права и государства : учеб. для вузов / под ред. В. С. Нерсисянца. – М.: НОРМА, 2001. – 440 с.
6. Скакун О. Ф. Теория государства и права: учебник / О. Ф. Скакун. – Х.: Консум, 2006. – 656 с.
7. Грицаенко Л. Элементы конституционно-правового статуса прокуратуры / Л. Грицаенко // Право Украины. – 2008. – № 8. – С. 115–123.
8. Корнуков В. М. Теоретические и правовые основы положения личности в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра юрид. наук : спец. 12.00.09 «Уголов. процесс и криминалистика; судеб. экспертиза; операт.-розыск. деятельность» / В. М. Корнуков. – Х., 1987. – 35 с.
9. Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России / И. Л. Петрухин. – М.: ТК Велби, 2004. – Ч. 1. – 220 с.

Василенко В.А.

аспирант заочной формы обучения
Университета прокуратуры Российской
Федерации, помощник прокурора
города Ялты Республики Крым
юрист 2 класса

Особенности процесса доказывания на досудебных стадиях уголовного судопроизводства

В теории доказательств существуют относительно самостоятельные циклы формирования доказательств в каждой из досудебных стадий уголовного процесса, которые в свою очередь, содержат в себе ряд особых критериев оценки таких доказательств.

Досудебные доказательства начинают свое формирование со стадии возбуждения уголовного дела. В последующих стадиях процесса окончательную форму эти «досудебные доказательства» получают через их проверку и оценку судом, а также органами, осуществляющими уголовное преследование.

Наиболее проблемным элементом стадии возбуждения уголовного дела является доследственная проверка по причине сомнительной доказательственной ценности ее результатов. На этот счет существует целый ряд научных дискуссий.

В свое время верно заметил Я.А. Гаджиев, что круг проверочных действий постоянно был поводом для законодательных новаций. Как отметил исследователь, в ранее действовавшем законодательстве (УПК РСФСР 1960 г.) положено начало разделению между процессуальной деятельностью по доказыванию и непроцессуальной, однако последняя доказательственного значения не имела. В итоге автор пришел к выводу, что такой процесс способствовал как усилению законности в условиях неправового государства, так и началу формализации и бюрократизации предварительного расследования [1, с. 40-41].

Так, Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» существенно расширен перечень следственных и иных процессуальных действий, проведение которых возможно в процессе рассмотрения сообщения (заявления) о преступлении [2].

Теперь при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование,

требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

На наш взгляд, внесённые законодателем изменения в УПК РФ способствовали обострению научной дискуссии, связанной с критериями допустимости доказательств, полученных в ходе доследственной проверки, а также в процессе производства предварительного следствия и дознания, способами защиты лиц, вовлеченных в орбиту уголовного процесса, на стадии возбуждения уголовного дела. Более того, активнее стал обсуждаться вопрос о целесообразности существования этой стадии уголовного процесса вообще.

Рассмотрим одну из указанных проблем, в частности взаимосвязь способов защиты на стадии возбуждения уголовного дела и критериев допустимости доказательств, собранных в ходе доследственной проверки.

Так, в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ к недопустимым доказательствам относятся показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде.

Однако, на практике возможна ситуация, при которой лицо, совершившее преступление, на этапе проверки сообщения о преступлении в ходе отобрания у него объяснения, описывает подробно все обстоятельства совершенного им преступления и не пишет явку с повинной. Вместе с тем, после принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела, это лицо отказывается от ранее данных объяснений и перестает сотрудничать с органами предварительного расследования. В данном случае возникает вопрос, можно ли будет в качестве доказательства по уголовному делу использовать ранее полученные объяснения? Напомним, что требования п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ распространяются лишь на лиц, имеющих процессуальный статус подозреваемого и обвиняемого, приобрести который возможно только после возбуждения уголовного дела.

С целью устранения существующих противоречий В.М. Тарзиманов предложил ввести в действующую редакцию п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ понятие «лицо, причастное к совершению правонарушения». По мнению автора, в таком случае если лицо в ходе предварительной проверки по сообщению о преступлении в присутствии защитника опишет обстоятельства совершенного преступления, то в дальнейшем в ходе судебного разбирательства данные им объяснения можно будет использовать в качестве доказательства по уголовному делу, даже в случае если подсудимый от них откажется. С выводами автора мы полностью согласны [3, с. 40-43].

В рамках рассматриваемого вопроса нельзя не сказать об изменениях, принятых законодателем, касающихся особенностей закрепления и возможного использования в качестве доказательств сведений, полученных в ходе проверки сообщения о преступлении. Следует не забывать, что такое

использование сведений возможно только в условиях соблюдения положений статьи 75 УПК РФ о недопустимости доказательств и статьи 89 УПК РФ о запрете использования в процессе доказывания результатов оперативно-розыскной деятельности. Изменения в УПК РФ также коснулись введения особой формы предварительного расследования – сокращенного дознания, содержащей свои особые критерии проверки и оценки доказательств.

Александров А.С. и Лапатников М.В. полагают, что новые нормы фактически сливают «следствие» и «доследственную проверку» по сообщению о преступлении в единую по своей форме и результатам деятельность. Ученые отметили, что в одном правовом режиме происходит как формирование системы доказательств, так и оформление материала. Стадия возбуждения уголовного дела «растворяется» в досудебном производстве. Обвинение по делам, по которым проводится дознание в сокращенной форме, может основываться на материалах «доследственной проверки» [4, с. 23-28].

Боруленков В.П. считает, что названные изменения законодательства способствовали переносу уголовно-процессуальной деятельности в стадию возбуждения уголовного дела и стирание различий между процессуальной и непроцессуальной деятельностью органов следствия и дознания [5, с. 6-11].

В свою очередь мы положительно относимся к решению законодателя ликвидировать разграничения между стадиями возбуждения уголовного дела и предварительного расследованием. К такому выводу в своем диссертационном исследовании пришел и Я.А. Гаджиев. Автор отметил, что в результате внесенных в УПК РФ изменений, доказательства могут в значительной мере собираться и формироваться еще до возбуждения уголовного дела. [6, с. 40-41].

Таким образом, представляется возможным обозначить следующие выводы.

1. Как отметил А.Г. Калугин, принятие решения о возбуждении уголовного дела в виде самостоятельного процессуального акта сегодня усложняет полноценную реализацию назначений уголовного судопроизводства, установленных в ст. 6 УПК РФ. Это проявляется в отсутствии законодательной регламентации требований к процессуальной форме доказательств и к соблюдению процессуальных гарантий (на данной стадии отсутствуют как потерпевший, так и подозреваемый). Мы, как и А.Г. Калугин, предлагаем отказаться от классификации способов собирания доказательств на процессуальные и непроцессуальные, в связи с чем необходимо заменить доследственную проверку полицейским дознанием [7, с. 147-153].

2. Согласны мы с мнением Я.А. Гаджиева о том, что отказ от стадии возбуждения уголовного дела уместен только в увязке с системной реформой отечественного уголовного судопроизводства по состязательному типу и пересмотром основ доказательственного права, так как эффективность расследования преступлений и соответственно достижение целей уголовного судопроизводства, во многом зависит от результатов процесса доказывания

[6, с. 89].

3. Особенности порядка возбуждения уголовного дела и анализ процесса собирания, проверки, оценки доказательств, полученных на этой стадии уголовного процесса, до сих пор требуют дальнейшего научного исследования.

Список литературы:

1. Гаджиев Я.А. Стадия возбуждения уголовного дела в системе российского уголовного судопроизводства: диссертация кандидата юридических наук. - Москва, 2015.

2. Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

3. Тарзиманов В.М. Средства и возможность доказывания при проведении проверки сообщения о преступлении // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2014. №1.

4. Александров А.С., Лапатников М.В. Старые проблемы доказательственного права в новой уголовно-процессуальной упаковке «сокращенного дознания» / Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2013. - № 22.

5. Боруленков Ю.П. О некоторых вопросах реформирования органов уголовного преследования / Российский следователь. 2013. - № 10.

6. Гаджиев Я.А. Стадия возбуждения уголовного дела в системе российского уголовного судопроизводства: диссертация кандидата юридических наук. - Москва, 2015.

7. Калугин А.Г. Доказывание при осуществлении производства по уголовному делу в сокращенных формах: оптимизация или упрощение? // Актуальные проблемы российского права. 2015. №12.

Михайлов Д.О.

Судья Железнодорожного
районного суда г. Симферополя

Некоторые аспекты рассмотрения судами дел в порядке ст.125 УПК РФ об обжаловании постановлений органов дознания и следствия об отказе в возбуждения уголовного дела

В основу статьи положено видение автора проблем при рассмотрении материалов в порядке ст. 125 УПК РФ. Целью статьи является попытка разобраться в эффективности ст. 125 УПК РФ, как института судебного обжалования данной категории материалов с внесением возможных конкретных законодательных предложений. Для понимания сути вопроса проведено изучение законодательства по проверке заявлений и сообщений о преступлении, а также выборочный анализ судебной практики, решений в

порядке ст.125 УПК РФ принятых судами на территории Республики Крым.

Исходя из крылатой фразы: «все познается в сравнении», для более детального понимания рассматриваемой темы обратимся к прошлому процессуальному закону (УПК РСФСР 1960 года). Итак, по УПК РСФСР заявления, сообщения о совершенном или готовящемся преступлении проверяются правоохранительными органами, которые принимают решения в срок не более трех суток, а в исключительных случаях - в срок не более десяти суток. Других исключительных сроков не существовало. Таким образом, проводилась доследственная проверка, истребовались необходимые материалы, отбирались объяснения от причастных лиц. Вместе с тем, производство следственных действий не допускалось (за исключением осмотра места происшествия). Совокупность уголовно-процессуальных норм, свидетельствует о том, что если устанавливались наличие оснований, необходимость производства следственных действий (производство необходимых экспертиз, при противоречиях в объяснениях – допросы и очные ставки, выемки, обыски и т.д.) то возбуждалось уголовное дело, при отсутствии этих оснований – в возбуждении уголовного дела отказывалось. За данной стадией уголовного судопроизводства надзор законности осуществлял прокурор, он вправе был отменить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и возбудить уголовное дело.

По нашему мнению, те вопросы, которые в настоящее время рассматриваются в порядке ст. 125 УПК РФ рассматривались и в том процессуальном законодательстве при рассмотрении дела по существу, поскольку суд в силу ст. 20 УПК РСФСР о всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела. Суд отвечал за конечный результат по делу, обязан был выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства. Исходя из действующего процессуального закона, в соответствии со ст. 144 УПК РФ (основные позиции) должностное лицо проверяет заявление, сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении, принимает решение в срок не позднее 3 суток. При проведении проверки имеет право получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в том числе права не свидетельствовать

против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, пользоваться услугами адвоката, а также приносить жалобы на действия (бездействие) и решения должностных лиц. Полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст.ст. 75, 89 УПК РФ. Руководитель следственного органа, начальник органа дознания вправе по мотивированному ходатайству соответственно следователя, дознавателя могут продлить доследственную проверку до 10 суток. При необходимости производства документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов, предметов, трупов, а также проведения оперативно-розыскных мероприятий руководитель следственного органа по ходатайству следователя, а прокурор по ходатайству дознавателя вправе продлить этот срок до 30 суток с обязательным указанием на конкретные, фактические обстоятельства, послужившие основанием для такого продления.

Справедливо возникает вопрос, где здесь доследственная проверка и чему способствует такая конструкция статьи по доследственной проверке? Соблюдению гарантий прав участников уголовного судопроизводства, гарантии соблюдения принципа состязательности, сомнительно. Справедливо будет сказано, что этими гарантиями больше являются своевременное возбуждение уголовного дела, проведение в полном объеме расследования с проверкой всех доводов сторон, независимо от конечного результата, будет ли дело направлено в суд или будет прекращено. К чему обязывает посыл статьи о том, что полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст.ст. 75 и 89 УПК РФ, что тех кто давал объяснения не надо допрашивать? Что делать в случае неявки лица, подлежащего опросу, а институт привода существует только в уголовном деле, поэтому судебная практика свидетельствует о том, что в суд, поступают жалобы на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по мотивам «невозможности опросить» то или иное лицо.

Приведем, пример судебной практики рассмотрения подобных жалоб заявителей в порядке ст. 125 УПКР на основе одного из судебных решений.

03 мая 2018 года в Железнодорожной районный суд г. Симферополя поступила жалоба С. в порядке ст.125 УПК РФ на постановление от 19.01.2018 г. об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенное УУП ОП №1 «Железнодорожный» Ш. С учетом того, что жалоба на основании статьи 125 УПК РФ может быть подана в суд, а также одновременно на основании статьи 124 УПК РФ - прокурору или руководителю следственного органа, 04 мая 2018 года в связи с подготовкой данного материалы к рассмотрению судом был направлен запрос в прокуратуру Железнодорожного района г. Симферополя с целью выяснить, не воспользовался ли заявитель правом, предусмотренным статьей 124 УПК РФ, и не имеется ли решения об удовлетворении такой жалобы.

07 мая 2018 года в Железнодорожный районный суд г. Симферополя из

прокуратуры Железнодорожного района г. Симферополя поступил ответ на запрос от 04 мая 2017 года, с приложенной копией постановления от 07 мая 2018 года об отмене постановления от 19.01.2018 года об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенного участковым уполномоченным полиции ОП №1 «Железнодорожный» УМВД России по г. Симферополю Ш., как незаконное, а материалы по заявлению направлены на дополнительную проверку для устранения указанных нарушений и принятия законного и обоснованного решения в соответствии со ст.ст.144,145 УПК РФ. При таких обстоятельствах, в большинстве случаев, суды выносят решение об отказе в принятии таких жалоб к рассмотрению, так как постановления об отказе в возбуждении уголовного дела не могут являться предметом обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ, поскольку отменяются и утрачивают юридическую силу.

Таким образом, судебная практика свидетельствует, что прокурор, либо руководитель следственного подразделения, узнав о поступлении жалобы в суд отменяет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и, как правило, рассмотрение жалобы идет на «очередной виток волокиты».

По нашему мнению, нельзя отказывать в возбуждении уголовного дела 10 раз по основаниям того, например, что уполномоченное должностное лицо, проводящий доследственную проверку, не может найти конкретное лицо.

Складывается впечатление о минимизировании так называемых необоснованных возбуждений уголовных дел, избегания их прекращения и непременно направления его в суд (просматривается «межведомственный интерес»). Вместе с тем, прекращение уголовного дела по многочисленным основаниям является полноценным институтом уголовно-процессуального закона, в том числе и для органов следствия.

Судебная практика свидетельствует о том, что заявители по материалам, подведомственных следователю, в большинстве случаев, предпочитают обращаться с жалобой в суд, надеясь на его справедливость, а не к начальнику следственного подразделения. Такая искаженная позиция существенно ограничивает компетенцию руководителя следственного подразделения. Кроме того, судебная практика свидетельствует о том, что если при рассмотрении материала об отказе в возбуждении суд первой инстанции войдет в обсуждение вопроса с точки зрения материального права, то есть по существу, то такое решение суда будет отменено вышестоящим судом. Исходя из изложенного, предлагается полностью восстановить институт доследственной проверки, исключив возможность производства в ней следственных действий.

Представляется, что в настоящее время необходима дополнительная работа со стороны Государственной Думы РФ с тем, чтобы в целях надлежащей защиты прав граждан законодательно закрепить, что жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ должна рассматриваться судом только с точки зрения соблюдения правоохранительными органами уголовно-

процессуального закона, только после их рассмотрения прокурором по дознанию, либо руководителем следственного подразделения.

Список литературы:

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 23.04.2018) (электронный ресурс) URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/dc682b2d7bea057250513ee50b7dbcc2422824db/ (дата обращения 23.05.2018)

2. «Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) (электронный ресурс) URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ (дата обращения 23.05.2018)

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 года № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст.125 УПК РФ».

4. Постановление Железнодорожного районного суда г. Симферополя от 08 мая 2018 года №3/10-75/2018 г.

Аметка Ф.А.

доцент кафедры теории и истории государства и права Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, к.ю.н., доцент,

Хаваджи Д.Р.

доцент кафедры государственных гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

Актуальные проблемы противодействия транснациональной преступности: общетеоретическое исследование

Актуальность представленной темы заключается в том, что в последние десятилетия наблюдается негативная тенденция перерастания национальной преступности в международную, приобретающая значительные масштабы. При этом следует отметить, что транснациональная преступность предметом отечественной правовой доктрины стала относительно недавно – в конце XX – начале XXI вв., хотя в международной доктрине данная проблема являлась объектом научных исследований более пяти десятилетий. В российской правовой науке транснациональная преступность изучается такими учеными-юристами в сфере уголовного права, криминологии, международного уголовного права, как И.В. Годуновым, А.Л. Репецкой, В.Я. Яценко, Ю.А. Воронина, Ю.В. Шабалиной и

иными, труды которых внесли весомый вклад в разработку таких правовых категорий как «транснациональная организованная преступность», роль и значение правоохранительных органов по борьбе с данными явлениями и др., что обосновывает научную значимость объекта исследования.

Практическая значимость представленного научного исследования, заключается в том, что развитие и рост транснациональной отрицательно сказывается не только на развитии межгосударственных экономических, политических отношениях, но являются непосредственной угрозой международному правопорядку. В связи с этим на международной арене предпринимаются значительные попы создания эффективных механизмов противодействия и борьбы с транснациональной преступностью: принимаются универсальные и региональные международно-правовые акты, создаются специализированные органы, как в рамках международных организаций, так и в национальных правовых системах, т.е. наблюдается тесное международное сотрудничество в указанной сфере. При этом важно подчеркнуть, что создание и функционирование достаточно широкого спектра международных механизмов противодействия транснациональной преступности является недостаточным, поскольку проблема ее преодоления до сих пор является одной из самых актуальных и этому способствует ряд причин. По нашему мнению, среди них можно выделить следующие: глобализационные процессы, открытие государственных границ, стремительный научно-технический прогресс, разработка новых информационных технологий, способствующих появлению новых видов преступлений, созданию средств и механизмов по сокрытию следов преступления; проблема квалификации преступлений, несовершенство юридической техники при составлении и принятии как международных, так и национальных правовых актов. Важно отметить, что одним их весомых факторов, осложняющих, и, в конце концов, тормозящих борьбу с транснациональной преступностью является коррупция, которая подтачивает основы не только национальной, но международной безопасности и мирового правопорядка. Ведь именно коррупционная составляющая позволяет еще на стадии разработки и принятия (посредством лоббирования) национальных нормативно-правовых и международных актов, создавать мнимые пробелы в праве, создающие различные «лазейки», способствующие, например, снижению налоговых ставок, легализации доходов, полученных преступным путем, и даже позволяющих осложнить процедуру привлечения виновных к юридической ответственности и т.д. Одной из проблем эффективной борьбы с транснациональной преступностью отечественный исследователь Т.А. Родионова называет тот факт, что практически отсутствуют официальные данные, раскрывающие реальные масштабы преступной деятельности транснациональных организованных группировок, как в России, так и за рубежом, а также бессистемность, пробельность международного и национального законодательства, отсутствие единого научного подхода к понятию «транснациональная преступность»[1, с. 100].

С конца XIX в. и до сегодняшнего дня на универсальном и региональном уровнях государствами заключено множество конвенций по борьбе с отдельными видами транснациональных преступлений. Наиболее значимыми из них, принятыми в последние годы, являются: Конвенция о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г.; Европейская конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 г.; Европейская конвенция об уголовно-правовой ответственности за коррупцию 1999 г.; Конвенция ООН о транснациональной организованной преступности 2000 г. и протоколы к ней; Конвенция о киберпреступности 2001 г.; Конвенция ООН против коррупции 2003 г. и др. Уголовный кодекс Российской Федерации на сегодняшний день содержит более 60 статей, составы которых основаны на международно-правовых актах с участием нашей страны. В докладе Генерального секретаря ООН на Восьмом Конгрессе ООН по предупреждению преступности транснациональные преступления были разделены на пять основных групп:

- террористические преступления транснационального характера (захват воздушных судов и другие незаконные действия, направленные против безопасности гражданской авиации; захват заложников; преступления против лиц, пользующихся международной защитой; пиратство и др.);

- организованные на международной основе клановые преступления с главной целью получения доходов (незаконный оборот наркотиков; торговля людьми; организация нелегальной иммиграции; контрабанда оружием и похищенными транспортными средствами; распространение порнографии и эксплуатация проституции и др.);

- экономические преступления, предусматривающие осуществление операций и транснациональных действий в двух или нескольких странах (легализация преступных доходов; коррупция; фальшивомонетничество);

- транснациональная незаконная торговля предметами искусства, представляющими культурное и религиозное достояние нации;

- действия, которые путем загрязнения нарушают экологический баланс и состояние окружающей среды в более чем одной стране [2].

Одним из самых тяжких транснациональных преступлений сегодня является международный терроризм. По своей объективной характеристике это преступление настолько многоаспектно, что в мировой доктрине и практике до сих пор нет четкого правового определения состава этого деяния. Терроризм может выражаться как в захвате заложников, так и в угоне воздушных судов, как в совершении актов насилия против государственных деятелей и дипломатов, так и в разрушении каких-либо объектов: самолетов, морских судов, административных и жилых зданий. Однако каким бы способом ни был совершен террористический акт, главной целью террористов всегда являются запугивание населения, создание атмосферы страха и оказание давления на третью сторону, которой чаще всего оказываются органы государственной власти и управления [2].

Таким образом, действительно, одной из ведущих проблем,

осложняющих эффективную борьбу с транснациональной преступностью является неоднозначный подход в доктрине международного и национального права к понятию «транснациональная преступность» и ее видам. Современная отечественная правовая наука определяет транснациональные преступления как международно-противоправные деяния, нарушающие или создающие угрозу развитию международных отношений. В отечественной доктрине эту категорию преступлений называют иногда либо «конвенционными», поскольку составы данной категории преступлений предусмотрены в международно-правовых конвенциях, либо «уголовными преступлениями международного характера», поскольку непосредственный объект этих преступлений имеет общеуголовный характер в смысле внутреннего права, но с иностранным элементом. Как правило, транснациональные преступления совершаются физическими лицами и не связаны с политикой того или иного государства, а ответственность за их совершение наступает по внутреннему уголовному праву страны. Государства — участники конвенций по борьбе с определенными видами транснациональных преступлений обязаны криминализовать деяния, составы которых предусмотрены в международно-правовых актах, и предусмотреть санкции за их совершение. Критерии отнесения того или иного преступления к категории транснационального указаны в Конвенции ООН о транснациональной организованной преступности 2000 г. (ст. 3). Любое преступление носит транснациональный характер, если: оно совершено в более чем одном государстве; оно совершено в одном государстве, но существенная часть его подготовки, планирования, руководства или контроля имеет место в другом государстве; оно совершено в одном государстве, но при участии организованной преступной группы, которая осуществляет свою преступную деятельность в более чем одном государстве; или оно совершено в одном государстве, но его существенные последствия имеют место в другом государстве[3].

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что в современной правовой доктрине и юридической практике существует множество проблем в сфере доктринального и правового закрепления понятия транснациональная преступности ее разновидности и др., При этом важно подчеркнуть, что большинство из них можно решить путем эффективного международного сотрудничества, качественной правотворческой деятельности как на международном, так и на национальном уровнях, а также посредством принятия комплексных правовых, политических, экономических мер.

Список литературы:

1. Родинова Т.А. Проблемы Организованной транснациональной преступности в доктрине уголовного права России // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 11 (302). – Право. Вып. 36. – С.

99 – 102.

2. Валеев Р.М, Курдюков Г.И.. Международное право. Особенная часть: Учебник для вузов. – М.: Статут, 2010. – 624 с. // <http://lib.sale/mejdunarodnoe-pravo-besplatno/ponyatie-vidyi-transnatsionalnyih.html>

3. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121543/

Макаров А.П.

помощник прокурора Нахимовского
района г. Севастополя,
аспирант Кубанского
государственного аграрного
университета им. И.Т. Трубилина

Некоторые аспекты разграничения провокационно-подстрекательской деятельности и законного проведения оперативно-розыскных мероприятий по делам о взяточничестве

Борьба с коррупцией и взяточничеством в Российской Федерации входит в спектр направлений государственной политики, а также носит продуманный и последовательный характер [4]. При этом имеется тенденция к расширению полномочий сотрудников правоохранительных органов в указанной сфере [5].

В силу закона оперативным сотрудникам при осуществлении своей деятельности по выявлению и раскрытию преступлений запрещено подстрекать и склонять к совершению противоправных действий.

Помимо подстрекательства и склонения существует также риск неправомерного обвинения лица в совершении преступления, вследствие использования в качестве доказательств, сфальсифицированных результатов оперативно-розыскной деятельности [1].

За провокационные действия при выявлении и фиксации случаев взяточничества ст. 304 УК Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность [2].

Впервые в отечественном законодательстве ответственность за провокацию взятки внедрена Уголовным кодексом РСФСР от 1922 года [6].

Провокация взятки в редакции Уголовного кодекса РСФСР от 1927 года подразумевала под собой создание должностными лицами уполномоченных органов, соответствующих обстановки и условий, способствующих предложению или получению лицом взятки [7].

В настоящее время законодательное определение уголовно-наказуемого деяния в виде провокации взяточничества в России претерпело ряд значительных изменений, но в целом сохранило свою суть. Под провокацией взятки понимается осуществление должностными лицами

правоохранительных органов умышленных действий по формированию доказательств вины лица в передаче либо получении взятки без его на то намерений или с умышленным нарушением правоохранителями предусмотренной для этого процедуры и порядка.

В соответствии с Пленумом Верховного суда от 09.07.2013 № 24 под провокацией следует понимать передачу предмета взятки либо оказание услуг в целях искусственного формирования доказательств по делу или шантажа. В этом постановлении были сформулированы рекомендации для судебных органов по оценке доказательств по определению момента окончания совершения преступления, обязательность отграничения от преступления подстрекательских действий сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо на принятие взятки, установлении факта согласия лица принять незаконное вознаграждение в качестве взятки.

При этом внимание судов было обращено на необходимость индивидуального подхода к рассмотрению уголовных дел коррупционной направленности, учитывая степень общественной опасности совершенного преступления, характер и тяжесть причиненного вреда, данные о личности виновного и другие фактические обстоятельства [3].

В.Н. Борков выделяет три варианта поведения при выявлении фактов взяточничества или совершения провокационно-подстрекательской деятельности со стороны сотрудников оперативных подразделений. Это осуществление оперативно-розыскной деятельности по выявлению и расследованию фактов взяточничества в рамках соблюдения норм уголовного и уголовно-процессуального права, совершение провокации при получении или дачи взятки, а также совершение провокационно-подстрекательских действий как в ходе выявления и задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, так и в процессе расследования уголовного дела, вплоть до окончания судебного разбирательства [8].

При этом оценка двух первых видов поведения оперативных работников, в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности по документированию преступной деятельности фигурантов по делам о взяточничестве достаточно полно определена действующим законодательством, а провокационно-подстрекательская деятельность сотрудников оперативных подразделений осуществляющих проведение ОРМ не нашла свое отражение в уголовно-процессуальном законе [9].

Судебная практика свидетельствует, что существует несколько распространенных типичных ситуаций при совершении оперативными сотрудниками провокационных действий по делам о взяточничестве.

Так, данные действия могут выражаться в создании искусственной обстановки способствующей получению или дачи взятки, а также сопровождаться различными методами воздействия на жертву провокации с помощью лиц, конфиденциально сотрудничающими с правоохранительными органами или лиц, имеющих личную и иную заинтересованность.

В данном случае под воздействием третьих лиц жертва, не имея

первоначального умысла на совершение коррупционного деяния, совершает уголовно наказуемое деяние по заранее спланированному правоохранителями плану.

Следующим распространенным видом провокационно-подстрекательской деятельности является инсценировка совершения взяточничества. Так, лицо, не только не имея умысла на совершение конкретных противоправных действий, а в ряде случаев даже не понимая обстоятельств, происшедших событий становится жертвой провокации.

Примером может служить ситуация, когда должностное лицо органа исполнительной власти, контролирующих органов, ничего не подозревая в рамках получения информации и запрашиваемых документов, может получить вложенный или замаскированный среди документов конверт с денежными средствами.

В таких ситуациях при проведении оперативного эксперимента под запись могут озвучиваться недостоверная информация о ранее достигнутой договоренности, а также указание на имеющееся согласие лица в получении или даче взятки. Данные типичные ситуации провокационных действий не являются исчерпывающими и могут иметь предварительно спланированный сценарий, адаптированный под конкретные обстоятельства, а также множество комбинаций с целью необоснованного обвинения лица в совершении коррупционных преступлений и искусственного формирования доказательств вины лица.

Провокация зачастую имеет место, когда отдельные должностные лица пренебрегают задачами и принципами осуществления оперативно-розыскной деятельности, предусмотренными ст. ст. 2, 3 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [1].

Таким образом, неукоснительное соблюдение требований оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства является наивысшим приоритетом при осуществлении сотрудниками правоохранительных органов возложенных на них полномочий.

Список литературы:

1. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» № 144-ФЗ от 12.08.1995 (ред. от 06.07.2016) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru> – Загл. с экрана (дата обращения: 15.05.2018).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 19.02.2018) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru> – Загл. с экрана (дата обращения: 15.05.2018).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» / «Российская газета», № 154, 17.07.2013.
4. Национальный план противодействия коррупции на 2018 - 2019 годы [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://g2019.su/nacionalnyj-plan-protivodejstviya-korruptcii-na-2018-2019-gody> - Загл. с экрана. (дата обращения:

15.05.2018).

5. Указ Президента РФ от 08.03.2016 № 103 «О внесении изменений в Положение о Федеральной службе по финансовому мониторингу, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13 июня 2012 г. № 808» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-08032016-n-103> – Загл. с экрана. экрана (дата обращения: 15.05.2018).

6. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года / / Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917 -1952 гг. М., 1953. С. 130.

7. Уголовный кодекс РСФСР 1927 года // Сборник документов по истории уголовно законодательства СССР и РСФСР 1917 -1952 гг. М., 1953. С. 298.

8. Борков В.Н. Квалификация провокационно-подстрекательских действий сотрудников правоохранительных органов [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://отрасли-права.рф/article/9288> – Загл. с экрана. экрана (дата обращения: 15.05.2018).

9. Яни П. Новое Постановление Пленума Верховного Суда о взяточничестве // Законность. 2013. № 12. С. 36.

Комарова Е.А.

доцент кафедры уголовного процесса,
криминалистики и участия прокурора в
уголовном судопроизводстве
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации
кандидат юридических наук, доцент

Вопросы организации международного розыска

Международный розыск осуществляется на основе применения норм как международного, так и национального права. Так, организация международного розыска происходит на основании Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола, утвержденной приказом МВД России, МЮ РФ, ФСБ РФ, ФСО РФ, ФСКН РФ, ФТС РФ от 06.10.2006 № 786/310/470/454/333/971. При осуществлении порядка реализации отдельных положений Инструкции необходимо руководствоваться приказом Генерального прокурора РФ № 636 от 18.11.2014 «О порядке реализации отдельных положений Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола, утвержденной приказом МВД России, Минюста России, ФСБ России, ФСО России, ФСКН России и ФТС России от 06.10.2006 №786/310/470/454/333/971», а также некоторых других документов.

Прокуратурами субъектов также принимаются организационно-распорядительные документы, регламентирующие данные вопросы. Так,

прокуратурой Республики Крым в 2015 году в целях установления единого порядка применения был издан Приказ № 88 от 30.04.2018 «О порядке взаимодействия структурных подразделений прокуратуры Республики Крым с городскими, районными, межрайонными и специализированными прокурорами при осуществлении прокурорского надзора за соблюдением законов при исполнении и направлении запросов о выдаче лиц иностранным государствам для привлечения их к уголовной ответственности».

Международный розыск направлен на обнаружение разыскиваемых лиц, находящихся за пределами Российской Федерации.

В соответствии с ведомственными нормативными актами международный розыск объявляется в отношении подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких и только в случаях, если:

- существуют данные о выезде разыскиваемого за пределы Российской Федерации;

- достоверно установлены имеющиеся у разыскиваемого родственные, дружеские и иные связи за пределами Российской Федерации;

- получена достоверная информация об имевшемся у разыскиваемого намерении выехать из Российской Федерации с деловой или иной целью[1].

Обязательным условием объявления и осуществления международного розыска лица является его объявление в федеральный розыск на территории Российской Федерации. Международный розыск лица объявляется после либо одновременно с объявлением федерального розыска. Международный розыск производится через посредничество Интерпола[2].

Для Республики Крым вопрос об объявлении лиц в международный розыск является актуальным, поскольку Интерпол не реагирует на информацию поступающую от Республики Крым. В связи с этим перед руководством МВД России поставлен вопрос об активизации деятельности НЦБ Интерпола МВД России на данном направлении в отношении лиц, сведения о международном розыске которых были удалены Интерполом.

МВД России создана межведомственная рабочая группа по вопросам практического взаимодействия с Генеральным секретариатом Интерпола по международному розыску с участием НЦБ Интерпола и Следственного департамента МВД России, а также СК России и МИД России.

Имеют место факты ненадлежащего взаимодействия органов прокуратуры и правоохранительных органов. Во взаимодействии с правоохранительными органами прокурорам следует вести учет лиц, в отношении которых вынесено постановление об объявлении в международный розыск. Принимать меры к исключению фактов не предоставления в указанные сроки заключений и документов, а также случаи незаконного задержания и заключения под стражу лиц, находящихся в международном розыске.

Так, например, в процессе осуществления надзорной деятельности за розыском обвиняемого прокурором района установлены факты

несвоевременного и неполного направления необходимых документов в филиал НБЦ Интерпола, затянутого сбора дополнительных документов.

По фактам таких нарушений проводились служебные расследования, по результатам которых сотрудники, включая работников прокуратуры, привлекались к различного рода ответственности.

В связи с выявленными нарушениями закона в действиях сотрудников органов внутренних дел, допущенных при задержании иностранных граждан, прокурорами вносились представления, по результатам рассмотрения которых должностные лица привлекались к дисциплинарной ответственности.

Целенаправленная деятельность прокуратур субъектов Российской Федерации по исполнению международного и российского законодательства в части международного сотрудничества дает положительные результаты[3].

Вместе с тем, при осуществлении международного сотрудничества прокуроры нередко сталкиваются с трудностями, возникающими в связи с длительным исполнением запросов правоохранительными органами иностранных государств, со сложностью обеспечения качественного перевода процессуальных документов, что негативным образом влияет на соблюдение сроков уголовного судопроизводства, в том числе сроков содержания под стражей.

Максимальный срок содержания под стражей иностранных граждан, обвиняемых в совершении преступлений небольшой и средней тяжести, в соответствии с положениями ч. 2 ст. 109 УПК РФ составляет 6 месяцев. Однако не всегда экстрадиционная проверка может быть проведена в указанный срок, особенно в случае обжалования решения ГП РФ о выдаче. В то же время сроки давности привлечения к уголовной ответственности за совершение такого преступления зачастую в ходе проведения экстрадиционной проверки заканчиваются.

Таким образом, скоординированная деятельность правоохранительных органов и органов прокуратуры по вопросам осуществления международного розыска дает положительные результаты и позволяет государствам совместными усилиями осуществлять борьбу с преступностью.

Список литературы:

1. Приказ МВД РФ N 786, Минюста РФ N 310, ФСБ РФ N 470, ФСО РФ N 454, ФСКН РФ N 333, ФТС РФ 971 от 06.10.2006 (ред. от 22.09.2009) "Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола" (Зарегистрировано в Минюсте РФ 03.11.2006 N 8437)

2. Стельмах В.Ю. Процессуальные аспекты розыска подозреваемого и обвиняемого // Российский следователь. 2016. N 10. С. 15 - 18.

3. Куликова Г.Л. Международное сотрудничество в сфере прокурорской деятельности: состояние, проблемы и пути их решения: обзор практики международного сотрудничества органов прокуратуры Российской

Чернихивская С.М.

старший помощник прокурора
города Ялты

Особенности методики расследования уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с организации

Налоги представляют собой обязательные сборы, взимаемые государством с хозяйствующих субъектов и с граждан по ставке, установленной в законном порядке. Они являются необходимым звеном экономических отношений в обществе с момента возникновения государства и одним из источников формирования доходной части государственного бюджета.

В настоящее время законодательство Российской Федерации о налогах и сборах состоит из Налогового кодекса Российской Федерации и ряда действующих на условиях непротиворечия Налоговому кодексу федеральных законов о налогах и (или) сборах.

Криминальные посягательства в налоговой сфере разнообразны, имеют особую изощренность преступных операций, быстроту адаптации виновных лиц к новым формам и видам налоговой деятельности и технологию налогового учета. Характерной чертой налоговых преступлений в России является их высокая латентность.

Исследование криминалистической характеристики уклонения от уплаты налогов организацией играет очень важную роль, т.к. позволяет построить модель преступного посягательства, сделать прогноз развития криминогенной обстановки в той или иной отрасли, определить причины и условия, способствующие совершению преступлений, обобщить характерные способы совершения данных преступлений, проанализировать последствия нарушения законодательства о налогах и сборах [1, с.19].

Сведения о личности преступника в криминалистической характеристике уклонения от уплаты налогов имеют особое значение с учетом трактовки налогоплательщика в налоговом законодательстве. Как правило, виновным в совершении преступления, предусмотренного ст.199 УК РФ, является руководитель или главный бухгалтер организации. Преступникам данной категории свойственны достаточно высокий социальный статус, уровень образования, разветвленные преступные связи в различных сферах общественной жизни [2, с.24].

Объективная сторона уклонения от уплаты налоговых платежей, взимаемых с организации, включает в себя лишь неисполнение обязанности. Все активные действия, которые лицо совершает, следует расценивать как свидетельство направленности умысла на неуплату налоговых платежей. Такие действия охватываются понятием преступной деятельности, но не

входят в объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ.

При этом уголовно наказуемым бывает не всякое уклонение от уплаты (неуплаты) налога и (или) сбора, а лишь совершенное: путем непредставления налоговой декларации, непредставления обязательных документов (бухгалтерской отчетности), включения заведомо ложных сведений в налоговую декларацию и включения заведомо ложных сведений в иные документы (в документы бухгалтерской отчетности), представление которых является обязательным.

Способы уклонения от налогов многообразны, постоянно видоизменяются в зависимости от состояния законодательства и правоприменительной практики. Важным элементом системы преступления являются факты – последствия посягательства. Под ними подразумеваются выраженные в конкретных фактах результаты деятельности субъекта, вредные для общества, наступление которых законодатель стремится предотвратить угрозой уголовного наказания, и последствия, которые сами по себе не опасны, но имеют значение для расследования и установления истины [3, с.104]. Для современных способов уклонения от уплаты налогов признаки совершения этих преступлений скрыты глубже. Они кроются внутри хозяйственной деятельности предприятий и организаций. Проведенный анализ уголовных дел, опросы налоговых инспекторов, оперативных сотрудников позволяют прийти к выводу, что для выявления налоговых преступлений в современных условиях следует обращать внимание не только на состояние и формы бухгалтерской отчетности, но и анализировать хозяйственные сделки предприятия. Также при составлении обвинительного заключения следует тщательно подходить к описанию способа совершения преступления, поскольку это является криминалистически значимым [4, с.16].

Акт налоговой проверки является важным документом при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, однако его нельзя абсолютизировать и считать окончательным итоговым документом, устанавливающим событие налогового преступления. Мы придерживаемся точки зрения авторов, считающих, что при решении вопроса о возбуждении уголовного дела является обязательным установление общественной опасности содеянного и прямого умысла на совершение налогового преступления.

Рассмотрение вопросов, связанных с расследованием налоговых преступлений, достаточно очевидно позволило выявить те особенности, которые отличают их от всех других, в том числе и экономических, преступлений. В первую очередь, это особенности, связанные с выявлением факта совершения преступления и возбуждения уголовного дела.

Доказательственная база ввиду особенностей налогового преступления оказывается также ограниченной. Специфика имеется и в характеристике действий, которые образуют способ налогового преступления. Эти действия направлены на совершение преступления в виде причиненного государству

ущерба в форме упущенной выгоды, т. е. лицо не изымает имущество и не передает его потерпевшему (а именно бюджету). В этом состоит принципиальное отличие налоговых преступлений от иных корыстных преступлений.

Одной из важнейших особенностей расследования налоговых преступлений является обязательное наличие процедуры выявления признаков преступления, что означает установить, обнаружить с помощью оперативно-розыскных мероприятий (и гласных действий - ревизий, аудиторских проверок и т.п.) очевидность подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений.

При расследовании фактов уклонения от уплаты налогов организациями особое внимание должно уделяться таким следственным действиям, как: выемка, поскольку изъятие документов в подразделениях предприятий, учреждений и организаций позволяет своевременно предотвратить возможное их уничтожение с целью сокрытия от следствия следов преступной деятельности; обыск, проведение которого необходимо для обнаружения документов, свидетельствующих о нарушениях финансово-хозяйственной деятельности, повлекших уклонение от уплаты налогов.

Особенностью проведения допросов по делам об уклонении от уплаты налогов является то, что следователю, как правило, приходится допрашивать финансово-бухгалтерских, технических работников, которые в большинстве своем значительно лучше, чем следователь, владеют вопросами производства, налогообложения и бухгалтерского учета.

Применение специальных экономических знаний при расследовании уклонения от уплаты налогов организациями, несомненно, способствует выявлению лиц, совершивших такие преступления, определению размеров полученных доходов и невыплаченных налогов в государственный бюджет.

Таким образом, следует сделать вывод, что методика расследования налоговых преступлений требует дальнейшего научного исследования и соответствующего внимания со стороны законодательной ветви власти.

Список литературы:

1. Кучеров, И. И. Расследование налоговых преступлений: автореферат дис. канд. юрид. Наук / И. И. Кучеров. - М., 1995. - С. 19.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. – Электрон.дан. – [М., 2011]
3. Сазонов Ю. Они не хотят выходить из тени // Финансовый контроль. – № 1., 2005 – С.104.
4. Попов И. А. Классификация способов уклонения от уплаты налогов. [Электронный ресурс].- Электрон.дан.-[М., 2011]

Колюка Н.Н.

профессор кафедры
государственно-правовых
дисциплин Крымского
юридического института (филиала)
Университета прокуратуры
Российской Федерации, кандидат
юридических наук

Басов А.В.

заведующий кафедрой
государственно-правовых
дисциплин Крымского
юридического института (филиала)
Университета прокуратуры
Российской Федерации, доктор
юридических наук, доцент

**Некоторые аспекты правового обеспечения участия прокурора в
административном судопроизводстве**

Становление Российской Федерации как демократического правового государства, проведение административной реформы и реформы административного права, в частности, обусловило разработку новых подходов к регулированию такой важной сферы как «административное судопроизводство».

Конституция Российской Федерации определяет, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства¹. Именно поэтому на современном этапе защиту прав и свобод личности следует считать одной из важнейших функций государства.

Принятие Кодекса административного судопроизводства РФ обусловило постановку ряда вопросов как теоретического, так и практического характера. К одним из таких можно отнести правовое регулирование статуса участников административного судопроизводства, в частности прокурора.

Отдельные аспекты осуществления административного судопроизводства в своих работах исследовали такие ученые: А.Ю. Винокуров, С. Выскуб, Н.Н. Колюка, Ю.Г. Насонов, В. Радченко, Н.Г. Салищева, Ю.Н. Стариков, В.А. Тюнин, Ю.А. Тихомиров и др.

Следует отметить, что в иерархической структуре законодательства основную роль играет Конституция Российской Федерации и федеральное законодательство, устанавливающие отправные принципы правового регулирования в данной сфере, в частности Кодекс административного

¹ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Справочная правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 05.04.2017).

судопроизводства Российской Федерации; Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». Кроме того, с целью конкретизации положений отдельных нормативных правовых актов, Генеральный прокурор Российской Федерации принимает соответствующие акты в данной сфере.

Исследуя правовое регулирование указанной сферы деятельности прокурора следует отметить, что основополагающее значение принадлежит Конституции Российской Федерации, которая определяет и закрепляет принципы, получающие развитие в иных нормативных правовых актах, а также устанавливает отправные принципы осуществления судопроизводства. Также заметим, что осуществление административного судопроизводства связано с применением определенных принудительных мер, базовые принципы применения которых определены в Конституции [2, с. 276].

В то же время, с принятием Кодекса административного судопроизводства РФ, конституционный тезис о том, что государство обязано признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2 Конституции Российской Федерации) практически начал выполняться путем осуществления административного судопроизводства по рассмотрению и разрешению административных дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений в новом, современном формате. Кроме того, в соответствии со ст. 46 Конституции Российской Федерации - каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд.

Правовой «площадкой» для осуществления административного судопроизводства является ч. 2 ст. 118 Конституции которая закрепляет, что «судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства» [1]. Однако, принятие КАС РФ обусловило возникновения научной дискуссии относительно к какому виду судопроизводства следует отнести производство по делам об административных правонарушениях [3, с. 62]. На сегодня единой позиции по данному вопросу не выработано. Таким образом, Конституция Российской Федерации осуществляет первичную легализацию участия прокурора в административном судопроизводстве.

Основным правовым документом, регулирующим участие прокурора в административном судопроизводстве является Кодекс административного судопроизводства РФ. Отметим, что данный Кодекс принят в целях реализации положений Конституции (ч. 1, 2 ст. 46, ч.2 ст. 118, ст. 126) и федерального законодательства, в частности Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [4], Федерального конституционного закона от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» [5].

Ст. 39 Кодекса административного судопроизводства РФ закрепляет процессуальные особенности участия прокурора в административном судопроизводстве, а именно:

– прокурор вправе обратиться в суд с административным иском заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, а также в других случаях, предусмотренных федеральными законами;

– прокурор, обратившийся в суд с административным иском заявлением, пользуется процессуальными правами и несет процессуальные обязанности административного истца (за исключением права на заключение соглашения о примирении и обязанности по уплате судебных расходов), а также обязанность по уведомлению гражданина или его законного представителя о своем отказе от поданного им в интересах гражданина административного иска;

– прокурор вступает в судебный процесс и дает заключение по административному делу в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом. Прокурор не дает заключение по административному делу, если административное дело возбуждено на основании его административного искового заявления [6].

Важное положение закреплено в ст.218 КАС РФ, в соответствии с которой «гражданин, организация, иные лица могут обратиться в суд с требованиями об оспаривании решений, действий (бездействия) органа государственной власти, органа местного самоуправления, иного органа, организации, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями (включая решения, действия (бездействие) квалификационной коллегии судей, экзаменационной комиссии), должностного лица, государственного или муниципального служащего (далее - орган, организация, лицо, наделенные государственными или иными публичными полномочиями), если полагают, что нарушены или оспорены их права, свободы и законные интересы, созданы препятствия к осуществлению их прав, свобод и реализации законных интересов или на них незаконно возложены какие-либо обязанности [6].

В соответствии с ч. 5 ст. 38 КАС РФ прокурор может выступать в качестве административного ответчика, как носитель публичных полномочий. А. Ю. Винокуров, Ю. Г. Насонов, В. С. Выскуб, ссылаясь на нормы Кодекса административного судопроизводства РФ, высказывают мнение о потенциальной возможности осуществления прокурором функции административного ответчика [7].

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Справочная правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения

05.05.2018).

2. Колюка Н.Н. Правовое регулирование участия прокурора в административном судопроизводстве // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 12. – С. 275–278.

3. Насонов, Ю. Г., Выскуб В. С. О недостатках правового регулирования участия прокурора в административном судопроизводстве // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2015. – № 5. – С. 60 – 66/

4. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ (дата обращения 06.04.2018)/

5. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 N 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110271/ (дата обращения 06.04.2018)/

6. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения 07.04.2018).

7. Винокуров А.Ю. О некоторых вопросах участия прокурора в административном судопроизводстве // Административное и муниципальное право. – 2016. – № 2. – С. 180.

Васильев С.А.

заведующий кафедрой
уголовного права и процесса
Юридического института
Севастопольского
государственного университета,
кандидат юридических наук

**Вопросы организационно-правового совершенствования
специализированных подразделений органов внутренних дел,
занимающихся обеспечением продовольственной безопасности**

В соответствии с ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» [4], данный орган занимается вопросами защиты жизни, здоровья, прав и свобод людей, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности.

В этой связи следует отметить, что в условиях не самого большого разгула бандитизма и уличной преступности по сравнению с 90-ми годами XX века на авансцену выходит противодействие некачественному производству, соблюдению санитарно-эпидемиологических стандартов в части продовольственного обеспечения населения. Пусть, это задача других

государственных органов и институтов гражданского общества, полиция должна все больше и больше включаться в данный процесс и также стоять на страже интересов населения в рамках своей компетенции. Это объясняется тем, что в ч. 2 ст. 1 указанного федерального закона полиция приходит на помощь не только для защиты людей от преступности, но и для противодействия другим противоправным деяниям в отношении невинных граждан.

В развитие общих положений ст. 2 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» [4] формулирует основные направления деятельности данного органа, некоторые из которых соответствуют полномочиям данного органа по обеспечению продовольственной безопасности. К таковым относятся:

- защита личности, общества, государства от противоправных действий злоумышленников;
- предупреждение и пресечение административных правонарушений;
- производство по делам об административных правонарушениях, исполнение административных наказаний;
- осуществление экспертно-криминалистической деятельности.

Разбирая некоторые из перечисленных пунктов, следует отметить, что защищать от противоправных посягательств на здоровье и в некоторых случаях даже жизнь людей, полиция должна, в том числе и в сфере обеспечения продовольственной безопасности населения. Это объясняется тем, что некоторые нарушения в рассматриваемой сфере подпадают под квалификацию в качестве административных правонарушений, предупреждать и пресекать которые должна полиция. Так, в соответствии со ст. 6.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [3] организации общественного питания населения должны соблюдать требования санитарно-эпидемиологической безопасности населения. Если данные требования нарушаются, то на лиц, причастных к этому, включая юридических лиц, налагаются административные взыскания в виде штрафов и приостановления деятельности соответствующих организаций. В защите данного рода нарушенных прав полиция только оказывает содействие органам санитарно-эпидемиологического надзора. По ряду других правонарушений в сфере обеспечения продовольственной безопасности данный орган исполнительной власти активным образом самостоятельно решает указанные проблемы. А вот нарушение правил, установленных в ч. 3 ст. 14.16 рассматриваемого кодекса, находится в компетенции полиции. Данной нормой установлена административная ответственность при продаже спиртосодержащей продукции, включая ту продукцию, которая потенциально угрожает здоровью и жизни населения. Данное противоправное деяние может повлечь за собой наложение административного штрафа с конфискацией алкогольного продовольствия. Похожие правила распространяются и на табачную продукцию на основании ст. 14.53 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [3].

Борьба с некоторыми уголовными преступлениями органами внутренних дел также решает вопросы обеспечения продовольственной безопасности. Например, на основании ст. 171.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [5] полиция противодействует производству и распространению продовольствия без маркировки и иной информации, предусмотренной нормативным правовым регулированием в случае обязательности ее наличия на товаре.

Органы внутренних дел Российской Федерации находятся на переднем крае борьбы с проблемой контрафакта и фальсифицированной продукции, которая с каждым годом становится все более серьезной. Производители контрафактной продукции сегодня начинают использовать все более изощренные методы сокрытия признаков подделки: растет качество упаковки поддельных товаров, в контрафактном производстве используются передовые технологии.

В качестве примера можно привести успехи оперативных подразделений полиции в рассматриваемой сфере. На территории города Королева Московской области в январе 2017 года был обнаружен склад, где хранился алкоголь, маркированный известными брендами. В результате деятельности органов внутренних дел изъято 9 тыс. бутылок контрафактного алкоголя, а также 250 паллет со стеклотарой и вся необходимая фурнитура для изготовления поддельной продукции [2, с. 6].

Организаторы такого рода незаконной деятельности имеют порой международный масштаб, несущий существенный ущерб экономикам большинства государств мира, включая Россию [6, с. 239]. Импортный фальсификат часто попадает в Россию из Польши, Турции, Молдовы и других стран. Одним из основных источников подделок остается Китай [1, с. 129].

Основными причинами актуальности указанной проблемы в настоящее время выступают:

- несовершенство законодательной и нормативно-технической базы;
- «размытый» механизм государственного регулирования потребительского рынка;
- несовершенство правоприменительной системы в части выявления и изъятия контрафакта;
- безнаказанность должностных лиц, в том числе непосредственно отвечающих за функционирование товарного рынка и допускающих наличие на нем значительного количества контрафактной продукции;
- коррупция;
- привлекательность контрафактной продукции для значительного числа потребителей из-за более низкой стоимости.

Большую опасность в современных условиях представляют собой распространение контрафактной продовольственной продукции через информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет». Для того чтобы заблокировать указанные ресурсы необходимо проводить ряд затратных во многих отношениях мероприятий (заверять принт-скрин страницы у

нотариуса, делать контрольную закупку и т.д.). По нашему мнению, следует наделить полицию соответствующими полномочиями для упрощения процедуры противодействия указанному виду преступности и обеспечению продовольственной безопасности.

Список литературы:

1. Бабурин В.В., Бойко О.А., Панов С.Л. Оборот контрафактных строительных материалов: детерминанты и меры противодействия // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1. С. 128-133.
2. Богданов В. Выпить и умереть // Российская газета. 2017. 27 января.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ (ред. от 6 июля 2016 года) // СЗ РФ. 2002. 7 января. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
4. О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 г.) // СЗ РФ. 2011. 14 февраля. № 7. Ст. 900.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 6 июля 2016 года) // СЗ РФ. 1996. 17 июня. № 25. Ст. 2954.
6. Шаталова Т.Н. Проблемы защиты потребительского рынка от контрафактной и фальсифицированной продукции в России и за рубежом // Проблемы развития предприятий: теория и практика. Материалы 15-й Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию Самарского государственного экономического университета: в 2-х частях. – Самара: Самарский государственный экономический университет, 2016. С. 238-240.

Потапов Д.В.

преподаватель кафедры уголовного права Феодосийской финансово-экономической академии

Потапова Л.В.

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации кандидат исторических наук

Перспектива создания цифровой платформы в деятельности прокуратуры Российской Федерации

Развитие цифровых технологий может существенно изменить систему взаимодействия прокуратуры и органов предварительного расследования. Введение «Государственной автоматизированной системы правовой статистики» является первым шагом к созданию информационной платформы для управления прокуратурой всеми субъектами предварительного расследования.

По мнению лидеров бизнеса, руководителей государства, экспертов, в их числе можно назвать Г. Грефа, А. Дворковича, А. Кудрина, И. Шувалова, в ближайшее время (5-6 лет) финансовые, фискальные, контрольно-надзорные институты, государственное управление в целом качественно изменятся под влиянием цифровых технологий; другими станут отношения общества с государством. Россию позиционируют, как будущую цифровую сверхдержаву, которая опережает другие страны в овладении цифровыми технологиями.

Кардинальные перемены в этом направлении уже происходят. Так, с 2017 года по инициативе Минэкономразвития осуществляется перевод различных государственных реестров, например, записи актов гражданского состояния, фиксации прав собственности и пр. Близок к задачам построения технологической платформы и принятый Министерством связи РФ концептуальный документ «Системный проект электронного правительства»[1].

В связи с этим нельзя не сказать о ставшем известным СМИ проекте Департамента проектной деятельности правительства, в котором предлагается внедрить в российскую правовую и судебную систему искусственный интеллект [2].

На построение информационно-технологической платформы управления нацелено руководство прокуратуры, других правоохранительных органов [3]. По словам Генерального прокурора Российской Федерации Ю. Чайки, в его ведомстве запущен процесс цифровой трансформации. Прокуратура переходит на современные подходы в коммуникациях как внутри ведомства, так и при взаимодействии с населением. Это внедрение новых, высокотехнологичных подходов при осуществлении надзора и использование интерактивных сервисов для общения с гражданами, государственными и общественными институтами. Разработкой масштабной концепции цифровой трансформации, которая должна не только отвечать задачам ведомства по надзору и защите прав граждан, но и соответствовать общегосударственному курсу [4].

Прокуратура в силу того, что на нее была возложена обязанность по ведению уголовной статистики (ст. 51 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» [5]), объективно стала одним из «драйверов» этого направления в развитии российской государственности. Имеется в виду созданный Генеральной прокуратурой РФ проект «Государственная автоматизированная система правовой статистики» (далее – ГАС ПС).

Пока реализуются внутрисистемные проекты такого рода, то нет сомнения, что следующим этапом станет агрегирование всех информационно-цифровых систем управления в одну платформу. Логичным будет в качестве основы взять прокурорскую систему (аналог ГАС ПС), которую в свою очередь агрегировать в систему «государство как платформа». В ней же будет агрегирована электронная система правосудия, а также информационные ресурсы иных правоохранительных органов (ФСИН и пр.), что позволит полностью оцифровать весь процесс применения

антикриминального законодательства и поднять на совершенно иной уровень взаимодействие, как правоохранительных органов государства, так и институтов гражданского общества, граждан.

Не отстают от чиновников и представители гражданского сообщества. Так, 21 декабря 2017 года был запущен проект Комитета Гражданских Инициатив «Открытая полиция» – онлайн-конструктор, создающий жалобы и заявления в полицию [4]. На наш взгляд, это показательный первый шаг на качественно новый уровень взаимодействия граждан и полиции в связи с совершением преступления. Проект Генеральной прокуратуры РФ, о котором мы писали ранее, встречает поддержку снизу. Так и должна будет строиться система реагирования на преступные проявления: на входе в нее заявитель будет получать общественное содействие – виде оказание бесплатной информационно-технологической услуги. На наш взгляд, сетевое сообщество может создать и другие средства взаимопомощи граждан и бизнеса при контакте с правоохранительной системой «государства как платформа».

Концепция «государство как платформа» – это концепция государственного управления, основой которой является комплексная организационно-техническая инфраструктура для предоставления необходимых гражданам и бизнесу услуг, а также для обеспечения деятельности системы государственного управления. В свете этой концепции защита от преступлений – это услуга, оказываемая государством населению, бизнесу, и данная услуга в агрегированном виде должна быть доступна любому желающему.

Речь идет о новой организационно-информационной модели взаимодействия, как самих правоохранителей, так и субъектов, заинтересованных в исходе решения вопроса о применении уголовного закона и восстановлении нарушенных преступлением общественных отношений. По мнению разработчиков концепции «цифрового государства как платформы», оказание государственных услуг, а также собственно функционирование всей системы государственного управления будет строиться на базе единой цифровой облачной платформы; «платформенный подход позволит:

- устранить проблемы межведомственного взаимодействия;
- получить доступ к данным, которые не собираются традиционной статистикой, но необходимы для принятия решений по госрасходам;
- повысить качество взаимодействия государства с гражданами.

И здесь принципиально важна будет роль органа, на котором будет замкнута вся система принятия решений о регистрации сообщения о преступлении, первичного реагирования на него, о результатах расследования и выдвижении обвинения. Как уже отмечалось, здравый смысл, который уже приобретает конкретные технологические очертания, подсказывает, что это должен быть один орган – прокуратура. Прокуратура должна считаться основным субъектом уголовной политики, которой должны быть предоставлены решающие полномочия по организации деятельности государственных органов против преступности.

Список литературы:

1. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14.09.2017 № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» URL: <https://genproc.gov.ru/documents/orders/627.pdf>
2. Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года. URL: <https://genproc.gov.ru/documents/orders/627.pdf>
3. Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Юрия Чайки газете «Известия» 25 апреля 2017. URL: https://www.genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances/interview/1187388/
4. Интернет-ресурс «Открытая полиция». – URL: <https://openpolice.ru/constructor/>
5. О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СЕКЦИЯ № 3.

Роль органов прокуратуры в предупреждении и борьбе с преступностью. Предупреждение преступности среди несовершеннолетних средствами прокурорского надзора

Задерейчук И.П.

доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин, Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат исторических наук, доцент

Роль прокуратуры Крыма в профилактике преступности среди несовершеннолетних в 1991–2014 гг.

Современное развитие государства невозможно без наличия действенного механизма по предупреждению преступности среди наиболее уязвимой группы населения – несовершеннолетних. Эта проблема остается актуальной и для Республики Крым. За последние два десятилетия прокуратура полуострова накопила значительный опыт в профилактике ранней преступности. К моменту восстановления крымской автономии в 1991 г. в составе прокуратуры функционировал отдел по надзору за исполнением законов о несовершеннолетних. Он состоял из четырех человек, а именно: начальник отдела В.А. Бахров и прокуроры отдела В.И. Бернацкий, А.П. Левченко и М.В. Угрюмов [1, л. 13]. В будущем он был переименован в отдел защиты прав и свобод несовершеннолетних. С начала 2000-х и до 2017 гг. его возглавляла Н.Л. Новикова. Она внесла значительный вклад в работу отдела и в развитие надзора за соблюдением прав и свобод несовершеннолетних. К 2012 г. в нем трудилось, наряду с руководителем, шесть человек [2, с. 46].

В осуществлении профилактики преступности среди несовершеннолетних, в изучаемый период, ответственные за это направление надзора прокуроры руководствовались Законом Украины «О прокуратуре», а также приказами Генерального прокурора Украины от 4 апреля 1992 г. «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о правах несовершеннолетних»; от 26 октября 1998 г. и от 28 октября 2002 г. «Об организации работы органов прокуратуры по обеспечению надзора за соблюдением законов направленных на предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних, защита их прав»; 01 ноября 2012 г. «Об организации деятельности органов прокуратуры по защите прав и свобод детей» [3, с. 102–107].

Согласно приказу от 1 ноября 2012 г. прокуратура с целью согласования действий правоохранительных органов по противодействию преступности в молодежной среде должна была активно использовать возможности проведения координационных мероприятий. На этих совещаниях необходимо было заслушивать информацию руководителей

соответствующих органов и служб об исполнении требований законов касательно защиты прав и свобод детей, в том числе в сфере профилактики правонарушений среди детей, предотвращение бродяжничества и беспризорности, привлечение к ответственности лиц виновных в вовлечении детей в преступную и другую противоправную деятельность [3, с. 103].

Для успешной профилактики преступности среди несовершеннолетних приказом Генерального прокурора от 28 октября 2002 г. прокуроры должны были проверять соблюдение прав детей в приемниках-распределителях – ежемесячно; в приютах для детей – ежеквартально, в общеобразовательных школах и профессиональных училищах социальной реабилитации, центрах медико-социальной реабилитации – один раз в полугодие [4]. Кроме того, прокуроры были обязаны требовать от работников служб, криминальной милиции по делам несовершеннолетних, приютов своевременного выявления и реального устранения причин и условий, которые способствовали распространению бродяжничества и попрошайничества среди детей. Также жестко реагировать на нарушения Закона Украины «Об образовании» и не оставлять ни одного факта без внимания об отчислении учеников, применения к ним неудовлетворительных методов воспитания, невыполнении педагогическим коллективом обязанностей по профилактике правонарушений.

Прокуроры отделов по вопросам защиты прав и свобод несовершеннолетних должны были уделять особое внимание недопущению пропаганды насилия, жестокости, полового разврата, влияния религиозных организаций, деятельность которых угрожает жизни, здоровью, морали несовершеннолетних [4].

С целью профилактики преступности прокуроры должны были использовать возможности СМИ, в которых необходимо было освещать деятельность прокуратуры в направлении защиты прав и свобод несовершеннолетних.

Уже с начала 1991 г., в новых социально-экономических и политических условиях развития Крыма прокуратура активно занималась надзором за защитой прав и свобод несовершеннолетних и профилактикой преступности среди молодежи. Одна из главных проблем, с которой пришлось столкнуться надзорному ведомству в период политических преобразований в регионе, заключалась в резком падении жизненного уровня населения, закрытии предприятий, различных кружков и секций. Как следует из отчета отдела криминалистики прокуратуры Автономной Республики Крым за первое полугодие 1996 г. причины роста преступности были связаны с большим количеством детей выброшенных на улицы, которые объединялись в группы и совершали грабежи, разбои и убийства граждан. Кроме того, наблюдалась устойчивая динамика по увеличению числа наркоманов, а также лиц страдающих алкоголизмом. Рост алкоголизма был связан со свободным доступом к спиртным напиткам, вследствие их дешевизны и отсутствия контроля за продажей спиртных, в том числе и несовершеннолетним [5, л. 156].

Руководствуясь приказами Генеральной прокуратуры Украины, прокуратура Крыма осуществляла надзорные функции, направленные на предупреждение преступности среди несовершеннолетних. С этой целью прокуроры ежеквартально или один раз в полугодие, в зависимости от положения законности и преступности, проводили проверку в отделах криминальной милиции по делам несовершеннолетних и специальных учреждениях для несовершеннолетних.

По результатам проводимых проверок горрайпрокуратур прокуратура АР Крым проводила межведомственные совещания с участием правоохранительных органов и органов исполнительной власти по вопросам соблюдения законодательства, направленного на защиту прав и свобод несовершеннолетних, предупреждение детской беспризорности, правонарушений и преступлений, распространение наркомании и алкоголизма среди несовершеннолетних. Проводимые мероприятия имели положительное влияние на результаты надзорной деятельности и уменьшение преступности среди несовершеннолетних [6, л. 1–3]. Например, в 2004 г. было совершено 1704 преступлений, в 2005 г. – 1529 [6, л. 2], в 2006 г. всего 905, в 2007 г. – 871 [7, л. 14]. Спустя четыре года в 2011 г. было зафиксировано 420 преступлений, совершенных детьми или при их участии [8, с. 382]. Указанные цифры свидетельствуют о значительном спаде преступности среди несовершеннолетних, что стало заслугой, в том числе, работы прокуроров Крыма.

Крымская прокуратура, осуществляя деятельность по профилактике преступности среди несовершеннолетних, систематически выявляла нарушения, многие из которых были вызваны бездеятельностью ответственных за это направление работы органов государства. Например, в ходе прокурорских проверок отделов криминальной милиции по делам несовершеннолетних в 2007 г. было уставлено, что работники криминальной милиции не надлежащим образом проводили работу по выявлению и устранению причин и условий, которые способствовали совершению преступлений среди подростков. Отсутствовала взаимосвязь со службой участковых инспекторов, следственными подразделениями милиции, отделом уголовно-исполнительной инспекции, службами по делам детей исполнительных комитетов и райгосадминистраций, что отрицательно влияло на эффективность профилактической работы касательно предупреждения правонарушений среди несовершеннолетних [7, л. 16].

Прокуратура Крыма в ходе проверок неоднократно выявляла факты несвоевременного учета детей, которые совершили преступление, что являлось одной из главных причин как общей, так и рецидивной преступности среди несовершеннолетних.

Кроме того, очень часто прокуратуре приходилось выявлять факты, когда при совершении преступления в состоянии алкогольного опьянения не возбуждался вопрос об установлении источников приобретения спиртных напитков. Сотрудники криминальной милиции по делам детей практически во всех выводах служебных расследований по фактам совершения

несовершеннолетними тяжких преступлений не выясняли причины и условия, которые способствовали преступлениям.

По результатам проверок отделом защиты прав и свобод детей прокуратуры Автономной Республики Крым в сфере предупреждения преступности проводилась деятельность, направленная на привлечение виновных лиц к дисциплинарной ответственности. Например, в 2012г. к дисциплинарной ответственности был привлечен начальник отдела криминальной милиции по делам детей, заместитель начальника отдела участковых инспекторов ГУ МВД Украины по АР Крым, два начальника отдела министерства образования и науки, молодежи и спорта АР Крым [8, 395].

Крымская прокуратура систематически осуществляла накопление информации, проводила анализ статистических и аналитических данных касательно положения преступности в регионе. Полученные данные способствовали улучшению работы по проведению проверок соблюдения законодательства, направленного на предупреждение преступности и правонарушений в молодежной среде.

Таким образом, прокуратура Крыма накопила значительный опыт в вопросе осуществления надзора за соблюдением прав и свобод детей и профилактике преступности среди несовершеннолетних. Несмотря на сложные социально-экономические условия, постоянные политические кризисы, прокуроры на профессиональном уровне занимались надзором за уменьшением преступности среди молодежи.

Список литературы:

1. Государственный архив Республики Крым (далее ГАРК). Ф. Р-2874. Оп.3. Д. 959.
2. Прокуратура Криму. Історія. Персоналії. Сучасність. – Сімферополь: Вид. Жерібор, 2012. – 134 с.
3. Наказ Генерального прокурора України №16гн 01 листопада 2012 р. «Про організацію діяльності органів прокуратурі щодо захисту прав і свобод дітей» // Збірник нормативно-правових актів та документів прокуратури Автономної Республіки Крим з питань нагляду за додержанням прав і свобод неповнолітніх за період 2011 – 2013 рр. / уклад.: Новікова Н.Л., Сьомак Н.В., Панасенко І.В. та ін. / Під ред. Марача В.Ю. – Сімферополь: КРП «Видавництво «Кримнавчпеддержвидав», 2013. – С. 102 – 107.
4. Приказ Генерального прокурора Украины №11 от 28 октября 2002 г. «Об организации работы органов прокуратуры по обеспечению надзора за соблюдением законов направленных на предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних, защита их прав» // http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/GP02005.html.
5. ГАРК. Ф. Р-2874. Оп.3. Д. 990.
6. ГАРК. Ф. Р-2874. Оп.3. Д. 1625.
7. ГАРК. Ф. Р-2874. Оп.3. Д. 1707.

8. Анализ состояния преступности и безнадзорности среди детей, эффективности реализации полномочий касательно предотвращения негативных проявлений в молодежной среде органами государственной системы профилактики от 18 сентября 2012 г. // Збірник нормативно-правових актів та документів прокуратури Автономної Республіки Крим з питань нагляду за додержанням прав і свобод неповнолітніх за період 2011 – 2013 рр. / уклад.: Новікова Н.Л., Сьомак Н.В., Панасенко І.В. та ін. / Під ред. Марача В.Ю. – Сімферополь: КРП «Видавництво «Кримнавчпеддержвидав», 2013. – С. 379 – 395.

Лапко Г.К.

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации кандидат медицинских наук, доцент

Проблемные вопросы уголовной ответственности несовершеннолетних

Несмотря на то, что уровень преступности несовершеннолетних в последние годы несколько снизился, проблема уголовной ответственности несовершеннолетних продолжает оставаться актуальной. Отчасти она обусловлена несовершенством отечественного уголовного законодательства.

В частности, отечественные специалисты в области уголовного права выделяют ряд дискуссионных вопросов, касающихся положений гл. 14 УК.

Комплексной проблемой является особенности наказания, предусмотренные в отношении несовершеннолетних ст. 88 УК. Наибольшие сомнения специалистов связаны с таким видом наказания как штраф (п. «а» ч. 1 ст. 88 УК, а точнее, с особенностями его применения, определёнными Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 8.12.2003. В соответствии с указанным ФЗ ч. 2 ст. 88 УК предусмотрено, что штраф по решению суда может взыскиваться с родителей или иных законных представителей несовершеннолетнего с их согласия. Мы поддерживаем специалистов, считающих, что данное положение противоречит как минимум трём основополагающим принципам уголовного права вины, персональной ответственности, а так же равенства всех перед законом. Так, очевидно, что не все родители или законные представители имеют равные материальные возможности для оплаты штрафа, что изначально ставит в неравные условия. Далее, не все родители готовы добровольно расставаться с определенной суммой, как правило, значительной суммой, особенно это касается т.н. неблагополучных и многодетных семей, малообеспеченных родителей. Но наиболее важным на наш взгляд является то, что рассматриваемые нормы уголовного законодательства поощряют применение наказания к невиновным лицам (родителям или законным представителям несовершеннолетнего). Более того, действующая норма УК допускает

возможность применения наказания, пусть и с их добровольного согласия, к невиновным лицам. Такая тенденция может привести в будущем к возможности законной замены обвиняемого на третье лицо.

Дискуссионной является целесообразность применения наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью (п. «б» ч. 1 ст. 88 УК). Практика свидетельствует о том, что абсолютное большинство несовершеннолетних преступников вообще не работают. В доступной научной литературе отсутствуют доводы о целесообразности включения законодателем данной нормы в уголовное законодательство, в то же время многие специалисты относятся к этой практике отрицательно.

Следует отметить, что перечисленные вопросы не исчерпывают перечень проблем, связанных с уголовной ответственностью несовершеннолетних. Однако наиболее злободневной на сегодняшний день является дискуссия относительно целесообразности снижения возраста наступления уголовной ответственности, что равнозначно снижению возраста несовершеннолетия. В соответствии с Минимальными правилами ООН относительно осуществления судопроизводства в отношении несовершеннолетних 1985 г. несовершеннолетний – это ребенок или молодой человек, который в рамках существующей правовой системы может быть привлечен за правонарушение к ответственности в такой форме, которая отличается от формы ответственности, применимой к взрослому. Понятие несовершеннолетнего как особого субъекта уголовной ответственности нашло свое отражение в уголовном законе и закреплено в ч. 1 ст. 87 УК РФ: «Несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет». Закрепленный отечественным законодателем возраст наступления уголовной ответственности 14 лет, как правило, трактуется психологическими особенностями детей. Законодатель исходит из того, что несовершеннолетние, достигшие этого возраста, имеют очевидное представление об общественной опасности и уголовной наказуемости соответствующих преступных деяний. В то же время специалистам хорошо известно, что снижение возраста уголовной ответственности зачастую обуславливается политической ситуацией в государстве. В каждой стране и в каждый исторический период он решается по-своему, исходя из действующих в данный момент политических, социальных, экономических условий. Примером является снижение возраста уголовной ответственности и возраста применения смертной казни в 1935 и 1940 г. г., обусловленное нарастанием детской преступности в форме бандитизма, сопровождавшегося убийствами и причинениями тяжких телесных повреждений. В то же время во многих зарубежных странах минимальный возраст уголовной ответственности значительно отличается от определённого отечественным законодательством, как в низшую (до 7 лет), так и в высшую (до 18 лет) сторону.

Возвращаясь к вопросу определения минимального возраста наступления уголовной ответственности, следует обратить внимание на то,

что преступность несовершеннолетних это не только и не столько проблема сегодняшнего дня, сколько определение будущего, которое наступит через 10-20 лет. Именно преступность несовершеннолетних предопределяет

криминологическую обстановку на ближайшие 15–30 лет. Достаточно отметить, что 50–60% рецидивистов начинают свой преступный путь в несовершеннолетнем и детском возрасте.

Именно поэтому следует ответить на вопрос: а действительно ли преступность несовершеннолетних стабилизировалась и показывает отрицательную динамику. Если исходить из статистических данных, то количество преступлений, совершаемых несовершеннолетними снизилось. Но ведь одновременно ещё больше снизилось количество несовершеннолетних. Далее, значительно изменилась в худшую сторону структура преступности несовершеннолетних – возросла доля корыстных, а также тяжких насильственных преступлений, в том числе связанных с причинением тяжкого вреда здоровью, а также убийств. Это при том, что по данным портала правовой статистики Генеральной прокуратуры в 2017 г. на 6,8 % снизилось количество убийств, покушений на убийство, на 10,5 % – фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью. Кроме того, специалистами отмечаются такие устоявшиеся тенденции как: возрастание криминального профессионализма несовершеннолетних преступников, увеличение количества преступлений, совершаемых в группе, приобретение преступностью несовершеннолетних рецидивного характера.

На этом фоне особую тревогу вызывает нарастание количества деяний, имеющих признаки объективной стороны преступлений, совершаемых лицами, не достигшими 14-летнего возраста. По статистике МВД, ежегодно в РФ таковых совершается около 100 тыс. Следует согласиться со специалистами, отмечающими, что говорить о том, что малолетние преступники не осознают своих действий не приходится, так как преступления они совершают вполне осмысленно.

Вышеизложенное свидетельствует о назревшей необходимости актуализировать научную дискуссию о снижении возраста уголовной ответственности. Тем более, что в недалёком прошлом, при подготовке УК 1996 г. высказывались предложения о снижении возраста уголовной ответственности за наиболее тяжкие преступления до 12 лет. При этом предполагалось воздействовать на подростка фактом самого судебного процесса, его воспитательным значением, делая упор на разработку специальных приемов обращения с лицами в возрасте от 12 до 14 лет, а не ужесточением мер уголовной ответственности.

Дополнительным аргументом в пользу такой постановки вопроса являются работы психологов, доказывающие, что опасность и запрещенность многих преступлений настолько очевидна и общеизвестна, что это в состоянии понять подростки гораздо моложе 14 лет, которые совершая общественно опасные деяния, содержащие признаки объективной стороны таких преступлений, как грабеж, разбой, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, насильственные действия сексуального характера, не могут

не осознавать их общественной опасности и противоправности.

Многими современными учеными-юристами и практиками предлагается уточнить нижний возрастной порога уголовной ответственности, в частности установить уголовную ответственность с 13-летнего возраста или с 13 лет за тяжкие и с 12 лет за особо тяжкие преступления, считая, что данное положение отвечает криминогенной обстановке в стране по данной категории преступлений.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что многие вопросы, касающиеся уголовной ответственности несовершеннолетних, остаются дискуссионными, несмотря на многочисленные научные публикации. Наиболее актуальным и требующим незамедлительного решения является вопрос о снижении возраста наступления уголовной ответственности.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 62-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – 15 декабря. – № 50. – Ст. 4848.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (с изм. и доп. от 02.04.2013) // Российская газета. – 2011. – 11 февраля.

3. Фаретдинова Д.М., Камалиева Л.А. Проблемы уголовной ответственности несовершеннолетних / Законность и правопорядок в современном обществе 2014, № 21, С. 105-114

Тюнин В.А.

заведующий кафедрой прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук

Координация органами прокуратуры правоохранительных органов в части предупреждения правонарушений

Одной из важнейших функций органов прокуратуры Российской Федерации несомненно является координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, которая осуществляется в целях обеспечения верховенства закона, единства и

укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

В соответствии с частью 1 статьи 8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (далее - Закона о прокуратуре), деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью координируют Генеральный прокурор Российской Федерации, прокуроры субъектов Российской Федерации, городов, районов и другие территориальные прокуроры, а также приравненные к ним военные и иные специализированные прокуроры [1, с.1].

Координация деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, органов федеральной службы безопасности, войск национальной гвардии Российской Федерации, органов уголовно-исполнительной системы, таможенных органов Российской Федерации, следственных органов Следственного комитета Российской Федерации и других правоохранительных органов осуществляется в целях повышения эффективности борьбы с преступностью путем разработки и реализации этими органами согласованных мер по своевременному выявлению, раскрытию, пресечению и предупреждению преступлений, устранению причин и условий, способствующих их совершению [2, с.1].

Обеспечение адекватного нормативного правового регулирования предупреждения преступлений, а также создание единой государственной системы профилактики преступлений и иных правонарушений относятся к главным направлениям государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу

В 2016 году вступил в силу Федеральный закон № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее закон №182) [3].

Безусловно, деятельность органов прокуратуры по профилактике правонарушений осуществлялась и ранее. Федеральными законами установлены следующие полномочия прокуроров в этой сфере:

- Генеральный прокурор РФ ежегодно представляет палатам Федерального Собрания РФ и Президенту РФ доклад о состоянии законности и правопорядка в РФ и о проделанной работе по их укреплению (п. 7 ст. 12 Закона о прокуратуре);

- прокурор или его заместитель вносит представление об устранении нарушений закона и причин, им способствующих (ст. 24 Закона о прокуратуре);

- прокурор или его заместитель направляет предостережение о недопустимости нарушения закона (ст. 25.1 Закона о прокуратуре);

- прокурор или его заместитель принимает решение о согласовании или об отказе в согласовании проведения внеплановой выездной проверки (ч. 11 ст. 10 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. N 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»);

- Генеральный прокурор РФ и подчиненные ему прокуроры осуществляют прокурорский надзор за соблюдением законов органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (ст. 10 Федерального закона от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»);

- Генеральный прокурор РФ и подчиненные ему прокуроры в пределах своих полномочий координируют деятельность органов внутренних дел РФ, органов федеральной службы безопасности, таможенных органов РФ и других правоохранительных органов по борьбе с коррупцией и реализуют иные полномочия в области противодействия коррупции, установленные федеральными законами (ст. 5 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»).

В соответствии со ст. 9 Закона о профилактике правонарушений органы прокуратуры обладают полномочиями субъекта профилактики правонарушений в пределах своей компетенции, обеспечивают надзор за исполнением законов федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом РФ, органами государственной власти субъектов Федерации, органами местного самоуправления и их должностными лицами в соответствии с Законом о прокуратуре.

Предмет профилактической деятельности органов прокуратуры исследовался и профессором О.С. Капинус, которая делает обоснованный вывод о том, что предмет этого вида деятельности значительно шире и может включать не только ненадлежащее исполнение законов, но и организационные, экономические, социальные факторы, способствующие совершению преступления, которые выходят за пределы прокурорского надзора [4, с. 3 – 9].

Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 05.03.2018 №119 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по исполнению требований Федерального закона от 23.06.2016 №182-ФЗ «Об основах профилактики правонарушений в Российской Федерации» установлено, что профилактическое воздействие прежде всего осуществлять в таких формах, как правовое просвещение и правовое информирование, объявление предостережения о недопустимости нарушения закона, внесение представления об устранении нарушений закона, причин и условий, способствующих нарушению закона.

Кроме этого, необходимо вопросы профилактики преступлений и правонарушений рассматривать на координационных и межведомственных совещаниях. Особое внимание обращать на защиту личности, общества и государства от противоправных посягательств, предупреждение правонарушений, противодействие незаконной миграции, раннее предупреждение межнациональных и межконфессиональных конфликтов, предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, противодействие терроризму и экстремисткой деятельности, незаконному обороту

наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, противодействие коррупции, выявление причин и условий ее возникновения, охрану окружающей природной среды, повышения правовой грамотности и развития правосознания граждан.

Несмотря на законодательное закрепление функции прокуратуры направленной на принятие мер по предупреждению преступлений и правонарушений, устранению причин и условий, способствующих их совершению, а также принятию ведомственного приказа Генерального прокурора Российской Федерации по данному направлению деятельности, работа по фактическому наполнению практикой, выявлению недостатков и ошибок, как органов прокуратуры, так и иных органов власти, должна быть продолжена.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 18.04.2018) // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

2. Указ Президента Российской Федерации «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» от 18.04.1996 № 567) // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

3. Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 № 182-ФЗ) // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

4. Капинус О. Прокурорский надзор за исполнением законов: состояние и перспективы развития // Законность. 2013. № 7. С. 3 - 9.

Кашлякова В.А.

преподаватель кафедры правоведения
Севастопольского экономико-
гуманитарного института (филиал)
Крымского федерального университета
имени В.И. Вернадского, аспирант
кафедры уголовного права Кубанского
государственного аграрного
университета имени И.Т. Трубилина

Прокуратура как контролирующий орган деятельности микрофинансовых организаций (на примере прокурорских проверок)

Сегодня микрофинансовая деятельность является одним из «лакомых кусочков» для мошенников. Если обратиться к понятию «микрофинансовая организация», то это юридическое лицо, зарегистрированное по форме фонда, автономной некоммерческой организации, учреждения (за исключением казенного учреждения), некоммерческого партнерства,

хозяйственного общества или товарищества, осуществляющее микрофинансовую деятельность и внесенное в государственный реестр микрофинансовых организаций.

Согласно положений Федерального закона «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» от 2 июля 2010 года № 151-ФЗ, правовой основой предоставления микрозайма является кредитный договор, заключенный между микрофинансовой организацией и заемщиком согласно с нормами гражданского законодательства [2].

На основании этого, в действующем законодательстве предусмотрена ответственность за мошенничество в сфере кредитования по статье 159.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [1]. Диспозиция данной нормы предполагает хищение денежных средств заемщиком путем представления банку или другому кредитору заведомо ложных сведений.

На практике граждане, обращаясь в банковское или иное кредитной учреждение для получения микрокредита на сумму, не превышающую 10 тысяч рублей, предоставляют недостоверные данные о своей заработной плате, месте работы или другие сведения, несоответствующие действительности. В ряде случаев, заемщики не уточняют информацию о процентной ставке при получении микрокредита, ни порядок погашения займа, а также сумму переплаты организации за взятые на себя обязательства.

Стоит отметить, что недостоверные данные, предоставленные заемщиком банковской или кредитной организации при получении кредита, расцениваются правоохранительными и судебными органами как мошенничество в сфере кредитования.

В следствие таких действий, граждане вынуждены не только погашать сумму кредита и проценты от него, но и могут быть привлечены к уголовной ответственности с назначением наказания, предусмотренных статьей 159.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [1].

Однако, не только заемщики предоставляют недостоверные данные при получении суммы займа, но и кредитные организации. Так, например, Прокуратура Ленинского района Саратовской области по итогам проверки деятельности Акционерного общества Микрофинансовая организация «Деньги сразу» выявила многочисленные нарушения законодательства о защите прав потребителей, потребительского кредита (займа), в частности при совершении действий по взысканию просроченных задолженностей [6].

Так, договор микрозайма, заключенный с конкретным потребителем предусматривает прекращение начисления процентов и других платежей по договору в случае, если сумма начисленных по договору процентов и иных платежей достигнет четырехкратного размера суммы займа, вместо трехкратного, предусмотренного российским законодательством.

В нарушение Федерального закона «О потребительском кредите (займе)» от 21 декабря 2013 года № 353-ФЗ, где закреплено согласование заемщиком и кредитором индивидуальных условий договора потребительского кредита (займа), микрофинансовой организацией данные

действия не были предприняты [3]. Условие о возможности запрета уступки кредитором третьим лицам требований по потребительскому договору предусмотрено в вышеуказанном законе. На основании этого, заемщик имеет возможность отказаться от уступки кредитором третьим лицам прав (требований) по договору потребительского кредита (займа), так как оно носит индивидуальный характер и обязательно к согласованию между сторонами.

Прокуратурой Ленинского района Саратовской области были выявлены такие же нарушения в ряде микрофинансовых организаций, таких как: ООО МФО «Кронос», ООО МКК «РусПремиумКласс», ООО МКК «Финансовый компас», ООО МФО «Фристайл», ООО МКК «Центрофинанс Групп» [6].

Необходимо отметить, что это не единичный случай, и значительное количество выявленных нарушений в области невыполнения не кредитными финансовыми организациями обязанностей по предоставлению заемщикам полной и достоверной информации об адресах и режиме их работы, порядке и условиях предоставления, использования и возврата займов, в том числе при рекламировании оказываемых услуг, а также по размещению таких сведений в сети-Интернет. Данные нарушения, ущемляющие права заемщиков и вводящие их в заблуждение, были выявлены в Алтайском крае, Республике Татарстан, Мурманской, Нижегородской и Пензенской областях, в городе федерального значения Севастополь.

Частые случаи несоответствия уставов организаций, правил предоставления займов и соответствующих документов требованиям действующего российского законодательства. Например, в документах не отражаются стоимость микрозаймов, предусмотрен необоснованный размер неустойки и вне закона очередность погашения задолженности, неправомерно определяется подсудность споров. Так, на основании прокурорских проверок в 2015 году по всей территории Российской Федерации было выявлено 4,2 тысячи нарушений норма законодательства.

В 2015 году при проведении проверки Прокуратурой Брянской области были выявлены другие нарушения в деятельности микрофинансовой организации ООО «Алекс-инвест32». В договорах потребительского кредита не включены условия о размере и периодичности платежей заемщика, в том числе при частичном досрочном возврате потребительского кредита (займа). Одновременно с этим, в договор включены условия, ограничивающие права заемщиков устанавливать запрет кредитору на уступку права требования третьим лицам, а также на разрешение судебных споров по месту жительства [7].

В 2016 году Прокуратурой Прикубанского административного округа города Краснодара проведена проверка и в ходе, которой установлены грубые нарушения прав и законных интересов заемщиков, а именно: выявлены факты включения в договоры условий, на основании которых, в случае не соблюдения заемщиком срока возврата займа, предусмотрена процентная ставка в размере 3% в день, что составляет 1095% годовых и является нарушением предельных значений полной стоимости

потребительских займов, установленных Центральным банком Российской Федерации на I квартал 2016 года в 880,213% [4].

Стоит отметить, что в конце 2017 года в Челябинской области было возбуждено уголовное дело по факту мошенничества, предусмотренного частью 1 статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации. Фактом возбуждения уголовного дела стало незаконное получение права требования денежных средств. Так, осенью 2014 года жительница Челябинска заключила договор с микрофинансовой организацией и взяла микрозайм в размере 7 тысяч рублей под 547,5% годовых. После этого микрофинансовая организация уступила права по договорам займа физическому лицу, проживающему в Ижевске и являющейся инвалидом I группы 1950 года рождения [5].

Исходя из всего выше обозначенного, можно сделать вывод, что ряд микрофинансовых организаций нарушают нормы действующего законодательства, в частности уголовного. Таким образом, необходимо ужесточить порядок выдачи разрешения на осуществление услуг в области потребительских кредитов (займов), лишение лицензии за нарушение норм российского законодательства.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 03.02.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 25.

2. О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях [Электронный ресурс]: Федеральный закон Российской Федерации от 02.07.2010 № 151-ФЗ (последняя редакция от 29.07.2017) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102112/.

3. О потребительском кредите (займе) [Текст]: Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ (последняя редакция от 03.07.2016) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155986/.

4. В Краснодаре прокуратура провела проверку микрофинансовых организаций, ломбардов и коллекторских агентств [Электронный ресурс]: Официальный сайт Прокуратуры Краснодарского края // URL: <http://prokuratura-krasnodar.ru/news/v-krasnodare-prokuratura-provela-proverku-0>.

5. В микрозайме челябинки прокуратура нашла крупное мошенничество [Электронный ресурс]: Агентство новостей «Доступ 1» // URL: <https://dostup1.ru/finance/V-mikrozayme-chelyabinki-prokuratura-nashla-kрупное-moshennichestvo102075.html>.

6. Прокуратурой Ленинского района проведена проверка деятельности микрофинансовых организаций [Электронный ресурс]: Официальный сайт Прокуратуры Саратовской области // URL: <http://www.sarprok.ru/node/49914>.

7. Прокурорская проверка выявила многочисленные нарушения в деятельности микрофинансовой организации ООО «АЛЕКС-ИНВЕСТ32» [Электронный ресурс] : Официальный сайт Прокуратуры Брянской области //

Карелин И.А.

старший помощник прокурора
Ленинского района г. Севастополя,
старший преподаватель филиала МГУ
имени М.В. Ломоносова в городе
Севастополе,
аспирант КФУ им. В.И. Вернадского

**Проблема правового регулирования, порядка регистрации и
рассмотрения сообщений о преступлениях в органах министерства
внутренних дел**

Статьей 52 Конституции Российской Федерации обеспечиваются гарантии прав потерпевших от преступлений, которые охраняются законом, а государство в свою очередь обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию.

Защита нарушенных прав и свобод граждан органами государственной власти начинается с момента подачи и регистрации заявления о преступлении.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее - УПК РФ) регламентирует порядок рассмотрения сообщений о преступлениях правоохранительными органами, который распространяется на всех представителей силовых структур уполномоченных расследовать преступления.

Согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ, дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения.

Законодательно предусмотрена возможность продления указанного срока, которая установлена ч. 3 ст. 144 УПК РФ, руководитель следственного органа, начальник органа дознания вправе по мотивированному ходатайству соответственно следователя, дознавателя продлить до 10 суток срок, установленный частью первой настоящей статьи. При необходимости производства документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов, предметов, трупов, а также проведения оперативно-розыскных мероприятий руководитель следственного органа по ходатайству следователя, а прокурор по ходатайству дознавателя вправе продлить этот срок до 30 суток с обязательным указанием на конкретные, фактические обстоятельства, послужившие основанием для такого продления.

По результатам рассмотрения сообщения о преступлении орган дознания, дознаватель, следователь, руководитель следственного органа принимает одно из следующих решений:

1) о возбуждении уголовного дела в порядке, установленном статьей 146 настоящего Кодекса;

2) об отказе в возбуждении уголовного дела;

3) о передаче сообщения по подследственности в соответствии со статьей 151 настоящего Кодекса, а по уголовным делам частного обвинения - в суд в соответствии с частью второй статьи 20 настоящего Кодекса. (ч. 1 ст. 145 УПК РФ)

Кроме того, законодательно предусмотрена обязанность лица проводившего проверку по сообщению о преступлении уведомить заявителя о ее результатах.

Данная обязанность установлена ч. 2 ст. 145 УПК РФ, согласно которой о принятом решении сообщается заявителю. При этом заявителю разъясняются его право обжаловать данное решение и порядок обжалования.

Таким образом, порядок рассмотрения сообщений о преступлениях строго регламентирован на законодательном уровне и существует исчерпывающий перечень решений, который может быть принят правоохранительными органами, в том числе органами Министерства внутренних дел в случае поступления сообщения о преступлении.

Вместе с тем, УПК РФ не определяет порядок регистрации сообщений о преступлениях, а применяется лишь после того как заявление гражданина или организации зарегистрировано в качестве сообщения о преступлении.

Указанный порядок регистрации в органах МВД России определен инструкцией о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, которая утверждена приказом МВД России от 29.08.2014 № 736 (далее-Инструкция).

Согласно пункту 4 указанной Инструкции, регистрация заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях это присвоение каждому принятому (полученному) заявлению (сообщению) очередного порядкового номера Книги учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (далее-КУСП) и фиксация в ней кратких сведений по существу заявления (сообщения).

Таким образом, с момента регистрации поданного заявления в КУСП, ему присваивается номер и указанное заявление получает новый правовой статус в качестве сообщения о преступлении.

Дальнейшее рассмотрение его регламентируется нормами ст. ст. 144 – 145 УПК РФ.

По результатам рассмотрения указанного сообщения о преступлении юридически возможно принять лишь одно из четырех решений, а именно: о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, о передаче сообщения по подследственности и по уголовным делам частного обвинения о передаче сообщения в суд.

Вместе с тем, на практике встречаются случаи, когда органами МВД

России в соответствии с требованиями ст. ст. 144-145 УПК РФ сообщение о преступлении, которое было зарегистрировано в КУСП в последующем регистрируется в группе делопроизводства и режима и рассматривается в порядке Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 № 59-ФЗ (далее - Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ), а не в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

Тем самым фактически органами МВД России осуществляется уменьшение количества рассмотренных сообщений о преступлениях в порядке УПК РФ.

Реутов Е.В. и Филонов Н.В. отмечают, что основной причиной сокращения количества регистраций сообщений является не рост доверия к полиции, а скорее законодательные изменения в ведомственных приказах МВД России, регламентирующих порядок приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях, происшествиях.

В качестве правового обоснования указанных действий органами МВД России приводится п. 67 Инструкции, согласно которому принятые в дежурной части непосредственно от заявителя или лица, представляющего его интересы, письменные обращения, не содержащие заявления о преступлении, об административном правонарушении, о происшествии, с поручением руководителя (начальника) территориального органа МВД России (управления, отдела, отделения, пункта полиции, линейного отдела, линейного отделения, линейного пункта полиции) или лицом, его замещающего, передаются в подразделение делопроизводства для регистрации, учета и рассмотрения в соответствии с нормативными правовыми актами, регламентирующими работу с обращениями граждан. В графе 9 КУСП делается отметка о дате и номере регистрации обращения в подразделении делопроизводства.

Вместе с тем, указанная правовая норма по своей юридической сути фактически не позволяет, в случае если поданное обращение зарегистрировано как сообщение о преступлении, в последующем рассматривать его в порядке, который регламентирует работу с обращениями граждан.

Таким образом, сложившаяся правовая практика в органах МВД России затрудняет доступ граждан к правосудию и как следствие не способствует эффективной борьбе с преступностью в случае рассмотрения сообщений о преступлениях в порядке Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», в связи с тем, что законодатель установил более жесткий, более быстрый порядок рассмотрения сообщений о преступлениях, который составляет 3 дня (ч. 1 ст. 144 УПК РФ) против 30 дневного рассмотрения обращения заявителя (ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ).

Выходом из указанной проблемы является внесение изменений в Инструкцию, рассмотрение всех зарегистрированных сообщений о преступлениях в порядке, регламентированном уголовно-процессуальным

законодательством, а также не регистрация в КУСП обращений, которые не содержат сведений о преступлении, об административном правонарушении, о происшествии, а регистрация указанных обращений в отдельный журнал и рассмотрение их в порядке, регламентирующем работу с обращениями граждан.

Список литературы:

1. Эффективность реформы МВД России в свете общественной оценки полиции (Реутов Е.В., Филонов Н.В.) [1, Проблемы правоохранительной деятельности. Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина. 2015.. № 4 С. 52 - 53.];
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. » [2, ст. ст. 144, 145];
3. Инструкция о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, утверждена приказом МВД России от 29.08.2014 № 736 [3, п. п. 4, 67];
4. Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 № 59-ФЗ [4, ст. 30];
5. Конституция Российской Федерации [5, ст. 52].

Паращевина Е.А.

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

К вопросу о проблематике прокурорского надзора в сфере осуществления государственных и муниципальных закупок

В последние годы в России выделяются значительные финансовые средства на федеральные целевые программы, строительство инфраструктурных объектов, реализацию крупных инвестиционных проектов. По экспертным данным, совокупный объем заключенных контрактов ежегодно превышает 6 трлн. рублей. В структуре национального внутреннего валового продукта (ВВП) государственные закупки составляют более 10 %. Вместе с тем, учитывая вменение в обязанность государственным корпорациям, государственным и муниципальным унитарным предприятиям с 01.01.2017 организовывать закупки в соответствии с положениями Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» наряду с иными субъектами

данной системы, экспертами прогнозируется, что к 2020 году общий объем рынка государственного заказа достигнет 30 трлн. рублей или 25 % ВВП. В той связи крайне важно, чтобы все выделенные средства использовались эффективно, ведь сфера осуществления закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд подвержена высоким коррупционным рискам. Преступления данной категории являются одними из наиболее общественно опасных проявлений коррупции.

Следует также отметить, что совершенствование условий, процедур и механизмов государственных и муниципальных закупок определено одним из основных направлений Национальной стратегии противодействия коррупции, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13.04.2010 № 460 (пункт 8). Особое внимание сфере государственных и муниципальных закупок, борьбе с «откатами» уделяется и в национальных планах противодействия коррупции на различные периоды.

Во исполнение задач национальных планов в предмете прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции выделено специальное направление по надзору в сфере осуществления государственных и муниципальных закупок.

Подробные меры данного надзора отражены в межведомственном плане мероприятий по предупреждению и пресечению «откатов», выявлению и устранению коррупционных проявлений при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденного приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 27 июля 2016 г. № 459. Помимо этого, приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 29.08.2014 № 454 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции» прокурорам субъектов Российской Федерации поручено: при выявлении нарушений законодательства о закупочной деятельности давать им оценку на предмет наличия нарушения законодательства о противодействии коррупции, с привлечением территориальных органов Федеральной антимонопольной службы, систематически проверять соблюдение законодательства о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг, в том числе при проведении открытых аукционов в электронной форме. В рамках своей компетенции добиваться соблюдения прозрачности процедур закупок. Принципиально реагировать на факты совершения государственными и муниципальными служащими незаконных действий, которыми причинен ущерб соответствующим бюджетам. Во всех случаях ставить вопрос о привлечении виновных к ответственности, соразмерной характеру их деяний и причиненному ими ущербу (подпункт 5 пункта 6).

С учетом указанных установок органы прокуратуры на постоянной основе проводят проверки, направленные на предупреждение и пресечение «откатов», выявление и устранение коррупционных проявлений при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Вместе с тем, как показывает

анализ практики прокурорского надзора, количество выявляемых нарушений в данной сфере снижается медленно. Учитывая многоплановость нарушений в данной сфере, прокуроры в ходе осуществления надзора должны применять новые подходы для выявления коррупционных правонарушений.

Анализ материалов уголовных дел свидетельствует о наличии нескольких основных способов злоупотреблений при заключении и исполнении государственных и муниципальных заказов. Первый способ – аффилированность работников органов государственной власти и органов самоуправления с субъектами предпринимательской деятельности, то есть систематическое злоупотребление должностными полномочиями в целях создания благоприятных условий собственному бизнесу либо коммерческой деятельности третьих лиц. Второй способ – ограничение конкуренции, воспрепятствование предпринимательской деятельности при организации и проведении конкурсных процедур, в том числе путем завышения стоимости работ и с использованием фирм-однодневок.

Безусловно, в данных условиях наиболее эффективным является надзор, сопровождающийся межведомственным взаимодействием органов прокуратуры с другими правоохранительными и контрольными органами. Положительный результат данного взаимодействия уже виден на примере Республики Крым, когда совместной работой прокуратуры Республики Крым с правоохранительными органами было возбуждено 14.02.2017 ГСУ СК России по Республике Крым уголовное дело в отношении бывшего заместителя председателя Совета министров Республики Крым по признакам преступления, предусмотренного частью 6 статьи 290 УК РФ, по факту получения им взятки в размере 19 млн. рублей за содействие в силу занимаемого им должностного положения в выборе конкретного юридического лица единственным поставщиком при заключении муниципального контракта.

Основным правовым актом является, как уже было отмечено, Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», поэтому считаем необходимым обратить внимание на проблемы его регулирования. Также одной из проблем является проведение конкурса с ограниченным участием при предъявлении требований к участникам закупки о наличии материальных ресурсов.

Практика ФАС России по проведению контрольных мероприятий в отношении конкурса с ограниченным участием показывает высокий уровень количества допускаемых заказчиками нарушений. При этом согласно действующему закону заказчик вправе произвольно определять и устанавливать, не относящиеся к предмету закупки требования к участникам закупки (требования к материальным ресурсам), что значительно ограничивает количество участников закупки и позволяет допустить к участию в конкурсе исключительно только «нужного» заказчику подрядчика. Также противоречивой, по-нашему мнению, является возможность на одностороннее расторжение контрактов по инициативе заказчика, в том

числе на основании экспертного заключения.

Закон № 44-ФЗ устанавливает право заказчика принять решение об одностороннем отказе от исполнения контракта по основаниям, предусмотренным ГК РФ для одностороннего отказа от исполнения отдельных видов обязательств, при условии, если это было предусмотрено контрактом. При этом каждый заказчик вправе самостоятельно определить основания для одностороннего расторжения контракта, а также расторгнуть контракт на основании результатов проведенной экспертизы поставленного товара, выполненной работы или оказанной услуги. В случае одностороннего расторжения контракта, сведения о поставщике подлежат включению в реестр недобросовестных поставщиков. Вместе с тем 44-ФЗ не содержит требований к лицам, отбираемым в качестве экспертов, и их ответственности за результаты проведенной экспертизы. Прием и оплата услуг эксперта осуществляются заказчиком по общим правилам приема результатов исполненного контракта, а значит, принимается только «нужный» заказчику результат. Таким образом, возрастает риск увеличения коррупции на стадии исполнения контракта, обусловленный возможностью заказчика оказывать давление на исполнителя по контракту по средствам угрозы одностороннего расторжения контракта и включения сведений о данном участнике в РНП.

Кроме того, считаем несовершенной систему поддержки субъектов малого предпринимательства. Кроме того, при осуществлении надзора в части обоснованности тех или иных закупок, возникают трудности, связанные с тем, что Закон № 44-ФЗ не устанавливает определения понятиям «государственные» и «муниципальные нужды». По-нашему мнению, необходимо устранить данный законодательный пробел внесением изменений в Закон № 44-ФЗ.

Таким образом, можно сделать вывод, что закупочная сфера является одним из самых потенциально коррумпированным направлением деятельности государственных и муниципальных органов. Поэтому, целесообразно совершенствовать не только прокурорский надзор, но и законодательство в сфере закупок.

Список литературы:

1. Козлов Т.Л. Прокурорская деятельность в системе мер профилактики коррупции // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2013. № 1. С. 36 - 42.
2. Приказ Генпрокуратуры России от 29.08.2014 N 454 (ред. от 09.03.2017) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции».
3. Указ Президента РФ от 13.04.2010 N 460 (ред. от 13.03.2012) «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010 - 2011 годы».
4. Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

ВЫСТУПЛЕНИЯ

Абасов Г.Г.

заведующий кафедрой теории и истории государства и права Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент

Правовые пределы полицейского усмотрения при применении физической силы, специальных средств и оружия

Дискреционные полномочия, т.е. предполагающие, так и непосредственно законодательно закрепленные возможности субъектов правоприменения по своему усмотрению, в рамках нормативных предписаний, принимать соответствующий вариант правоприменительного решения, являются одним из важнейших средств реализации полицейской деятельности в соответствии с Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции».

Термин дискреционные полномочия в юридической литературе довольно часто, заменяется понятием усмотрение. Это не случайно, поскольку дискреция означает (от фр. «discretionnaire» - «зависящий от личного усмотрения») предоставление органу или должностному лицу полномочия действовать по собственному усмотрению в рамках закона.

Некоторые авторы считают их синонимами, а некоторые, наоборот, указывают, что сравнительный анализ понятий «усмотрение», «дискреционная власть» и «дискреционные полномочия» позволяет выделить более широкое содержание понятия «усмотрение», что обусловлено использованием его не только в публичных, но и в частноправовых отношениях [1, с.21].

Очень часто дискреционная власть (усмотрение) осуществляется административными органами и судами. Но, в различных ситуациях, связанных с применением усмотрения, оно трактуется неоднозначно. Усмотрение в словаре С.И. Ожегова определяется как «решение, заключение, мнение» [2]. В зависимости от сферы применения усмотрения, а также субъектов усмотрения выделяются различные его виды: законодательное, судебное, правоприменительное, административное, усмотрение следователя, полицейское усмотрение и другие виды усмотрения.

Хотя, в определенных случаях, полицейское усмотрение может быть рассмотрено как разновидность, в том числе, как структурный элемент, правоприменительного или административного усмотрения.

Полицейское усмотрение не всегда является фактором совершения коррупционных деяний, зачастую оно связано с активным реагированием на правонарушения и осуществляется органами полиции для решения задач по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности.

Широкие полномочия, которыми наделена полиция, направлены на обеспечение соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина, в том числе, охрану их жизни и здоровья, а при неправомерном применении приводят к нарушениям прав человека. Соответственно, правомерность устанавливается законодательством, рамки которого определяются в каждом конкретном случае полицейским самостоятельно, на свое усмотрение.

Для выполнения основного предназначения полиции по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан, собственности, интересов общества и государства от противоправных посягательств Федеральный закон «О полиции» [3] наделил сотрудников полиции правами по применению мер принуждения.

Правовую основу деятельности полиции (ст. 3 ФЗ «О полиции») составляют: Конституция РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры РФ, федеральные конституционные законы, настоящий Федеральный закон, другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента РФ и нормативные правовые акты Правительства РФ, а также нормативные правовые акты федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел.

Полиция в своей деятельности руководствуется также законами субъектов Российской Федерации по вопросам охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, изданными в пределах их компетенции

В ч. 1 ст. 18 Федерального закона «О полиции» указано, что сотрудник полиции имеет право на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия лично или в составе подразделения (группы) в случаях и порядке, предусмотренных федеральными конституционными законами, настоящим Федеральным законом «О полиции» и другими федеральными законами».

Особую роль в ограничении полицейского усмотрения играют нормы, определяющие цели полицейской деятельности. Достижение указанных целей имеет первостепенное значение при выборе сотрудником полиции одного из нескольких вариантов поведения, допускаемых законодательством. Указанные цели, по своей сути, формируют длительную нормативную ориентацию субъектов, применяющих полицейское усмотрение.

Закрепленные в ст. 2 Закона о полиции основные направления деятельности полиции, наряду с назначением полиции, определенным в ст. 1 указанного закона, также характеризуют правовые пределы полицейского усмотрения, поскольку устанавливают предметы ведения полиции.

Статьи 18 и 19 этого ФЗ указывают условия и пределы применения полицией физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, а также об определенном порядке их использования, который включает в себя законодательно установленные действия сотрудника полиции перед, в момент и после применения силы и оружия.

Под условиями применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия понимаются законодательно установленные обстоятельства, от которых зависят конкретные действия сотрудника полиции перед, в момент и после применения им физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Одно из условий применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия — обязанность сотрудников полиции проходить специальную подготовку, а также периодическую проверку на пригодность к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия (часть 4 статьи 18 Федеральный закон «О полиции»). Сотрудник полиции, не прошедший проверку на профессиональную пригодность к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, проходит аттестацию на соответствие занимаемой должности. До вынесения решения о соответствии занимаемой должности сотрудник полиции отстраняется от выполнения обязанностей, связанных с возможным применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Пределы применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия — это законодательно установленные границы применения силы и оружия, выход за которые влечет материальную, дисциплинарную либо уголовную ответственность сотрудников полиции.

Порядок применения физической силы специальных средств и огнестрельного оружия — это предусмотренная законом процедура, которой обязан следовать сотрудник полиции при возникновении условий, наличие которых позволяет ему прибегнуть к силе и оружию.

Законом установлены четкие основания применения сотрудниками полиции физической силы (ст. 20), специальных средств (ст. 21) и огнестрельного оружия (ст. 23). Несмотря на это, все же у сотрудника полиции имеется определенная свобода в оценке обстоятельств, обусловленных использованием оценочных и неопределенных правовых понятий. В частности, согласно части 1 статьи 23 Федерального закона «О полиции», сотрудник полиции имеет право лично или в составе подразделения (группы) применять огнестрельное оружие для защиты другого лица либо себя от посягательства, если это посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни или здоровья, а части 2 статьи 23 для пресечения попытки завладения огнестрельным оружием, транспортным средством полиции, специальной и боевой техникой, состоящими на вооружении (обеспечении) полиции. Понятие «насилие, опасное для жизни или здоровья», «попытки завладения» имеют оценочный характер и

сотрудник полиции свободен в оценке обстоятельств на предмет их соответствия указанному понятию. В то же время в соответствии с частью 2 статьи 20 ФЗ «О полиции» в указанном случае сотрудник полиции вправе выбирать конкретную меру пресечения.

Также, особое значение имеет норма, закрепленная в ч. 3 ст. 19 Закона о полиции: «Сотрудник полиции при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия действует с учетом создавшейся обстановки, характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых применяются физическая сила, специальные средства или огнестрельное оружие, характера и силы оказываемого ими сопротивления. При этом сотрудник полиции обязан стремиться к минимизации любого ущерба».

В контексте определения границ полицейского усмотрения важную роль играют часть 3 статьи 18 Федерального закона «О полиции» о том, что в состоянии необходимой обороны, в случае крайней необходимости или при задержании лица, совершившего преступление, сотрудник полиции при отсутствии у него необходимых специальных средств или огнестрельного оружия вправе использовать любые подручные средства, а также по основаниям и в порядке, которые установлены настоящим Федеральным законом, применять иное не состоящее на вооружении полиции оружие. Следовательно, действия сотрудника полиции по применению физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, не будут правомерными, если они выйдут за рамки необходимой обороны и крайней необходимости. Часть 8 ст. 18 Федерального закона «О полиции» устанавливает, что превышение сотрудником полиции полномочий при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия влечет ответственность, установленную законодательством Российской Федерации. При этом, как уже отмечалось, определение границ полномочий полиции носит оценочный характер, и сотрудник полиции принимает решение по применению физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, самостоятельно, без согласования с кем-либо, если считает, что возникли основания для этих действий. Также следует обратить внимание на то, что неправомерное определение полицейского усмотрения может проявляться в бездействии полиции.

Таким образом, полицейское усмотрение при применении сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия характеризуется правовыми пределами, в качестве которых выступают правовые основы деятельности полиции, условия, пределы и порядок применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, предназначение и основные направления деятельности полиции, нормы необходимой обороны, крайней необходимости, статьи 38 УК РФ (Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление).

Список литературы:

1. Гирвиц А.В. Полицейское усмотрение в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: Дисс. ... канд.юрид.наук. Нижний Новгород, 2017. 211с.

2. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; Под ред. проф. Л. И. Скворцова. — 28 е изд., перераб. — М.: ООО «Издательство «Мир и Образование»: ООО «Издательство Оникс», 2012. — 1376 с.

3. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции». Режим доступа -www.consultant.ru.

Аблятипова Н.А.

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала
Российского государственного
университета правосудия,
Заслуженный юрист Республики Крым
кандидат юридических наук, доцент

Оголь В.Л.

студент 2 курса Крымского филиала
Российского государственного
университета правосудия

О некоторых аспектах гражданско-правовой защиты прав несовершеннолетних наследников

Становление в России института частной собственности, как неотъемлемой составляющей рыночной экономической модели, одновременно влечет за собой развитие всех сопутствующих правовых институтов, включая институт наследования. Динамика развития данного правового института очень часто представляет особый интерес, в особенности, когда субъектами таких правоотношений являются несовершеннолетние лица, права и законные интересы которых охраняются государством.

Устанавливаемые правовые механизмы охраны и защиты несовершеннолетних наследников в большинстве своем способствуют реализации их прав и законных интересов. Однако вместе с этим, в юридической практике и правоприменительной деятельности очень возникают довольно спорные вопросы, которые рассматриваются и анализируются авторами в настоящей статье.

Интерес для исследования представляет ситуация, когда законные интересы несовершеннолетних наследников (внуков наследодателя) могут существенно расходиться с интересами их родителями (дети наследодателя), которые в порядке закона призываются к наследованию. Так, вполне логично поднимается вопрос о возможности привлечения к наследованию

несовершеннолетних внуков, если последние находились на иждивении наследодателя, который к тому же осуществлял за ними уход и воспитание.

Действительно, согласно п. 1 ст. 1148 Гражданского кодекса Российской Федерации граждане, относящиеся к наследникам по закону, нетрудоспособные ко дню открытия наследства, но не входящие в круг наследников той очереди, которая призывается к наследованию, наследуют по закону вместе и наравне с наследниками этой очереди, если не менее года до смерти наследодателя находились на его иждивении, независимо от того, проживали они совместно с наследодателем или нет[1]. Однако, внуки не входят в число наследников со вторую по седьмую очередь, а, следовательно, не могут воспользоваться данной нормой. Они могут быть призваны к наследованию только по праву представления, т.е. тогда, когда их восходящий родственник (отец или мать, являющиеся соответственно сыном или дочерью наследодателя) умирает до открытия наследства или одновременно с наследодателем.

Разъясняя содержание ст. 1148 ГК РФ, Пленум Верховного Суда РФ указал, что внуки наследодателя и их потомки при жизни своих родителей — наследников по закону первой очереди — наследуют на основании аналогии закона в соответствии с п. 1 ст. 1148 ГК РФ[2]. Таким образом, Верховный Суд установил, что независимо от совместного проживания с наследодателем, его внуки могут быть наследниками. Бесспорно, данная правовая позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации служит дополнительной гарантией защиты интересов несовершеннолетних внуков. Однако, вместе с этим, на теоретическом уровне вполне справедливо поднимается вопрос: насколько такая правовая позиция Верховного Суда соответствует закону? Внуки при жизни своих родителей, согласно Гражданского кодекса Российской Федерации, вовсе лишены права призываться к наследованию, исходя из чего данные лица не могут относиться к «гражданам, относящимся к наследникам по закону» (п. 1 ст. 1148 ГК РФ).

О.Е. Блинков, обращает внимание, что как бы ни было высоконравственно и социально значимо предложение Пленума Верховного Суда РФ, оно противоречит закону[3]. Соглашаясь с позицией О. Е. Блинкова, авторы полагают верным, что с целью «легализации» такого предложения вовсе недостаточно издания только этого акта судебного толкования. В этой связи, полагаем правильным посредством законодательных изменений либо издания дополнительных интерпретационно-правовых актов, соответственно, законодательно уточнить либо расширить толкование наследников по закону первой очереди. Реализация подобного предложения позволит исключить в будущем любые нарушения прав и законных интересов указанной категории лиц в процессе правоприменительной деятельности органов государственной власти.

Охрану прав несовершеннолетних осуществляют органы государственной власти, наделенные в той или иной части соответствующими полномочиями, среди которых: судебные органы,

прокуратура, орган опеки и попечительства и прочие. Исследуя нормативно-правовую базу и судебную практику, авторы полагают целесообразным рассмотреть и ряд иных вопросов гражданско-правовой защиты прав несовершеннолетних наследников, в частности при осуществлении раздела наследства, при котором заинтересованным лицам за защитой своих прав необходимо обращаться в соответствующие государственные органы.

В соответствии с п. 1 ст. 1165 ГК РФ к соглашению о разделе наследства применяются правила Гражданского кодекса о форме сделок и форме договоров. Согласно п. 3 ст. 37 ГК РФ между несовершеннолетними с одной стороны, и опекуном, попечителем их супругом и близкими родственниками с другой стороны, не могут заключаться сделки. В этой связи, интерес для изучения представляет случай из юридической практики, когда отец малолетнего ребенка обратился в орган опеки и попечительства за разрешением раздела наследства путем совершения мены долями в праве на недвижимое имущество. Это бы позволило сыну стать единоличным владельцем трехкомнатной квартиры, а отцу – единоличным собственником на однокомнатную квартиру. Руководствуясь п. 3 ст. 37 ГК РФ, последние получили отказ от органа опеки и попечительства на совершение сделки. В интересах малолетнего отец обратился в суд с иском к органу опеки и попечительства о разделе наследственного имущества.

Суд первой инстанции признал возможным раздел наследственного имущества. Не согласившись с решением суда, орган опеки и попечительства подал апелляционную жалобу в Московский городской суд. Судебная коллегия по гражданским делам не нашла оснований для отмены решения суда первой инстанции [4].

В этой связи, авторы приходят к выводу о возможности раздела наследства в случае, когда наряду с несовершеннолетним в разделе наследства участвуют их родители, опекуны, попечители, а также супруг и близкие родственники законных представителей. Как верно подмечено М.Л. Шелютто, «...спор в рассматриваемом случае, по существу, идет с самим законом»[5]. К сожалению, непродуманно широкие, установленные вопреки законным интересам участников гражданских правоотношений правовые запреты вынуждают их имитировать спор для раздела имущества, находящегося в общей собственности с несовершеннолетними». В этой связи, целесообразной представляется необходимость внесения изменений в действующие положения ГК РФ, связанные с предоставлением права законным представителям несовершеннолетних обратиться в орган опеки и попечительства для получения согласия на совершение сделки в отношении наследственного имущества несовершеннолетнего наследника. Указанная сделка, направленная на изменение наследственной массы при принятии наследства, должна соответствовать интересам несовершеннолетних, а, следовательно, рассмотрение вопроса органом опеки и попечительства гарантировать отсутствие злоупотребления и надлежащую реализацию прав при приобретении право собственности на имущество путем наследования.

Подводя итог всему вышесказанному, авторы исследования приходят к выводу о необходимости законодательного закрепления некоторых правовых позиций Верховного суда Российской Федерации, а также изменения полномочий органов государственной власти осуществляющих полномочия в сфере охраны детства. Комплексная реализация предлагаемых изменений позволит обеспечить дополнительными юридическими гарантиями права несовершеннолетних наследников, а значит – вывести институт наследования в российском праве на принципиально новый уровень.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // "Собрание законодательства РФ", 03.12.2001, N 49, ст. 4552.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 года № 9 «О судебной практике по делам о наследовании // "Российская газета", N 127, 06.06.2012

3. Блинков О.Е. Российский наследственный закон: новое толкование от Верховного Суда Российской Федерации // Наследственное право. 2012. N 3. С. 3-4.

4. Апелляционное определение Московского городского суда от 28 ноября 2012 г. по делу N 11-25886 // Электронный ресурс. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/104781188/>

5. Шелютто М.Л. Сделки между детьми и их законными представителями // Гражданское право и современность: Сб. статей, посвященный памяти М.И. Брагинского / под ред. В.Н. Литовкина, К.Б. Ярошенко; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М.: Статут, 2013. 766 с. // СПС "КонсультантПлюс".

Абраменко А.А.

заместитель прокурора Гагаринского района г. Севастополь,
аспирант Университета прокуратуры
Российской Федерации

Роль органов прокуратуры в предупреждении преступности

В современный период в России происходит структурное формирование законодательства о предупреждении преступлений: в частности, в 2016 г. принят Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений» [1]. Некоторые авторы называют этот процесс становлением «профилактического» права [6, с. 23-26], подразумевая, что нормативное закрепление положений о профилактике преступлений приобрело системный характер. С этим можно отчасти

согласиться, поскольку принятие комплексного нормативного акта, регламентирующего особенности профилактической деятельности, констатирует повышенное внимание законодателя к необходимости ее осуществления.

Однако нельзя не отметить, что положения о профилактике преступлений ранее в действующем законодательстве отсутствовали. В равной степени можно утверждать, что окончательной и полной их систематизации в Федеральном законе «Об основах системы профилактики правонарушений» не произошло. Так, еще в 1996 г. в Уголовном кодексе РФ предупреждение преступлений было закреплено в качестве одной из целей уголовного наказания (ч. 2 ст. 43); в 1999 г. был принят Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [2]; в 2001 г. в УПК РФ включена ст. 158, в соответствии с которой стало возможно направление в адрес должностных лиц или организаций представления об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления. «Предупреждение» и «профилактика» не являются, как известно, полностью совпадающими терминами, но достаточно близки между собой по содержанию, обозначают формы регулирующего воздействия в целях установления контроля над преступностью. Руководствуясь этим, представляется возможным осветить роль органов прокуратуры в каждом из этих процессов.

В соответствии с ч. 1 ст. 27 Федерального закона «О прокуратуре» [3] прокурор при осуществлении возложенных на него функций принимает меры по предупреждению и пресечению нарушений прав и свобод человека, в том числе, по применению мер ответственности к виновным. П. 2 ст. 5 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений» включает прокурора в перечень ее субъектов. При этом ч. 1 ст. 9 данного закона уточняет сферу полномочий прокурора, определяя ее как надзор за исполнением законов, в том числе, Следственным комитетом РФ. В этой связи представляется уместным сопоставить эти положения с уголовно-процессуальным инструментарием, используемым прокурором в досудебном производстве по уголовному делу.

Так, ч. 2 ст. 37 УПК РФ возлагает на прокурора полномочия проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении заявлений (сообщений) о преступлениях (п. 1), а также требовать от следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при производстве следствия (п. 3). Помимо того, что указанные полномочия характеризуют функцию надзора за процессуальной деятельностью, а также основную – правозащитную – функцию прокуратуры [4, с. 33-40], они могут быть истолкованы с точки зрения профилактики правонарушений. Реализуя их, прокурор способствует предупреждению некоторых должностных преступлений и преступлений против правосудия (выявляет преступления, укрытые от учета, принимает меры по недопущению этой формы укрывательства). Далее, при проверке законности и обоснованности решения следователя об отказе в возбуждении

уголовного дела, его приостановлении или прекращении (п. 5.1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ) прокурор располагает процессуальными возможностями по профилактике преступлений, поскольку если процессуальное решение вынесено незаконно, действия прокурора направлены на недопущение безнаказанности содеянного и тем самым обладают профилактическим эффектом. При рассмотрении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (п. 5.2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ) прокурор может отказать в его удовлетворении, в том числе, если выявит нецелесообразность заключения соглашения или, например, признаки преступления, к которому обвиняемый не причастен, признаки фальсификации доказательств и др. Таким образом, профилактический эффект в данном случае обеспечивается посредством предотвращения привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности, незаконного освобождения от уголовной ответственности, фальсификации доказательств и других преступлений против правосудия. При том, что данные виды посягательств характеризуются высокой латентностью [5, с. 152-174], их профилактика представляется чрезвычайно важной.

В то же время, самостоятельно определять юридические последствия выявленных противоправных действий прокурор не уполномочен: он не может возбудить уголовное дело, давать следователю указания, обязательные для исполнения, отстранять его от дальнейшего производства расследования. В отличие от дознания, процессуальное руководство предварительным следствием прокурор не осуществляет, хотя мотивировка такого законодательного решения у ряда процессуалистов вызывает недоумение [7, с. 64-67]. Прокурор не может в соответствии с положениями ст. 37 УПК РФ принять быстрые и своевременные меры реагирования по факту коррупционного поведения сотрудников органов следствия.

Между тем, в ряде стран ближнего зарубежья прокурор играет более активную роль в досудебном производстве по уголовному делу: например, в соответствии со ст. 58 УПК Республики Казахстан он осуществляет руководство расследованием и может лично расследовать любое дело; в соответствии со ст. 36 УПК Украины – уполномочен отменять незаконные и необоснованные постановления следователей; в соответствии со ст. 34 УПК Республики Беларусь – имеет право возбудить уголовное дело. Приведенные примеры позволяют отметить целесообразность сохранения руководящей роли прокурора в досудебном производстве и необходимость наделения его дополнительными полномочиями для повышения эффективности реализации им направлений профилактики отдельных видов преступлений (в первую очередь, тех, которые могут совершаться сотрудниками органов предварительного следствия).

В связи с изложенным, профилактическая деятельность прокурора нуждается в некотором дополнении. В частности, при выявлении и предотвращении должностных преступлений и преступлений против правосудия, совершаемых сотрудниками следственных органов, он должен располагать инструментами быстрого реагирования и восстановления

законности. Особый порядок производства по уголовным делам в отношении следователей и руководителей следственных органов, установленный гл. 52 УПК РФ, не в полном объеме согласуется с направлениями прокурорской профилактики преступлений и не предоставляет прокурору надлежащего объема полномочий в сфере как уголовного преследования, так и надзора.

Вследствие этого представляется необходимым сделать следующие выводы и предложения:

- профилактический инструментарий в уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве по уголовному делу позволяет ему выявлять или предотвращать преступные посягательства, которые могут совершаться при проверке заявлений (сообщений) о преступлении или при производстве предварительного следствия;

- в этой связи роль прокурора в профилактике преступлений приобретает дихотомический (двойственный) характер: используя функцию надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, он может инициировать в будущем уголовное преследование должностных лиц этих органов за совершенные должностные преступления или преступления против правосудия;

- с учетом исключительной важности этого направления профилактики уместно предоставить прокурору право возбуждать уголовные дела в отношении сотрудников органов предварительного следствия, совершивших преступления с использованием должностных обязанностей.

Внесенные предложения могут способствовать оптимизации профилактической деятельности прокурора, повышению эффективности выявления и предотвращения им преступлений против интересов службы и против правосудия, совершаемых должностными лицами органов предварительного следствия.

Список литературы:

1. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федер. закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ [принят Гос. Думой 10.06.2016] // Рос. газ. 2016. 28 июня.

2. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федер. закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ [принят Гос. Думой 21.05.1999] (по сост. на 07.07.2017) // Рос. газ. 1999. 30 июня.

3. О прокуратуре Российской Федерации: Федер. закон от 17.04.1992 № 2202-1 [в ред. от 17.11.1995] (по сост. на 18.04.2018) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366.

4. Буланова, Н.В. Обеспечение прав человека в уголовном судопроизводстве средствами прокурорского надзора / Н.В. Буланова // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 11. С. 33-40.

5. Радионов, Г.Г. Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности : дис. ...

канд. юрид. наук: 12.00.08 / Г.Г. Радионов. М., 2015. 215 с.

6. Титушкина, Е.Ю. Новый этап формирования «профилактического права» / Е.Ю. Титушкина // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 4. С. 23-26.

7. Якимович, Ю.К. О процессуальном положении прокурора, руководителя следственного органа и следователя в современном российском досудебном производстве / Ю.К. Якимович // Уголовная юстиция. 2013. № 2. С. 64-67.

Багаутдинов К.Ф.

Руководитель Азнакаевского
межрайонного следственного отдела
Следственного управления
Следственного комитета
Российской Федерации по
Республике Татарстан

Меры безопасности в отношении обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве

Предварительное следствие в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, проводится в общем порядке, но имеет отдельные особенности. Главная его особенность состоит в выделении уголовного дела в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в отдельное производство. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» дал разъяснение о том, что дело в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, подлежит выделению в отдельное производство. Если же выделение дела не состоялось, и оно поступило для рассмотрения в суд в отношении всех обвиняемых, то судья назначает предварительное слушание для возвращения уголовного дела прокурору.

Принято считать, что выделение уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, направлено в первую очередь на обеспечение его безопасности, и с этим следует согласиться. В то же время, как верно заметил Л.В. Брусницын, решение о выделении уголовного дела в отдельное производство не способно в полной мере защитить лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, т.к. таким путем невозможно скрыть от соучастников его роль в раскрытии преступления [1, с. 17].

На наш взгляд, выделение уголовного дела в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, необходимо и целесообразно не во всех случаях. Выделение уголовного дела в отношении лица, сотрудничающего со следствием, доставляет серьезные неудобства и ему самому. Ведь он должен пройти через свое судебное заседание, а затем

участвовать в суде по другому делу, когда будут судить его соучастников.

В тех случаях, когда имеются подтвержденные данные об угрозе безопасности лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, выделение уголовного дела является обоснованным.

В целом, как следует из закона, прерогатива заключения досудебного соглашения о сотрудничестве принадлежит прокурору. Он же вправе распоряжаться судьбой заключенного досудебного соглашения (подтверждать его либо расторгнуть). Поэтому будет логичным отдать прокурору и право принятия решения по вопросу о выделении (невыведении) в отдельное производство уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве. Такое решение, на наш взгляд, прокурор должен принять с учетом всех обстоятельств дела, в том числе пожелания лица, заключившего досудебное соглашение.

В случае возникновения угрозы безопасности обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, его близких родственников, родственников и близких лиц, следователь выносит постановление о хранении соответствующих документов в опечатанном конверте (ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, соответствующих постановлений следователя, прокурора, досудебного соглашения о сотрудничестве).

К обвиняемым, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве, могут быть применены все меры безопасности, предусмотренные Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», а также УПК РФ:

сохранение в тайне данных о личности лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве (часть 9 статьи 166 УПК РФ);

контроль и запись телефонных и иных переговоров, при наличии угрозы совершения насилия, вымогательства и других преступных действий, по письменному заявлению лица, заключившего досудебное соглашение (часть 2 статьи 186 УПК РФ);

проведение опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение (часть 8 статьи 193 УПК РФ);

возможность проведения закрытого судебного заседания (ст. 241 УПК РФ);

допрос лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, в качестве свидетеля в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками процесса (ст. 278 УПК РФ).

Под степенью угрозы личной безопасности, которой подвергаются в результате сотрудничества со стороной обвинения обвиняемый, близкие родственники, родственники и близкие лица (пункт 4 части 4 статьи 317.5 УПК РФ), следует понимать совокупность негативных последствий, возникших в результате сотрудничества со стороной обвинения для обвиняемого, его близких родственников, родственников и близких лиц.

Степень угрозы личной безопасности является оценочным понятием,

которое должно определяться характером и степенью опасности инкриминированного обвиняемому преступления, имеющимися данными о личности других соучастников, об особенностях преступной группы, ее сплоченности, вооруженности и т.п. Для определения степени опасности существенное значение имеют также факты поступления в адрес обвиняемого или его близких угроз, характер этих угроз (угроза убийством, угроза применения насилия, угроза уничтожения или повреждения имущества, противоправных действий), сведения о действиях по реализации угроз. Представляется, что термин «личная безопасность» в буквальном толковании охватывает и месть за сотрудничество в форме причинения физического вреда.

Исходя из требований обеспечения безопасности, следователь, прокурор должны принять необходимые меры для отдельного содержания лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, от его соучастников. При наличии возможности целесообразно содержать их в разных изоляторах, обеспечить отдельное конвоирование к следователю и в судебное заседание. Следователь должен обеспечить минимальные непосредственные контакты лица, заключившего досудебное соглашение, с его соучастниками.

В целях обеспечения безопасности лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, может быть изменена территориальная подсудность уголовного дела. Например, на подсудимого, участника банды, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, оказывалось противоправное воздействие в виде угроз и требования отказаться от содействия и показаний против соучастников преступления. Заместитель Генерального прокурора РФ утвердил обвинительное заключение по делу и направил мотивированное ходатайство в Верховный Суд РФ об изменении территориальной подсудности. Это ходатайство было удовлетворено, территориальная подсудность дела изменена, и оно передано для рассмотрения в другой военной суд.

Рассматривается и возможность заключения с лицами, находящимися в следственных изоляторах и учреждениях исполнения наказания, и подпадающими под государственную защиту, специальных договоров. В них должны быть четко прописаны права и обязанности, взаимоотношения сторон при осуществлении мер безопасности. Речь идет в том числе и о лицах, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве. Среди мер безопасности в учреждениях исполнения наказания указаны: отдельное размещение от остальных заключенных; технические средства защиты, перевод из одного учреждения в другое; оставление в следственном изоляторе [2, с. 5].

В качестве меры безопасности и государственной защиты обвиняемого предложено помещать лицо, с которым было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, при осуждении его к лишению свободы, в специальные учреждения уголовно-исполнительной системы [3, с. 14]. Казалось бы, хорошее предложение, но оно нереализуемо в современных

условиях. Число таких лиц, осужденных в особом порядке, является незначительным. С учетом тяжести совершенных преступлений, они направляются в исправительные учреждения разного типа (общий, строгий режим). Создать специальные условия для лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве, в современных условиях переполненности исправительных учреждений, недостаточного финансирования, невозможно.

В то же время необходимо обеспечить раздельное отбывание наказания лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, и его соучастников, которых он изобличил. Полагаем, что следователь в отношении каждого лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, должен направлять в службу исполнения наказания подробную справку по уголовным делам его соучастников (кто, когда осужден, где отбывает наказание и т.д.). Это поможет обеспечить безопасность сотрудничавшего со следствием лица в местах лишения свободы.

Список литературы:

1. Брусницын Л.В. Сотрудничество со следствием: какие трудности в реализации новых норм УПК ожидают правоприменителя // Уголовный процесс. – 2009. – № 12 (60) – С. 17.

2. В. Куликов. Заключение войдут в программу защиты свидетелей. Сядут особо. Российская газета. 22 июня 2017 г. С. 5.

3. Иванов А.А. Теоретические и организационно-правовые аспекты реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе. Автореф. дисс. ... канд.юрид.наук. Нижний Новгород. 2013. С.14.

Васильева Я.Ю.

заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
кандидат юридических наук, доцент

Ефимушкина К.Э.

студентка 3 курса специалитета Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Убийство матерью новорожденного ребенка, совершенного в соучастии: вопросы квалификации и назначения наказания

На сегодняшний день среди проблемных вопросов такого общественно-опасного деяния, как убийство матерью новорожденного

ребенка (ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (далее – УК РФ)), особое место занимает квалификация убийств, совершенных матерями в соучастии с другими лицами. В современной доктрине уголовного права предлагаются различные пути разрешения указанной проблемы, но, к сожалению, до сих пор отсутствует единый подход к квалификации к столь сложному по своей конструкции составу преступления.

Стоит заметить, что субъект исследуемого преступления – специальный, потому как им может выступать исключительно мать новорожденного ребенка. В таком случае лишения матерью жизни появившегося на свет ребенка совместно с другим лицом, последний привлекаться по ст. 106 УК РФ не может, поскольку он является общим субъектом преступления убийства, предусмотренного ст. 105 УК РФ [3, с. 471-474.]. Важно подчеркнуть, что санкции ст. ст. 105 и 106 УК РФ существенно будут отличаться. Так, за простое убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ) закон предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы до пятнадцати лет. За квалифицированные виды убийства, помещенные законодателем в диспозиции ч. 2 ст. 105 УК РФ виновному может быть назначено до двадцати лет лишения свободы. За убийство матерью новорожденного ребенка верхний предел санкции – это лишение свободы с отбыванием наказания в колонии-поселения до пяти лет, что на наш взгляд является не справедливым, нарушающем напрямую норму УК РФ, регламентирующую принцип справедливости.

Законодателем предусмотрено, что ч. 1 ст. 105 УК РФ является убийством без смягчающих и отягчающих вину обстоятельств. Диапазон общественной опасности преступных деяний, указанных в ч. 2 ст. 105 УК РФ соответствует наказанию, поскольку они имеют квалифицирующие признаки, то есть отягчающие вину обстоятельства. Уголовный закон выделяет несколько видов привилегированных убийств, то есть со смягчающими обстоятельствами, в числе которых ст. 106 УК РФ. Данное деяние относится к преступлению средней тяжести, поэтому виновной суд может назначить такое столь мягкое наказания, за совершение, казалось бы, такого тяжелого преступления исходя даже из моральных принципов. Думается, что отнесение законодателем такого убийства к привилегированному составу преступления является ошибочным, поскольку ребенок не может защитить себя, он полностью находится во власти своей матери или взрослых, которые решают, жить ему или нет [4, с.67].

Так, показательным является приговор Киржачского районного суда Владимирской области, приговоривший женщину к лишению свободы за покушение на убийство своего новорожденного ребенка сразу же после родов с вовлечением своей несовершеннолетней дочери в совершение преступления. Из материалов уголовного дела следует, что М. родила ребенка вне медицинского учреждения, после чего, завернув новорожденного ребенка в фрагменты постельного белья, положила в полимерные пакеты и передала новорожденного своей несовершеннолетней дочери, попросив последнюю выбросить только что фактически родившуюся

сестру в мусорный контейнер. Однако преступление не было доведено до конца, поскольку новорожденного вовремя обнаружили и оказали необходимую медицинскую помощь. Таким образом, суд квалифицировал действия матери по признакам преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30 УК РФ, ст. 106 УК РФ, ч. 2 ст. 150 УК РФ. В результате М. судом назначено наказание в виде лишения свободы: по ч. 3 ст. 30 ст.106 УК РФ на срок 3 (три) года; по ч. 2 ст. 150 УК РФ на срок 2 (два) года 6 (шесть) месяцев. В соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем полного сложения наказаний окончательное наказание определить в виде лишения свободы на срок 5 (пять) лет 6 (шесть) месяцев. В соответствии со ст.73 УК РФ назначенное наказание признано считать условным с испытательным сроком 5 (пять) лет, обязав осужденную в течение испытательного срока являться один раз в месяц по месту жительства на регистрацию в специализированный государственный орган, осуществляющий исправление осужденных, не менять места жительства без уведомления указанного органа [2].

Обращая внимание на назначенное М. судом наказание в виде лишения свободы сроком 5 лет 6 месяцев условно с испытательным сроком в 5 лет, следует заметить, что в данном конкретном случае наказание назначено в пределах установленных и санкцией рассматриваемой статьи, и требованиями ст. 56 УК РФ, регламентирующей порядок назначения лишения свободы на определенный срок и ч. 3 ст. 69 УК РФ. Поскольку санкцией ст. 106 УК РФ предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы сроком 5 лет, то в соответствии со ст. 66 УК РФ за покушение на это преступление максимально можно назначить наказание в виде лишения свободы сроком 3 года 9 месяцев (3/4 от 5 лет), судом назначено 3 года. Санкцией ч. 2 ст. 150 УК РФ предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком от 5 до 8 лет с ограничением свободы на срок до 2 лет либо без такового. При назначении наказания М. в соответствии со ст.ст. 6, 60 УК РФ, суд учел характер и степень общественной опасности совершенных преступлений, данные о личности подсудимой, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденной и на условия жизни ее семьи. М. совершены два преступления - средней тяжести и тяжкое, в связи с чем, суд счел необходимым назначить ей наказание в виде лишения свободы. Вместе с тем, поскольку к уголовной ответственности М. привлекается впервые, к административной ответственности не привлекалась, характеризуется удовлетворительно, работает, имеет на иждивении престарелую мать и несовершеннолетнюю дочь, отец которой в воспитании и содержании ребенка участия не принимает, вину признает, в содеянном раскаивается. При этом суд также учел, что данные преступления совершены подсудимой при стечении тяжелых жизненных обстоятельств. Вышеперечисленные обстоятельства суд признал смягчающими наказание М. Отягчающих наказание обстоятельств судом не установлено. Однако в результате судом по ч. 2 ст. 150 УК РФ назначено наказание в виде лишения свободы сроком 2

года 6 месяцев, что ниже низшего предела, а ссылка на ст. 64 УК РФ в приговоре отсутствует, да и перечисленные множественные смягчающие наказание обстоятельства не признаны судом исключительными, что является ошибочным.

Вернемся к вопросам квалификации. С медицинской точки зрения особое состояние роженицы во время или после родов, наличие психотравмирующей ситуации, не исключающей вменяемости, в условиях психического расстройства, создают такие обстоятельства, толкающие мать к убийству своего дитя, при этом, являясь как раз-таки смягчающими обстоятельствами [5, с. 38-40]. Кроме того, при убийстве новорожденного ребенка таким близким родственником потерпевшего, как например, отец, равно как и несовершеннолетняя дочь – последние не обладают всеми вышеприведенными признаками специального субъекта преступления, а потому закон по непонятной нам причине счёл необходимым наказывать его по всей строгости закона, а именно по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Полагаем, что в такой ситуации нарушается принцип равенства граждан перед законом, сформулированный законодателем в ст. 4 УК РФ.

Руководствуясь вышеизложенным, считаем, что если при совершении деяний, предусмотренных ст. 106 УК РФ, мать для облегчения своего злого умысла использует несовершеннолетнее родственное лицо по отношению к потерпевшему, то последнее должно быть привлечено к уголовной ответственности по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ со ссылкой на ст. 33 УК РФ. Это объясняется тем, что данное лицо выполняет полностью всю объективную сторону преступления. В то же время, остается проблематичным тот факт, что в соответствии с действующим уголовным законом в том случае, если несовершеннолетний в возрасте 14-ти лет совершает убийство новорожденного ребенка в соучастии, то он не будет нести уголовную ответственность, поскольку ст. 106 УК РФ относится только к матери, достигшей возраста 16-ти лет, а ч. 1 ст. 105 УК РФ не подлежит применению [6, с. 125], так как объектом данного преступления выступает жизнь взрослого человека, а не малолетнего, более того, не новорожденного ребенка. А в случае убийства новорожденного по просьбе матери, которая к моменту совершения преступления не достигла 14-ти летнего возраста, вообще не будет нести уголовной ответственности, поскольку наказание за простое убийство наступает только по достижении 14-ти летнего возраста.

В случаях же, если убийство новорожденного ребенка совершается отцом потерпевшего, либо иным лицом, вне зависимости, какую он роль исполнял, содеянное должно квалифицироваться по ч. 1 ст. 105 УК РФ, а не по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Подводя общий итог рассуждениям, напомним, что при квалификации действий лиц, совершивших убийство новорожденного ребенка в соучастии по ч. 1 ст. 105 УК РФ и п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, 106 УК РФ нарушаются принципы Уголовного закона, к которым относятся: принцип справедливости и принцип равенства граждан перед законом. Поэтому,

руководствуясь предложенными вариантами по квалификации содеянного лицами, которые действовали в соучастии, а именно квалификация действий матери всегда по ст. 106 УК РФ, а действия иных лиц по ч. 1 ст. 105 УК РФ указанные принципы будут реализованы. Изучение же вопросов наказания виновным за убийство матерью новорожденного позволит судам не допускать ошибок при его назначении.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер.закон от 13 июня 1996 г. №63 – ФЗ (ред. от 23.04.2018) // Рос.газ. – 1996. – 25 июня.
2. Дело № 1-19/2010 приговор Киржачского районного суда Владимирской области от 18.05.2010.
3. Кротких С. А. Проблемы толкования объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ // Молодой ученый. – 2016. – №26. – 518 с. С. 471-474.
4. Кузнецов В.И. Сложные вопросы квалификации детоубийства. Вопросы уголовного права // Сибирский юридический вестник. – № 1. – 2013. 140 с.
5. Попов А.Н. Убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ). – СПб. – 2001. 70 с.
6. Попов А.Н., Прохоров В.С. Проблемы соучастия в детоубийстве // Правоведение . – 2002. – № 1 (240). – 240 с.

Гайдуков Т.В.

адъюнкт очной формы обучения
кафедры уголовного права и
криминологии Краснодарского
университета МВД России

Топографический фактор в детерминации групповой насильственной уличной преступности в курортных регионах

В процессе рефлексии феномена преступности учитываются внешние (объективные) и внутренние (субъективные) факторы, влияющие на его содержание и динамику [1, с. 130-131]. Фактор в переводе с латинского – делающий, производящий. Понятие «фактор» используется для обозначения движущей силы какого-либо процесса, явления. Она выступает в двух ипостасях: и как фактор уровня (статике), и как фактор развития (динамики). Значит факторы – это детерминанты уровня или развития какого-либо явления. Фундаментальными для теории факторов являются два положения: а) фактор, будучи объективной реальностью, существует не сам по себе, а во взаимосвязи с тем явлением, на которое он воздействует, б) он является компонентом тех условий, в совокупность которых он сам входит. Вся

окружающая нас среда (естественная и социальная) объединяется одним понятием – условиями жизни. Среди них условия, которые воздействуют на тот или иной процесс, и являются факторами этого процесса. Факторы – это определенные компоненты объективных условий, их часть, а не целое. Набор этих компонентов определяется сущностью явления. Человеческое поведение детерминируется внутренней системой потребностей и внешней средой, т.е. субъективными и объективными компонентами в их органической взаимосвязи. Не вся среда, в которой находится индивид, является ситуацией его поведения, а только часть ее, находящаяся в определенных взаимоотношениях с системой его потребностей [2, с. 316-317].

Качественно-пространственные особенности преступности могут обуславливаться взаимосвязью совершения отдельных преступлений с характеристиками (географическими и пространственно-геометрическими) определенных точек пространства, в пределах которых они совершаются. В соответствии со спецификой объекта преступного посягательства и/или способа его совершения (по отношению к выбору и реализации которого внешняя среда, может выступать в качестве одного из определяющих факторов) внешняя обстановка совершения преступлений предусматривает определенную их классификацию в соответствии с качественно-пространственными особенностями: совершаемые в городской или сельской местности; в помещении или на улице; в общественных местах или на автодорогах (автотранспорте) и др. Часто преступные деяния, отражая особенности субъективных детерминант преступного поведения, имеют «атрибутивный» характер, что может быть связано как с местом совершения преступления умышленно или подсознательно выбранного преступником места (помещения, места на открытой местности или специально оборудованного места), так и с обстановкой его совершения: умышленно или подсознательно выбраны особые характеристики обстановки, прежде всего, связанные с предметами обстановки; звуками; явлениями природы; деятельностью людей; возможностью преодоления сопротивления жертвы и исключением наличия возможных очевидцев и др. Выбор преступником места и обстановки совершения преступления, а следовательно и особенностей качественно-пространственных характеристик преступления, также может быть связан с демографическими особенностями потенциальной жертвы преступления, ореолом местонахождения (проживания), родом ее занятий, способом проведения досуга и т.д. [3, с. 323-325].

С многочисленными потребностями человека связана уличная среда. Сфера улицы, как специфическое звено пространственного проявления преступности имеет тесные связи с понятиями географии, экологии, топографии преступности; криминологическая классификация (типология) улиц, способствует более глубокому осмыслению всего многообразия криминологического облика уличной среды [4, с. 8]. В рамках исследования феномена уличной преступности улицу (уличное пространство) следует понимать, как территорию открытую и свободную для доступа неограниченного круга лиц в любое время, имеющую своим назначением

транзитную (связанную с обеспечением различных социальных практик) либо досуговую функцию [5, с. 81-86].

Исследование топографии преступности (качественно-пространственных особенностей преступности, которые могут быть обусловлены местом и обстановкой совершения отдельных видов преступления) предусматривает получение соответствующих данных путем анализа мест и обстановки совершения преступлений с целью исследования криминологической и криминалистической характеристики отдельных видов преступлений, а также оценки криминогенного потенциала отдельных точек пространства и, соответственно, учета полученных данных в криминалистических, оперативно-розыскных и превентивных целях. Необходимость исследования топографии преступности обуславливается взаимосвязью совершения отдельных преступлений с характеристиками (географическими и пространственно-геометрическими) определенных точек пространства, в пределах которых они совершаются. В соответствии со спецификой объекта преступного посягательства и (или) способа его совершения внешняя обстановка совершения преступлений предусматривает определенную их классификацию на основании качественно-пространственных особенностей: совершаемые в городской или сельской местности; в помещении или на улице; в общественных местах или на автодорогах (автотранспорте) и др. [6, с. 145-146].

Уличная преступность как системное явление имеет ряд собственных закономерностей возникновения, развития и функционирования, она детерминирована открытым городским пространством (уличной средой) физическим признаком места, зависящим от типов городов (функций, планировки районов, кварталов, улиц и т.п.), где формируются специфические криминогенные уличные факторы, социальными свойствами уличной сферы – эта самостоятельная сфера постоянного взаимодействия охватывает отношения независимых и незнакомых друг с другом людей, складывающиеся за пределами жилых и иных (нежилых) помещений при следовании, передвижении и т.п. на улице (общественном месте) [7, с. 9, 14]. Улицы (равно как и представления о них) различаются в зависимости от пространства и социальных сетей, в которые они вписаны в разных масштабах. В масштабе квартала улицу невозможно понять без улиц и мест, которые ее окружают, с которыми они дополняют друг друга, например, пешеходная улица дополняется сквером или торговая улица – жилыми улицами. Важны также характеристики самого квартала, его морфология, социальный состав. То же происходит и в масштабе целого города: любая улица вписана в систему разных логик пространства, в системы дорожного движения, градостроительных стратегий, распределения пространств отдыха и торговли, инженерии, городских практик и представлений [8, с. 30-36].

В общем виде роль топографического фактора в детерминации групповой насильственной уличной преступности в курортных регионах обусловлена криминогенным потенциалом специфических географических и пространственно-геометрических особенностей улицы (уличного

пространства), определяющих качественно-пространственные особенности уличной преступности, обусловленными такими факторами, как: 1) разнородность улиц, обусловленная их топографическими особенностями: аллея, бульвар, вал, взвоз, въезд, заезд, кольцо, линия, луч, магистраль, набережная, переулок, площадь, проспект, проулок, разъезд, спуск, съезд, тупик, шоссе и др.; 2) разнородность улиц, обусловленная их функциональным назначением: городские улицы: магистральная улица общегородского значения, магистральная улица районного значения, основная улица, улица местного значения (межквартальная улица, внутриквартальная улица, хилая улица, трамвайно-пешеходная улица, пешеходная улица, велосипедная дорожка); поселковая и сельская улицы: главная улица, жилая улица, проезд; 3) неоднородность уличного пространства, обусловленная сочетанием различных типов улиц между собой, а также улиц с иными топографическими объектами – парками, скверами и пр.; 4) топографические особенности уличного пространства, определяемые функциональным контекстом (транзитное уличное пространство, уличное пространство досуговой сферы и сферы отдыха, жилых территорий, промышленных территорий, торговых территорий и пр.); 5) топографические особенности уличного пространства, обусловленные спецификой его планирования и проектирования (наличие зданий и сооружений, плотность застройки, наличие инфраструктуры и пр.).

Список литературы:

1. Игнатов А.Н., Ильянович Е.Б. Методологические основы исследования преступности // Общество и право. 2015. № 2 (52). С. 129-133.
2. Демографический понятийный словарь / Под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2003. 352 с.
3. Игнатов А.Н., Пахомов С.В. О необходимости исследования качественно-пространственных особенностей преступности // В сборнике: Теория и практика противодействия преступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (к 95-летию образования Дальневосточного юридического института МВД России) сборник материалов международной научно-практической конференции. 2016. С. 323-325.
4. Погорелова Г.М. Криминологическая характеристика и профилактика уличной преступности несовершеннолетних: По материалам г. Калуги: автореферат дис. ... кандидата юридических наук 12.00.08. Москва, 2004. 23 с.
5. Гайдуков Т.В. Понятие уличной насильственной преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 6. С. 81-86.
6. Игнатов А.Н., Пахомов С.В. Влияние качественно-пространственных особенностей местности на выбор и реализацию способа совершения преступления // Общество и право. 2016. № 3 (57). С. 143-147.
7. Лукиных И.Д. Уличная преступность и ее предупреждение: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08. Москва, 2009. 31 с.

8. Флёри А., Маршак М. Улица как географический объект // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 3. С. 30-36.

Гаврилов М.А.

старший преподаватель кафедры
основ организации и управления в
органах прокуратуры Казанского
юридического института (филиала)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

Смерть подсудимого вызывает вопросы к родственникам

В судебной практике встречаются случаи, когда по поступившему в суд уголовному делу, подсудимый умирает до вынесения окончательного судебного решения. В условиях отсутствия официальной статистики по таким уголовным делам, методом выборки нами получены данные о рассмотрении судами Республики Татарстан в 2016 году подобных уголовных дел и 71 уголовного дела в 2017 году¹.

Изучение судебных решений по уголовным делам, когда подсудимый скончался до вынесения окончательного судебного решения, показало, как общность, так и разнообразие подходов судов к рассмотрению таких уголовных дел, и как следствие, к обеспечению прав правопреемников умерших подсудимых.

Как следует из смысла Постановления Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко», уголовное дело в отношении лица в связи с его смертью может быть прекращено только при согласии его близких родственников [2].

Вышеуказанным Постановлением Конституционного Суда РФ федеральному законодателю предписывалось внести в действующее законодательство изменения, в том числе конкретизировать перечень лиц, которым, помимо близких родственников, может быть предоставлено право настаивать на продолжении производства по уголовному делу с целью возможной реабилитации умершего, процессуальные формы их допуска к участию в деле и соответствующий правовой статус, предусмотреть особенности производства предварительного расследования и судебного разбирательства в случае смерти подозреваемого, обвиняемого (подсудимого).

Между тем действующее уголовно-процессуальное законодательство

¹ Данные получены путем изучения текстов судебных актов, размещенных на официальных сайтах судов Республики Татарстан.

до сих пор не содержит отдельных норм, институтов или главы, устанавливающих порядок производства по уголовному делу в случае смерти обвиняемого (подозреваемого, подсудимого).

Изучение уголовных дел, рассмотренных судами Республики Татарстан, показало, что не во всех случаях судьями получается согласие близких родственников на прекращение уголовного дела в отношении умершего подсудимого. Например, по уголовному делу в отношении подсудимого П. уголовное дело прекращено по п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ без учета мнения близких родственников умершего подсудимого [3]. Между тем такая практика свидетельствует о нарушении конституционных прав граждан на доступ к правосудию [4]. Скончавшееся лицо в силу естественных причин лишено возможности защитить от умаления такие личные блага, как честь и доброе имя, путем реализации своего конституционного права на охрану достоинства личности. Как следует из смысла вышеназванного Постановления Конституционного Суда РФ, поскольку указанное конституционное право распространяется не только на период жизни человека, оно обязывает государство создавать правовые гарантии для защиты чести и доброго имени умершего, сохранения достойного к нему отношения, что в свою очередь предполагает обязанность компетентных органов исходить из необходимости обеспечения близким родственникам умершего доступа к правосудию и судебной защиты в полном объеме.

В большинстве случаев судами все же выясняется мнение близких родственников умершего подсудимого относительно возможности прекращения уголовного дела. Нужно отметить, что в тех случаях, когда суды выясняли такое мнение у близких родственников, от них получено согласие на прекращение уголовного дела. Однако существует различный подход судов к выяснению такого мнения. По некоторым уголовным делам близкие родственники приглашались в судебное заседание, где выяснялось их мнение относительно возможности прекращения уголовного дела. По отдельным уголовным делам близкие родственники даже были ознакомлены с материалами уголовного дела, и только после этого судом выяснено их мнение. Вместе с тем имел место случай выяснения мнения близкого родственника путем телефонных переговоров с ним, что нашло отражение в судебном решении [5]. В ряде случаев к материалам уголовного дела приобщены заявления близких родственников, в которых они выражают свое согласие на прекращение уголовного дела в связи со смертью подсудимого.

Указанные обстоятельства свидетельствуют об отсутствии единой практики выяснения мнения правопреемников умершего подсудимого относительно возможности прекращения уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

Между тем результаты судебного рассмотрения уголовного дела в отношении умершего лица могут иметь правовые последствия не только для его близких родственников, но и для других лиц. Эти последствия, в

частности, могут носить морально-этический характер, т.е. порочить честь и доброе имя умершего. Кроме этого, они могут влиять на возможность поступления родственников умершего на некоторые виды государственной службы. Также прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям влечет неблагоприятные правовые последствия для заинтересованных лиц, которые хотя и не являлись участниками уголовного судопроизводства, но в силу закона на них распространяется гражданско-правовая ответственность за действия обвиняемого (ст. 1175 ГК РФ) [1].

В этой связи законодательное установление процедуры выяснения мнения правопреемников умершего подсудимого относительно возможности прекращения уголовного дела в связи со смертью подсудимого является чрезвычайно актуальным.

Отсутствие установленной процедуры выяснения мнения близких родственников умершего подсудимого о возможности прекращения уголовного дела в связи со смертью порождает жалобы участников процесса¹.

В соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 ноября 2012 г. №2198-р в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части уточнения порядка производства по уголовному делу в случае смерти обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежавшего привлечению к уголовной ответственности)»², который до настоящего времени не принят.

Проектом ст. 446.3 УПК РФ предусмотрено письменное уведомление судом близких родственников умершего подсудимого о возможности прекращения уголовного дела и разъяснение им права заявить о своей несогласии с прекращением. В уведомлении суд должен указать обстоятельства совершенного преступления, пункт, часть, статью УК РФ, предусматривающие ответственность за данное преступление, а также разъяснить порядок и последствия подачи заявления, права и обязанности таких лиц.

К.Б. Калиновский предлагает трактовать позицию Конституционного Суда РФ как требование наличия возражений близких родственников против прекращения уголовного дела, а не согласия [6, с. 9-11]. По тому же пути пошли авторы вышеназванного законопроекта, предусмотрев в проекте ст. 446.4 УПК РФ, что после получения уведомления, в срок не более 5 суток близкий родственник вправе подать мотивированное заявление о несогласии с прекращением уголовного дела.

¹ Апелляционное постановление Липецкого областного суда от 29.03.2016 г. по делу №22-351/2016.//https://oblsud-lpk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=746154&delo_id=4&new=4&text_number=1&case_id=722394

² Законопроект № 180771-6, <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/180771-6>.

Отдельной проблемой является определение круга лиц, обладающим правом соглашаться или возражать против прекращения уголовного дела, который в силу предъявляемых требований к объему статьи, не может быть рассмотрен в ее рамках.

Скорейшее внесение изменений в УПК РФ относительно процедуры производства по уголовным делам в случае смерти обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) позволит привести к единообразию судебную практику и обеспечить более эффективную реализацию прав граждан на доступ к правосудию.

Список литературы:

1. Айвар Л.К., Трунов И.Л. Нарушение Конституции при признании виновным по делу о ДТП. http://www.trunov.com/nauchnye_i_uchebno_metodicheskie_trudy/nauchnye_publicacii_advokatokollegii/16105/.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко» (доступ из СПС Консультант Плюс 10.03.2018).

3. Постановление Кировского районного суда г. Казани от 19.10.2017 г. по уголовному делу №1-362/2017. // https://kirovsky--tat.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=347183608&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (доступ 10.05.2018).

4. Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 248П11 – 2011 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 4 кв. 2011 г.» – 2012 г. – № 6.

5. Постановление Альметьевского городского суда РТ от 05.12.2017 г. по уголовному делу №1-572/2017. // https://almetevsky--tat.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=351997313&delo_id=1540006&new=0&text_number=1.

6. Калиновский К.Б. Презумпция согласия родственников на прекращение дела умершего // Уголовный процесс. – 2012. – № 3. – С. 9-11.

Гончарова А.В.

редактор научно-исследовательского
и редакционно-издательского
отделения Крымского филиала
Краснодарского университета МВД
России; магистрант 1-го курса
Крымского филиала
Российского государственного
университета правосудия

Проблемы предупреждения преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 280 УК РФ

На сегодняшний день средства массовой информации, равно как и информационно-телекоммуникационные сети, в том числе сеть «Интернет» являются основными каналами получения информации современным обществом. При этом, стоит отметить, что согласно ст. 2 Закона РФ «О средствах массовой информации» под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием) [1].

Возникновение общественных отношений, в том числе появление и стремительное развитие информационно-телекоммуникационных сетей, прежде всего сети «Интернет», используется не только в благих целях, но и для совершения различных преступлений и иных правонарушений. Информационно-телекоммуникационная сеть представляет собой технологическую систему, предназначенную для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники [2].

Преступления экстремистской направленности не являются исключением, поскольку лица, демонстрирующие и распространяющие свои низменные мотивы и цели, совершают их на основе ненависти и вражды, используя при этом публичные призывы. Отметим, что под экстремистскими материалами в законодательстве понимается предназначенные для обнародования документы либо информацию на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности [3].

Отметим, что преступления экстремисткой направленности, основанные на публичных призывах, совершаемые с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, относятся к числу уголовно наказуемых деяний, посягающих на основы конституционного строя и безопасность государства и предупредить их совершение в обществе является сложной задачей, поскольку развитие сетей в современном мире

очень быстро и, найдя способ предупреждения и пресечения действий преступников, правоохранительные органы сталкиваются с новыми видами преступлений, которые распространяются со скоростью «звука».

Данный вид преступлений относится к числу публично совершаемых деяний, где использование средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», представляет собой высшую степень публичности, когда соответствующая информация становится открытой для неограниченного круга лиц и распространяется преимущественно при помощи социальных сетей, информации из которых молодежь доверяет гораздо больше, нежели СМИ, что зачастую позволяет, как ни странно, более эффективно ее разоблачать [4, с. 45].

Публичность данного деяния одновременно характеризует и способ деяния и обстановку его осуществления. Однако при использовании средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей данный признак относится именно к способу, поскольку сами действия виновный, как правило, совершает скрыто от других, например, пользуясь персональным компьютером. При этом доля посягательств с использованием сети «Интернет» неуклонно возрастает, что обусловлено общедоступностью Интернет-ресурсов, простотой и относительной анонимностью пользования таковыми. Поэтому целесообразно сформировать единый подход к законодательной оценке степени общественной опасности такого способа с отнесением такового к числу квалифицирующих признаков определенных составов преступлений.

07 мая 2018 года Президентом Российской Федерации был подписан Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», в котором он поручает Правительству Российской Федерации при реализации совместно с органами государственной власти субъектов Российской Федерации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» обеспечить в 2024 году создание устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших объемов данных, доступной для всех организаций и домохозяйств; использование преимущественно отечественного программного обеспечения государственными органами, органами местного самоуправления и организациями; обеспечение информационной безопасности на основе отечественных разработок при передаче, обработке и хранении данных, гарантирующей защиту интересов личности, бизнеса и государства [5].

Исходя из вышесказанного, для предупреждения преступлений экстремистской направленности, которые осуществляются с использованием различных видов средств массовой информации, а также информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе и сети «Интернет» необходимо в первую очередь обращать на такие обстоятельства, как название, оформление и содержание сайтов или иных электронных ресурсов, в том

числе их отдельных элементов, личных страниц в социальных сетях (например, в наименовании уже могут содержаться слова и символы, прямо или косвенно свидетельствующие о направленности размещаемой информации на возбуждение ненависти либо вражды, унижение человеческого достоинства, призывы к осуществлению экстремистской деятельности, в том числе к нарушению территориальной целостности Российской Федерации); свободный (открытый) доступ к указанным электронным ресурсам, наличие ссылок на них в поисковых системах и данных, свидетельствующих о посещении таковых другими людьми, а равно указывающих на количество таких посещений (просмотров, скачиваний информации), копировании соответствующих файлов и обмене таковыми (например, количество и содержание комментариев на сайте).

Список литературы:

1. О средствах массовой информации: Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 18.04.2018). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/
2. Информационно-телекоммуникационная сеть. – URL: <http://www.wikiznanie.ru/ru-wz/index.php/>
3. О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/2daf50f586c69eac11512c1faa4309699b52ec9b/
4. Игнатов А.Н. Криминологический анализ угроз экстремистского характера в Крымском федеральном округе: монография / А.Н. Игнатов, А.А. Кашкаров, Д.В. Новиков. – Симферополь: Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, 2016. – С. 45.
5. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204. – URL: <https://rg.ru/2018/05/08/president-ukaz204-site-dok.html>

Ильина А.Н.

аспирант кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Генезис и эволюция уголовно-правовых норм, оказывающих имущественное воздействие на лиц, совершивших преступления, в дореволюционный период

Одним из способов оценки эффективности (в том числе потенциальной) применения того или иного правового механизма в целях противодействия преступности является его ретроспективный анализ. Начавшийся в 2016 году процесс реформирования [1, 2] Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) свидетельствует о появлении в уголовном законе механизма имущественного воздействия на виновного, путем применения к нему так называемых иных мер уголовно-правового характера. Так как данный институт является новым для современного отечественного уголовного права, представляется, что анализ ранее действовавшего уголовного законодательства, поиск предпосылок возникновения рассматриваемого правового механизма позволит более полно понять его природу, механизм реализации и возможные пути совершенствования.

Проанализировав ранее действовавшее отечественное уголовное законодательство, находим предпосылки возникновения механизма имущественного воздействия на лиц, совершивших преступления, уже в древнейших источниках права. Однако, будучи ограниченными объемом настоящей работы и относимыми к имущественным мерам уголовно-правового характера институтами конфискации имущества и судебного штрафа, рассмотрим историю становления последних.

Зарождение такого вида имущественного воздействия как конфискация имущества многие связывают с Пространной редакцией Русской Правды, так как именно в ней впервые упоминается понятие «поток и разграбление». В научной литературе нет единого подхода к сущности названного понятия: представлял ли собой «поток и разграбление» единый вид наказания или же два различных наказания, исполнение которых могло быть самостоятельным. К примеру, М.Ф. Владимирский-Буданов отмечал, что «поток называется лишение личных прав, а разграблением - имущественных; и то и другое составляет одно наказание, а не два вида наказаний» [4, с. 387], а И.Я. Фойницкий говорил о «потоке» как о самостоятельном виде наказания [6, с. 79]. Нет и единого мнения относительно содержания «потока и разграбления», поскольку это наказание было неопределенным и менялось в течение всего времени его существования. Но в том, что данная мера заключалась в конфискации имущества, мнения исследователей совпадают.

В более поздних источниках древнерусского права, в частности, Новгородской и Псковской Судных грамотах, упоминаний о конфискации имущества не содержалось, однако Судебник 1497 г. вновь ввел норму, которую можно считать прообразом наказания в виде конфискации имущества. В статьях 8 и 39 Судебника, устанавливающих ответственность за татьбу, разбой, душегубство, ябедничество или иное лихое дело, упоминается и конфискация имущества. Данные нормы указывают, что имущество, оставшееся после удовлетворения интересов потерпевших, обращается не в доход государства, а в пользу лиц, осуществляющих правосудие, являясь своеобразной формой компенсации судебных расходов [5, с. 6]. Аналогичные положения содержались и в Судебнике 1550 года.

Рассмотренные положения Судебников 1497 и 1550 гг. свидетельствует о появившихся в XV-XVI вв. фискальных целях конфискации имущества. Вместе с тем, например, Медынский губной наказ 1555 г., также содержащий наказание, аналогичное конфискации имущества, рассматривает его уже как имущественное взыскание в пользу государства, реализуемое после возмещения убытков потерпевшему, а в случае его отсутствия полностью взыскиваемое в пользу государства [5, с. 10].

Таким образом, мы видим, что в законодательстве XV-XVI вв. имущественное воздействие сохраняется, прежде всего, как средство компенсации ущерба и вреда, причиненного преступным деянием, приобретая также фискальную цель.

Следующим нормативным актом в области уголовного права, предусматривавшего конфискацию имущества, являлся Артикул воинский от 26 апреля 1715 г. В нем несколько изменилась формулировка наказания, аналогичного конфискации имущества («лишение пожитков» или «лишение имени» вместо «лишения животов, поместий или вотчин» в Соборном уложении 1649 г. и предшествующих источниках права). Она предусматривалась наряду со смертной казнью за недонесение о богохульстве, за вооруженное выступление против царя, за сдачу в плен, капитуляцию, сдачу крепости и за иные деяния [5, с. 11]. Цели, которые ставились перед наказанием во время действия Воинских артикулов, по сравнению с Соборным уложением 1649 г. не изменились.

В дальнейшем прослеживается четкая тенденция отказа от такого средства имущественного воздействия как конфискация имущества. Так, согласно Грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства от 21 апреля 1785 г., дворяне освобождались, в том числе, от конфискации наследственного имени (ст. 23) [5, с. 13]. Ограничение применения конфискации имущества продолжилось в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Конфискация в этом акте предусматривалась, но находилась вне перечня уголовных и исправительных наказаний. Ее своеобразность заключалась в том, что в Уложении говорилось о конфискации даже не как о наказании, а как о последствии применения уголовных и исправительных наказаний [5, с. 14]. В более поздних законодательных актах конфискация имущества как

наказание отсутствовала, и в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 года (далее – Устав), и в Уголовном уложении 1903 года предусматривалась лишь специальная конфискация, относимая на современном этапе к нормам уголовно-процессуального права.

Вместе с тем, уже упомянутый Устав представляет для данной работы особый интерес, так как в нем содержалась норма, которую, в целом, можно обозначить как некий прообраз существующей в настоящее время ст.76.2 УК РФ. Так, в ст. 201 Устава лицу, обвиняемому в похищении или самовольной вырубке казенного или частного леса, за которое оно подлежало только денежному взысканию, предоставлялось право прекратить производство по делу, «внеся причитающееся с него денежное взыскание в высшем его размере, определенном в законе, а также следующую лесовладельцу сумму, и возвратив ему похищенный или самовольно срубленный лес или стоимость одного [3]. Впоследствии это положение было распространено на дела о нарушениях в сфере акцизных сборов, с оговоркой, что такое освобождение от дальнейшего преследования допускалось при установленном законом наказании в виде штрафа.

Таким образом, мы впервые встречаемся с освобождением виновного от уголовного преследования, поставленным в зависимость от имущественной компенсации причиненного преступлением вреда. Сходством со ст.76.2 УК РФ является то, что, исходя из текста анализируемой нормы Устава, к виновному лицу применялось большее имущественное воздействие, чем причиненный преступлением вред. Основное отличие же заключается в безусловном характере анализируемой нормы, полном отказе государства от осуждения и его негативных последствий.

Анализ источников дореволюционного права показывает, что рассмотренные нами нормы в большей части были схожи с современной интерпретацией конфискации имущества, что, безусловно, сближает ее именно с наказанием, а не иными мерами уголовно-правового характера. Что касается судебного штрафа, то говорить об его очевидных исторических истоках не приходится, данный институт является совершенно новым для отечественного уголовного права, несмотря на наличие в прошлом схожих норм. Говорить о самостоятельности института освобождения от уголовной ответственности в дореволюционном уголовном законодательстве не представляется возможным.

Список литературы:

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: федер. закон. Рос. Федерации от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ [Электронный ресурс] - Режим доступа: КонсультантПлюс: офиц. сайт. URL: <http://www.consultant.ru>.

2. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания

Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 31 октября 2017 г. № 42. URL: <http://www.supcourt.ru> (дата обращения 18.05.2018).

3. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, от 20 ноября 1864 г. URL: <http://www.twirpx.com> (дата обращения 18.05.2018).

4. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Москва: Издательский дом «Территория будущего», 2005 – 800 с.

5. Пропостин А.А. Конфискация имущества: прошлое, настоящее, будущее: монография – Москва: Юрлитинформ, 2011 – 264 с.

6. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремноведением. Москва, 2000. 464 с.

7.

Ковалев С.В.

аспирант кафедры уголовного права,
уголовно-исполнительного права и
криминологии Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской
Федерации

Некоторые проблемы квалификации нарушения права на свободу совести и вероисповедания

Россия является одной из самых многонациональных стран мира, и, учитывая специфику религиозных предпочтений каждого, проживающего на ее территории народа, существует огромная вероятность возникновения конфликтов, причинами которых будут служить конфессиональные различия.

В свете последних религиозных скандалов, произошедших в России, особое внимание стало уделяться проблемам защиты религиозных чувств верующих, связи с чем, в юридической сообществе стали активно обсуждаться вопросы урегулирования общественных отношений в указанной области.

В это связи, Федеральным законом от 29.06.2013 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» в ст. 148 УК РФ были внесены изменения, которые породили множество вопросов в юридической науке.

Большинство экспертов отмечают существенное сходство отдельных признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ с составом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 213 УК РФ, предусматривающего уголовную ответственность за хулиганство.

Это связано с тем, что законодатель фактически отказался от формулировки деяния в диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ, указав, что это должны быть «действия, выражающие явное неуважение к обществу» [1, электронный ресурс]

В свою очередь, понятия «явное неуважение к обществу» указывает на наличие в действиях лица хулиганского мотива, которое раскрывает Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 N 45 "О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений". Согласно указанному Пленуму, явное неуважение человека к обществу проявляется через умышленное нарушение общепризнанных норм поведения, связанное с желанием лица противопоставить себя обществу, показать пренебрежительное отношение к окружающим.

Думается, что данные разъяснения Пленума полностью справедливо и для целей толкования ст. 148 УК РФ, которая направлена на защиту не чувств, чести и достоинства отдельного человека, не собственности религиозных организаций, не догматов и символов веры, а именно общественной нравственности, общественного спокойствия и общественного порядка [2, электронный ресурс]

Именно использование таких сходных характеристик деяния в ст. 213 и ст. 148 УК РФ и порождает конкуренцию указанных норм.

Если исходить из того, что положения ч. 1 ст. 148 УК РФ являются специальной разновидностью хулиганства, находясь в правовой конкуренции с этим составом преступления, то при конкуренции общей и специальной нормы приоритет при квалификации преступлений должен отдаваться специальной норме. [3 с. 60-64,]

Несмотря на определенное сходство ч. 1 ст. 213 и ч. 1 ст. 148 УК РФ, названные нормы имеют ряд отличительных характеристик.

Первым отличительным признаком состава преступления ч. 1 ст. 213 УК РФ от ч. 1 ст. 148 УК РФ, выступает наличие признака «применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия».

Вторым, не менее важным отличием выступает такой объективный признак как «публичность», закрепленный в ч. 1 ст. 148 УК РФ.

По своей природе, ст. 148 УК РФ относится к преступлениям экстремистской направленности, в связи с чем, для толкования признака публичности можно воспользоваться разъяснением Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 N 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» согласно которому: «Под публичными призывами (ст. 280 УК РФ) следует понимать выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности.

Разграничить составы преступления, предусмотренных анализируемые составы также поможет и субъективная сторона преступлений.

Субъективная сторона преступления ч. 1 ст. 148 УК РФ

характеризуется виной в форме прямого умысла. Виновный сознает общественно опасный характер своих действий и желает их совершить. Как справедливо указывает Шилин Д.В., ч. 1 ст. 148 УК РФ совмещает в себе правовую природу хулиганства и деяния экстремистской направленности, однако в нем преобладает экстремистский, а не хулиганский мотив. [4, электронный ресурс]

Как отмечается в юридической литературе, «преступлениям экстремистской направленности свойственна избирательность действий, стремление продемонстрировать свое негативное отношение не к обществу в целом, а к его отдельной части» [5, электронный ресурс]. Обязательным элементом субъективной стороны ч. 1 ст. 148 УК РФ является цель - оскорбление религиозных чувств верующих. При этом оскорбление выражается отнюдь не в стремлении унижить честь и достоинство человека, оскорблению должны подвергаться именно религиозные чувства лица, которое относит себя к приверженцам определенной религии [1, электронный ресурс]

Для хулиганства, принадлежность к той или иной группе никакого значения не имеет, основная цель, это противопоставить себя обществу, показать пренебрежительное отношение к окружающим.

Список литературы:

1. Бимбинов А.А., Воронин В.Н. Уголовная ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий по законодательству России и Германии // *Lex russica*", 2017, № 11.

2. Коняхин В.П., Бахметьев П.В. Ответственность за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих: доктринальный, законодательный и правоприменительный аспекты // *Российский судья*, 2017, № 10.

3. Никитенко И.В., Хомик Э.В. Уголовная ответственность за посягательства на свободу совести и межконфессиональное согласие: вопросы теории и законодательства // *Вестник ДВЮИ МВД России*. 2017. N 1 (38). С. 60 - 64.

4. Шилин Д.В. Уголовная и административная ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповедания: проблемы разграничения // *Журнал российского права*, 2016, № 5

5. Борисов С. Проблемы определения содержания и соотношения мотивов при квалификации преступлений экстремистской направленности // *Уголовное право*. 2013. № 6. С. 7.

Комаров И.М.

профессор кафедры криминалистики
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
доктор юридических наук, профессор

Несколько актуальных тезисов о «цифровой» криминалистике

В настоящее время очевидным представляется факт того, что в криминалистике в силу объективных обстоятельств и связанных с ними усилий в первую очередь таких ученых как Б.В. Андреев, А.Г. Волеводз, А.В. Варданян, В.Б. Вехов, А.Н. Григорьев, В.В. Крылов, М.К. Каминский, Л.Б. Краснов, А.Л. Осипенко, Н.С. Полевой, Н.Н. Федотов, Н.Г. Шурухнов зародился такой институт как «цифровая» криминалистика.

В этой связи возникают естественные вопросы: что теперь делать дальше, какая тенденция должна возобладать в криминалистике относительно развития в границах ее предмета «цифровой» криминалистики, в качестве нового института, кто и как должен действовать в отношении развития этого института в теории науки и внедрения новых данных в практику правоприменительной деятельности?

Это только очевидные вопросы, так как их последовательное разрешение закономерно будет порождать новые вопросы и обуславливать объективные процессы интеграции и дифференциации знаний.

1. Интеграция знаний «цифровой» криминалистики в условиях сформировавшегося языка науки.

Анализ только приведенных в настоящей публикации источников с очевидностью свидетельствует о том, что в криминалистический оборот уже введены новые понятия и их определения, которые у традиционного криминалиста (если это понятие считать допустимым) вызывают затруднения для понимания, что требует его обращения к источникам, которые толкуют эти понятия. Без этого не представляется возможным «встраивать» их в криминалистические системы (рекомендации и т.п.) как для теоретических, образовательных целей, так и для правоприменительной деятельности.

Первое, что приходит в качестве способа и средства решения вопроса – формализация этого нового для криминалистического употребления языка на основе совместной деятельности в данном направлении криминалистов и математиков, при соблюдении криминалистических приоритетов относительно значимости того или иного понятия для элементов криминалистической систематики. Задача не простая если иметь в виду динамику постоянных изменений, происходящих собственно в «цифровом» языке с учетом того, что среди криминалистов имеется не много специалистов готовых правильно отражать эти изменения с пониманием того насколько они могут быть полезны собственно криминалистике. В этой связи нам представляется более целесообразной обратное отношение этого взаимодействия по формуле – математики объясняют понятие, через его определение, криминалисты принимают и «встраивают» («не встраивают») понятие в элементы системы криминалистических данных. Возможны и другие варианты решения этой «языковой» криминалистической проблемы.

Развитие языка важно для любой науки, так как он относится к одному из фундаментальных факторов ее характеризующих, которые, наряду с объектом, предметом, методами и прочими основаниям делают совокупность знаний собственно наукой то есть областью человеческой деятельности, направленной на выработку и систематизацию объективных знаний о действительности. В основе этой деятельности всегда лежит сбор фактов, их постоянное обновление и систематизация, критический анализ и, на этой основе, синтез новых знаний или обобщений, которые не только описывают наблюдаемые природные или общественные явления, но и позволяют построить причинно-следственные связи с конечной целью прогнозирования. Гипотезы, которые подтверждаются фактами или опытами, формулируются в виде законов природы или общества.

2. Здесь следует обратиться к предмету криминалистики и закономерностям, которые его определяют. В их ряду закономерности механизма преступления, которые реализуются посредством деятельности субъекта преступного события, комплекса действий, поступков и иных движений жертвы преступления, лиц, оказавшихся косвенно связанных с преступным событием и отдельных элементов обстановки, используемых участниками преступного события, а также предмет преступного посягательства. Это традиционный ряд закономерностей предмета криминалистики, характеризующий преступную деятельность, однако содержательно по умолчанию он подразумевает и «цифровые» следы-последствия преступной деятельности, но криминалистами они практически не изучены и для их изучения мало что делается. Данный факт определяет необходимость выдвижения для последующего изучения соответствующей гипотезы относительно понятия «цифровых» следов-последствий, закономерностей их образования в процессе преступной деятельности и т.п. положений, которые на основе их опытно-фактического криминалистического подтверждения будут обоснованы и сформулированы в виде закономерных явлений, что будет способствовать использованию этого знания в процессе правоприменительной деятельности.

3. Элементы системы криминалистики структурно связаны между собой и, традиционно, криминалисты выделяют четыре элемента науки (общая теория, криминалистическая техника, тактика и методика). В соответствии с этой системой и следует развивать знание о «цифровых» следах-последствиях преступлений, где были использованы соответствующие компьютерные технологии и средства для достижения преступных целей. На наш взгляд широту и глубину этой проблемы в настоящее время представить себе достаточно трудно, так как, в первую очередь, в современной криминалистике отсутствуют фундаментальные теоретические знания объясняющие эту проблему. Их накопление, систематизация и описание должно протекать в соответствии и на основе данных анализа судебно-следственной практики, где усматривается использование компьютерных технологий в процессе совершения преступлений. Но соответствующее криминалистическое теоретическое

исследование должно проводиться криминалистами во взаимодействии и тесном сотрудничестве с математиками, специалистами в области ай-ти технологий.

4. Можно дальше раскрывать недостатки современной криминалистической теории относительно отсутствия в ее содержании данных о «цифровых» следах-последствиях преступлений и компьютерных технологиях, используемых при их совершении, однако мы не преследуем в настоящей публикации эту цель. Для нас важно обратить внимание криминалистов и, в первую очередь молодых криминалистов (традиционные криминалисты в силу ряда причин не способны решать эту задачу), на давно назревшую проблему, которая уже много лет находится в состоянии застоя и никак не решается и, возможно, этой публикацией хотя бы немного «сдвинуть» ее с места. Разрыв между практикой расследования преступлений, где имеют место «цифровые» следы-последствия преступной деятельности и теорией криминалистики, связанной с обучением и образованием будущих правоприменителей с каждым днем все больше увеличивается. Между тем в современной правоохранительной практике все чаще «цифровые» технологии становятся предметом следственной деятельности по расследованию преступлений и в этой связи следователи действуют не по криминалистическому алгоритму, который для этих ситуаций не разработан, а интуитивно, как «бог на душу положит». В качестве примера приведем проанализированную практику расследования преступлений, где криптовалюта (в данном анализе – биткойн) уже активно используется в качестве средства достижения преступного результата.

5. Закономерным в этой связи вопрос – с чего начать? На него знает ответ любой мало-мальски подготовленный криминалист – с изучения соответствующей практики расследования преступлений. Данные анализа этой практики определяют вектор изучения, в первую очередь, связанный с изучением способа совершения преступления (в широком смысле этого слова), где преступником были применены компьютерные технологии и в соответствии с их использованием достигнут преступный результат. Данные действия по их последствиям «укажут» на соответствующие «цифровые» следы преступления. Очевидно, что эти следы могут найти свое отражение, конечно же не только посредством вербальных способов и средств. В первую очередь это технические средства, которые имеют соответствующее прикладное назначение. Об этом должны знать обучаемые криминалистике будущие правоприменители. Может быть есть необходимость проводить их обучение и относительно возможностей непосредственного использования подобных технических криминалистических средств, в соответствии с рекомендациями их производителя.

Изменение технико-криминалистического сопровождения раскрытия и расследования преступлений, где использованы компьютерные технологии закономерно потребует и изменения традиционного характера

его тактического и методического сопровождения. Это означает, что в соответствии с появлением в системе расследования «цифровых» следов-последствий преступной деятельности возникнет необходимость изменения криминалистических процедур их тактической криминалистической фиксации посредством следственных действий.

6. Подобные изменения и трансформации закономерно последуют и в методиках расследования отдельных видов преступлений.

Можно предположить, что эти процессы затронут не только криминалистику, но и уголовный процесс, так как для объективной фиксации «цифровых» следов-последствий преступлений может возникнуть необходимость в изменениях определенных процессуальных форм или обосновании новых процессуальных форм.

Приведенные тезисы отражают только верхушку айсберга, которым нам представляется «цифровая» криминалистика. Однако криминалистам нельзя уходить от этого вопроса по причине его объективной постановки. Полагаем, что правильным направлением в решении всех возникающих в этой связи проблем возможно только на основе научно-практического сотрудничества и взаимодействия специалистов в области традиционных криминалистических знаний со специалистами в области цифровых технологий, разработчиками программного обеспечения и соответствующих средств для этого использования предметно предназначенных для выявления цифровых следов-приготовления к преступлению и следов последствий этих преступлений.

Кравченко Р.М.

старший преподаватель кафедры
уголовного права, криминологии
и уголовно-исполнительного права
Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации

Состояние и основные направления совершенствования уголовно-правовых средств обеспечения безопасности работ и услуг

Разработка и совершенствование правовых средств обеспечения безопасности граждан при выполнении работ и оказании услуг является приоритетной задачей государства.

В качестве именно уголовно-правовых средств обеспечения безопасности при выполнении работ и оказании услуг выступают уголовная политика, уголовно-правовые нормы-запреты, уголовное правоотношение как способ реализации норм права и практика применения уголовного закона.

Уголовная политика является наиболее общим средством обеспечения

безопасности при выполнении работ и оказании услуг, она находит отражение в остальных уголовно-правовых средствах и реализуется в их рамках. Как справедливо отмечает Н.А. Лопашенко, приоритет уголовно-правовой политики проистекает из того, что только в ее рамках решаются такие принципиальные для каждого государства проблемы, как установление основания и принципов уголовной ответственности, определение круга преступных деяний и видов наказаний и иных мер уголовно-правового характера за них [1, с. 160–161].

Следовательно, уголовно-правовая политика включает в себя определение принципов уголовного права (как содержащихся в Уголовном кодексе, так и не закрепленных в нем); определение круга преступных деяний путем их криминализации и декриминализации; определение общих начал уголовной ответственности, в том числе институтов наказания и иных мер уголовно-правового характера, разработку оснований и порядка их применения и условий освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Обеспечение безопасности работ и услуг в первую очередь осуществляется путем установления уголовно-правовых запретов нарушений правил и требований безопасности при выполнении работ и оказании услуг.

На сегодняшний день результатом криминализации общественно опасных деяний, связанных с небезопасным выполнением работ и оказанием услуг, является широкий круг составов, предусматривающих ответственность за совершение преступлений при выполнении различных видов работ и оказании различных видов услуг. Подобная законодательная практика основана прежде всего на учете различной степени опасности тех или иных видов работ и услуг.

Так, уголовный закон содержит составы преступлений, предусматривающие ответственность за совершение общественно опасных деяний без привязки к какому-либо конкретному виду работ или услуг (например, ст. 109, 118, 143 и 219 УК РФ). Вместе с тем ввиду повышенной потенциальной опасности горных или строительных работ ответственность за нарушение правил безопасности при их ведении предусматривается специальным составом (ст. 216 УК РФ).

Однако зачастую дифференциация сферы выполнения работ и оказания услуг учитывается в ущерб системности построения уголовно-правовых норм. Для усиления превентивного воздействия законодатель по-разному конструирует различные составы преступлений. Формулирование составов преступлений, предусматривающих ответственность за небезопасное выполнение работ и оказание услуг, как формальных составов или составов опасности (например, ст. 215 и 238 УК РФ) значительно затрудняет разграничение подобных составов преступлений и составов административных правонарушений в данной сфере.

Данные обстоятельства свидетельствуют о том, что уголовно-правовая политика вряд ли может быть признана достаточно эффективной в обеспечении безопасности работ и услуг.

Показатели регистрации и раскрываемости преступлений в связи с активно и постоянно меняющимся уголовным законом не могут служить объективным свидетельством эффективности противодействия совершению преступлений, в том числе связанных с нарушением правил и требований безопасности при выполнении работ и оказании услуг.

В рамках социального контроля над преступностью большей эффективностью обладают именно деятельность общественности по предупреждению и порицанию совершения общественно опасных деяний, а также деятельность контролирующих и надзирающих органов.

На современном этапе развития российского общества обоснованно сужение области уголовного наказания. Оно обеспечивает, в частности, правильную оценку роли и значения кары в воздействии на личность, необходимость, по возможности, применять меры воспитательного характера к лицам, впервые совершившим менее опасные преступления [2, с. 9].

Для достижения надлежащего уровня обеспеченности безопасности граждан, общества и государства в процессе выполнения работ и оказания услуг приоритетным направлением видится повышение уровня правосознания населения, а именно надлежащего отношения исполнителей работ и услуг к существующим правилам и требованиям безопасности.

Безусловно, полное исключение ненадлежащего отношения и следование существующим правилам и требованиям безопасности при выполнении работ и оказании услуг недостижимо лишь повышением общего уровня правосознания населения. В морали отдельных социальных групп населения возможны негативные стандарты, стереотипы, воззрения, которые прямо противоположны позициям, заложенным в праве [3, с. 13].

В рамках этой категории граждан особо актуальной и приоритетной является деятельность контролирующих и надзирающих органов по выявлению нарушений правил и требований безопасности и привлечению к ответственности лиц, допустивших их.

Цель предупреждения совершения преступлений в рассматриваемой сфере должна в первую очередь достигаться не усечением составов преступлений, а действенной реализацией средств контрольной и надзорной деятельности и использованием имеющихся законных средств привлечения виновных к административной, гражданской либо иной ответственности. Подмена деятельности контролирующих и надзирающих органов по выявлению фактов нарушения правил и требований безопасности при выполнении работ и оказании услуг формулированием составов преступлений данной категории как «нематериальных» идет вразрез с фактическим содержанием общественной опасности таких преступлений.

Так, В. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ, при следующих обстоятельствах.

В., являясь водителем коммерческого пассажирского автобуса, допустил нарушения правил эксплуатации транспортного средства, а именно не удостоверился в его исправном техническом состоянии. При проверке автобуса сотрудником ГИБДД были выявлены следующие технические

неисправности: не работают стоп сигнал, подсветка государственного регистрационного знака. На основании данного факта органом предварительного расследования сделан вывод об оказании В. услуг населению по перевозке пассажиров, которые не отвечали требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей [4].

Данное судебное решение, на наш взгляд, служит негативным примером обеспечения безопасности работ и услуг посредством применения уголовного закона. Противоправность деяния и как следствие юридическая конструкция состава является формой закрепления деяния в уголовном законе, в то время как общественная опасность является его содержанием. Юридическую оценку и меры уголовно-правового характера должна определять именно сущность деяния, а не форма его описания в тексте уголовного закона. Следствием же подмены деятельности контролирующих и надзирающих органов усилением превентивного действия уголовно-правовой нормы явилось то, что содержательно однородные деяния обладают разными качественными и количественными показателями общественной опасности.

Так или иначе, нормы уголовного закона реализуются посредством возникающих уголовных правоотношений. Регулятивные уголовные правоотношения состоят в практике применения норм уголовного закона в связи с совершением лицом конкретного преступления. Особенностью правоприменения в сфере обеспечения безопасности работ и услуг является отсутствие единства практики квалификации случаев небезопасного выполнения работ и оказания услуг. Данное обстоятельство обусловлено тем, что уголовно-правовая оценка нарушений правил и требований безопасности в данной сфере осложнена наличием практически идентичных составов административных правонарушений (например, ст. 14.4 КоАП РФ и ст. 238 УК РФ).

Кроме того, одной из причин проблем правоприменения в сфере обеспечения безопасности работ и услуг является противоречивость и порой несогласованность положений отраслевого законодательства, составляющего базу для анализируемых составов преступлений (например, противоречия законодательства, регулирующего сферу медицинского вмешательства, создают трудности в юридической оценке случаев небезопасного оказания медицинской помощи и медицинских услуг).

В рамках совершенствования правоприменения в рассматриваемой отрасли видится важным аспектом реализация принципа неотвратимости наказания, а также соблюдение принципа законности, что находит свое отражение в квалификации общественно опасного деяния в строгом соответствии с положениями уголовного закона, а также в назначении законного и справедливого наказания. Представляется, что «своевременное» и законное привлечение к уголовной ответственности лица, игнорирующего существующие правила и требования безопасности выполнения работ и оказания услуг, позволит повысить эффективность уголовно-правовых средств предупреждения совершения преступлений в анализируемой сфере.

Особенно актуальным является обеспечение привлечения к уголовной ответственности лица, совершившего общественно опасное деяние, путем четкого описания квалификационных признаков состава преступления в тексте уголовного закона, а также распространение единообразной практики толкования и применения уголовно-правовых норм. Кроме того, в достижении законного и эффективного уголовно-правового обеспечения безопасного выполнения работ и оказания услуг особую важность представляет верное толкование и использование в процессе квалификации общественно опасных деяний положений отраслевого законодательства, регулирующего законный порядок выполнения работ и оказания услуг.

Список литературы:

1. Лопашенко, Н. А. Основы уголовно-правового воздействия / Н. А. Лопашенко. - Санкт-Петербург.: Юридический центр Пресс, 2004. - 200 с.
2. Миренский, Б. А. Теоретические основы совершенствования советского уголовного законодательства / Б. А. Миренский; отв. ред. Г. А. Ахмедов - Ташкент : Узбекистан, 1983. - 120 с.
3. Лукашева, Е. А. Социально-этические проблемы социалистической законности / Е. А. Лукашева // Советское государство и право. - 1982. - № 4. - С. 12 -21.
4. Приговор Красносельского районного суда г. Санкт-Петербурга от 27 сент. 2017 г. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 04.02.2018).

Ларинков А.А.

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

Актуальные правоприменительные проблемы при проведении оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» в отношении субъектов предпринимательской деятельности

В современный период выявление прокурором нарушений законодательства в практике органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ) «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» в отношении субъектов предпринимательской деятельности является весьма сложной задачей. В

первую очередь обусловленной высокими требованиями оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства, предъявляемыми к результатам оперативно-розыскной деятельности (далее – результаты ОРД), к процессу доказывания в целом, и к отдельным видам доказательств, которые формируются в уголовном судопроизводстве на основе представленных результатов ОРД.

В таких условиях высокое значение приобретает необходимость соблюдения правовых норм органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность в ходе производства и документирования ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» в отношении субъектов предпринимательской деятельности, результаты которого в дальнейшем представляются для использования в уголовном судопроизводстве.

Оценивая состояние законности при осуществлении оперативно-розыскной деятельности в целом, следует отметить, что надзор за соблюдением законодательства в рассматриваемой сфере на протяжении длительного времени является приоритетным направлением работы органов прокуратуры [1, с.8-11; 2, с.9-11; 3, с. 9-11].

Обобщение прокурорско-надзорной практики, которое проводилось профессорско-преподавательским составом Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации в 2017/18 учебном году показывает, что в различных регионах Российской Федерации прокурорскими проверками устанавливаются многочисленные нарушения закона, в части обоснованности проведения и документирования (процессуального оформления) ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» в отношении субъектов предпринимательской деятельности [4]. Это происходит как из-за несогласованности действий сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, так и по причине нечеткого соблюдения установленных законом норм. Кроме того, обстоятельством, усложняющим ситуацию, является отсутствие единого нормативного регулирования процедуры получения и документирования результатов ОРД при наличии большого количества ведомственных (подзаконных) актов, зачастую вступающих в противоречие с законом.

Как известно руководством страны и Генеральной прокуратуры Российской Федерации уделяется особое внимание вопросам защиты прав предпринимателей в России. В последние годы органами прокуратуры активно принимались меры к значительному повышению уровня эффективности осуществления надзора за соблюдением законодательства в сфере защиты прав субъектов предпринимательской деятельности. В результате принятых мер, удалось сократить количество нарушений допускаемых при изъятии имущества на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, и практически исключить факты необоснованного изъятия имущества предпринимателей в ходе проведения доследственных проверок при рассмотрении сообщений о преступлениях.

Однако, практика надзорной деятельности за соблюдением законодательства при осуществлении оперативно-розыскной деятельности свидетельствует о том, что одним из наиболее проблемных направлений в соблюдении законности при защите прав предпринимателей в настоящее время является сфера производства ОРМ «обследование помещений, зданий сооружений, участков местности и транспортных средств». Так, например, в результате изучения материалов надзорных производств по жалобам на действия и решения органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, установлено, что «в основном поступающие в органы прокуратуры обращения касались вопросов законности проведения оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий сооружений, участков местности и транспортных средств» в хозяйственных (административных) помещениях предпринимателей и в жилище граждан» [5, с. 1].

Прокурорами, уполномоченными на осуществление надзора в указанной сфере, выявлялись существенные нарушения прав предпринимателей при проведении ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» когда органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность незаконно изымали документы, предметы и материалы участников экономической деятельности, в том числе необходимые для надлежащего функционирования проверяемого правоохранными органами предприятия.

В результате проверок прокурорами неоднократно установлены случаи проведения вышеупомянутых ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» в отношении субъектов предпринимательской деятельности при отсутствии достаточных оснований для их проведения, либо вынесения руководителями органов осуществляющих оперативно-розыскную деятельность немотивированных распоряжений о проведении таких ОРМ. Систематически выявляются нарушения порядка проведения и документирования ОРМ (процессуального оформления полученных результатов), а также процедуры представления органам предварительного расследования результатов ОРД полученных в ходе проведения ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» в отношении субъектов предпринимательской деятельности.

О значимости рассматриваемых проблем говорит тот факт, что в различных регионах Российской Федерации широкое распространение получила практика обжалования стороной защиты законности и обоснованности проведенных ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» в отношении субъектов предпринимательской деятельности с тем, чтобы, как следствие, поставить под сомнение законность и обоснованность уголовных дел, возбужденных по их результатам.

О том, что обстановка является сложной и требует значительного усиления ответственности должностных лиц всех правоохранительных органов, подтверждается материалами надзорных производств по жалобам на

действия и решения органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность [6,7], а также практикой Верховного Суда Российской Федерации, который отметил, что рассматривая жалобу на постановление о возбуждении уголовного дела суду необходимо обращать особое внимание на действия и мероприятия, связанные с обследованием помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств. А в случае выявления нарушений закона, влекущих признание полученных доказательств недопустимыми, оценивать достаточность данных, указывающих на признаки преступления, без учета результатов таких действий и мероприятий [8].

В этой связи надзорная деятельность на данном направлении работы требует постоянного повышения качества и эффективности. С обязательными системными проверками соблюдения всех требований законодательства при проведении таких ОРМ, тщательным исследованием всех имеющихся в оперативных подразделениях материалов и незамедлительном принятии мер прокурорского реагирования при установлении нарушений закона. Прокурорам при этом, следует занимать последовательную, жесткую и принципиальную позицию по всем фактам нарушения требований законодательства в рассматриваемой сфере.

Список литературы:

1. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации от 23 марта 2016 года // Генеральная прокуратура Российской Федерации: сайт. URL : <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1067532/> (Дата обращения 21.05.2018г.).

2. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации от 14 марта 2017 года // Генеральная прокуратура Российской Федерации: сайт. URL : <http://genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-1171585/> (Дата обращения 21.05.2018г.).

3. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации от 15 февраля 2018 года // Генеральная прокуратура Российской Федерации: сайт. URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-1333942/> (Дата обращения 21.05.2018г.).

4. Результаты проведенных опросов слушателей, проходивших повышение квалификации в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации. В опросе приняло участие более 300 человек.

5. Информационное письмо заместителя Генерального прокурора РФ В.Я. Гриня от 9 апреля 2018 г. N 36-10-2018 «О результатах изучения материалов надзорных производств по жалобам на действия и решения органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность».

6. Информационное письмо заместителя Генерального прокурора РФ В.Я. Гриня от 18 сентября 2017 г. N 36-11-2017 «О порядке проведения оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий,

сооружений, участков местности и транспортных средств».

7. Информационное письмо заместителя Генерального прокурора РФ В.Я. Гриня от 9 апреля 2018 г. N 36-10-2018 «О результатах изучения материалов надзорных производств по жалобам на действия и решения органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность».

8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности». [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения 21.05.2018г.).

Лосев В.В.

заместитель директора Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Направления оптимизации уголовно-правовых норм о воинских преступлениях в Республике Беларусь

Сравнительно-правовой и системный анализ норм главы 37 «Воинские преступления» Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) позволяет сделать вывод о назревшей необходимости их оптимизации, прежде всего путем исключения отдельных статей из этой главы. Это не будет декриминализацией деяний, сохраняющих общественную опасность. Такие посягательства, совершенные лицами, на которых распространяется статус военнослужащего, будут квалифицироваться по соответствующим статьям других глав УК.

Прежде всего сказанное относится к воинским преступлениям начальников и должностных лиц против интересов службы (их традиционно называют воинскими должностными преступлениями), предусмотренным ст. 455 «Злоупотребление властью, превышение власти и бездействие власти» и ст. 456 «Халатное отношение к службе» УК. Это связано в т.ч. с внесенными в УК в 2009 г. изменениями и дополнениями, которые повлекли неоправданное смягчение уголовной ответственности воинских начальников и должностных лиц за умышленные деяния и необоснованную декриминализацию отдельных общественно опасных форм воинских должностных нарушений, при этом пределы криминализации халатного отношения к службе (ст. 456 УК) для военнослужащих оказались шире по сравнению с иными должностными лицами.

Эти обстоятельства, в том числе возникшие на практике проблемы правоприменения, вызывают необходимость совершенствования уголовного закона в части определения ответственности военнослужащих – начальников

и должностных лиц. Для всех должностных лиц независимо от нахождения на воинской службе должны быть одинаковые основания и пределы уголовной ответственности за посягательства против интересов службы. По нашему мнению, наиболее оптимальный путь – исключить ст.ст. 455 и 456 из главы 37 «Воинские преступления» УК. Подобное решение не повлечет декриминализации преступлений военнослужащих – начальников и должностных лиц. Их деяния будут квалифицироваться по соответствующим ст.ст. 424–428 главы 35 УК. К примеру, военнослужащие – должностные лица за получение взятки всегда несли ответственность по ст. 430 УК, за хищение имущества путем злоупотребления служебными полномочиями – по ст. 210 УК. Такое решение позволит обеспечить принцип равенства граждан перед законом (ч. 3 ст. 4 УК).

Для сравнения, в главе 33 «Преступления против военной службы» Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. (далее – УК РФ) изначально уже не были предусмотрены специальные нормы об ответственности военнослужащих – должностных лиц. Содеянное ими квалифицируется в России по статьям 285–293 главы 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» УК РФ, о чем прямо сказано в ч. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ.

Проанализируем некоторые иные так называемые «смешанные» воинские преступления, которые посягают на два объекта (или более) и схожи по основным признакам объективной стороны с преступлениями, запрещенными в других главах УК. Это, прежде всего, предусмотренное ст. 464 УК нарушение правил вождения или эксплуатации боевой, специальной или транспортной машины, повлекшее по неосторожности причинение менее тяжкого телесного повреждения (ч. 1), причинение смерти человека либо тяжкого телесного повреждения (ч. 2), смерти двух или более лиц (ч. 3). Ответственность в чч. 1, 2 и 3 ст. 464 УК дифференцирована только в зависимости от характера и размера физического вреда. Каких-либо квалифицирующих признаков, в т.ч. причинение по неосторожности иных тяжких последствий, ст. 464 УК не предусматривает.

Сходным по объективной стороне с этим воинским преступлением является общее по отношению к нему неосторожное преступление, предусмотренное ст. 317 «Нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств» УК. В чч. 1, 2 и 3 этой статьи предусмотрены такие же последствия, как и в чч. 1, 2 и 3 ст. 464 УК. Вместе с тем в 2013 г. ст. 317 УК была дополнена чч. 4 и 5, в которых ужесточена ответственность до 7 и до 10 лет лишения свободы соответственно за нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств в состоянии алкогольного опьянения или в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ (далее – в состоянии опьянения), повлекшее по неосторожности смерть человека либо тяжкое телесное повреждение (ч. 4), смерть двух или более лиц (ч. 5).

Криминализация деяний должна проводиться тогда, когда какое-либо поведение признается общественно опасным в связи с причинением (возможностью причинения) существенного вреда. Криминализация посягательств на безопасность движения и эксплуатации транспорта обусловлена не самим фактом нарушения тех или иных правил, а последствиями, которые вследствие нарушений наступают, что и представляет общественную опасность. Поэтому не имеет значения, в результате нарушения каких именно правил безопасности движения или эксплуатации транспорта – общих (предусмотренных, в частности, Правилами дорожного движения) или специальных (установленных в т.ч. нормами законодательства об обороне), а также при управлении каким транспортом и кому именно принадлежащим (воинским формированиям или иным организациям, частным лицам) наступили общественно опасные последствия.

Санкции в чч. 1–3 ст. 317 и чч. 1–3 ст. 464 УК практически не различаются. Но при этом в ст. 464 УК, в отличие от ст. 317 УК, не предусмотрена повышенная ответственность за повлекшие тяжкие последствия нарушение, допущенное в состоянии опьянения, что ставит лиц, на которых распространяется статус военнослужащего, по сути, в привилегированное положение по сравнению с иными лицами, а это противоречит принципу равенства граждан перед законом (ч. 3 ст. 4 УК).

Изложенное позволяет сделать вывод не только о возможности, но и о необходимости исключения ст. 464 из главы 37 УК с применением во всех случаях к лицам, на которых распространяется статус военнослужащего, соответствующей части ст. 317 УК.

«Смешанными» являются и некоторые другие составы воинских преступлений. Это, прежде всего, умышленное уничтожение либо повреждение военного имущества (ст. 459 УК; схожее преступление – умышленное уничтожение либо повреждение имущества – ст. 218 УК), уничтожение либо повреждение военного имущества по неосторожности (ст. 461 УК; схожее – уничтожение либо повреждение имущества по неосторожности – ст. 219 УК); нарушение правил обращения с оружием, материалами, веществами и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих (ст. 463 УК; схожее – нарушение правил обращения с огнестрельным оружием, взрывоопасными, легковоспламеняющимися, едкими веществами или пиротехническими изделиями – ст. 299 УК) и нарушение правил полетов или подготовки к ним (ст. 465 УК; схожее – нарушение правил безопасности движения или эксплуатации ... воздушного ... транспорта ... – ст. 314 УК).

Однако просто исключение ст.ст. 461, 463 и 465 из главы 37 «Воинские преступления» УК невозможно. В частности, ч. 2 ст. 463 «Нарушение правил обращения с оружием, материалами, веществами и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих» УК и ч. 1 ст. 465 «Нарушение правил полетов или подготовки к ним» УК наряду с причинением по неосторожности смерти предусматривают альтернативно

«иные тяжкие последствия», ст. 461 «Уничтожение либо повреждение военного имущества по неосторожности» УК – в целом все «тяжкие последствия», чего нет соответственно в ст.ст. 299, 314 и 219 УК. Вместе с тем в условиях воинской службы в результате нарушения названных правил, а также уничтожения либо повреждения военного имущества по неосторожности могут наступить и такие тяжкие последствия, как, к примеру, не повлекшие ущерб в особо крупном размере уничтожение (повреждение) единичных либо имеющих особое значение образцов вооружения и военной техники, подрыв (уменьшение) боеготовности и боеспособности воинской части, срыв выполнения боевой задачи, тяжкие экологические последствия. Исключение ст.ст. 461, 463 и 465 из главы 37 УК возможно только при условии дополнения соответствующих частей ст.ст. 219, 299 и 314 УК альтернативно «иными тяжкими последствиями».

Вместе с тем ст. 459 «Умышленное уничтожение либо повреждение военного имущества» исключать из УК нельзя. Криминообразующим признаком уголовно-наказуемого уничтожения либо повреждения имущества (ст. 218 УК) является значительный размер ущерба (в сорок и более раз превышающий размер базовой величины). Подобного ограничения минимального размера ущерба ст. 459 УК не содержит. Однако применительно к военному имуществу, прежде всего к оружию, боеприпасам, военной технике существенную общественную опасность представляет их уничтожение или повреждение даже в размере, не составляющем названного значительного ущерба. Поэтому ст. 459 УК должна быть сохранена в главе 37 «Воинские преступления» УК.

Проведенный анализ норм белорусского уголовного закона позволяет констатировать отсутствие необходимости выделять отдельные специальные уголовно-правовые нормы для лиц, на которых распространяется статус военнослужащего. Исключение названных статей из главы 37 «Воинские преступления» УК не отразится в худшую сторону на уголовно-правовой охране интересов воинской службы и, вместе с тем, когда это допустимо, позволит обеспечить одинаковые основания и пределы уголовной ответственности за общественно опасные посягательства для всех лиц независимо от нахождения на воинской службе и в целом соблюдение принципа равенства перед законом. Изложенные соображения могут быть использованы при изменении уголовного законодательства Российской Федерации.

Лукашев Г.С.

начальник юридического отдела
Комитета государственного жилищного
надзора и контроля Ленинградской
области,
соискатель кафедры уголовного права,
криминологии и уголовно-
исполнительного права
Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации,

Уголовно-правовые средства противодействия хищениям, совершаемым лицом с использованием своего служебного положения

Хищения, совершаемые использованием служебного положения, обладают повышенной общественной опасностью. Рассматриваемые деяния наносят существенный вред как частным интересам, так и интересам публичным, что неизбежно оказывает негативное влияние на социальную и экономическую сферы жизни общества. Наряду с причинением материального вреда служебные хищения наносят и организационный вред, что влечет, в свою очередь, умаление интересов службы [1, с. 19].

Среди основных уголовно-правовых средств противодействия служебным хищениям следует выделить совершенствование действующего уголовного законодательства, а также правоприменительной практики. В то же время некоторые иные правовые средства могут содействовать решению проблем, связанных с квалификацией преступлений (в частности, совершенствование законодательства, регламентирующего иные общественные отношения).

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) не предусматривает служебное хищение как самостоятельный состав преступления в отличие от УК РСФСР, предусматривавшего ответственность за хищение, совершенное путем злоупотребления служебным положением[3].

В действующем УК совершение преступления с использованием лицом служебного положения не является обстоятельством, отягчающим наказание, предусмотренным ст. 63 УК РФ. Хищение с использованием своего служебного положения предусматривается в качестве квалифицирующего признака в статьях, устанавливающих уголовную ответственность за мошенничество, присвоение или растрату[2, с. 50].

В соответствии с п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 [5] под лицами, использующими свое служебное положение при совершении мошенничества, присвоения или растраты следует понимать должностных лиц, обладающих признаками, предусмотренными п. 1 примечаний к ст. 285 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), государственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами, а также иных лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным п. 1 примечаний к ст. 201 УК РФ, то есть как должностных

лиц, так и лиц, осуществляющих управленческие функции в организациях[3].

Однако, как следует из анализа норм отечественного законодательства о труде, понятие «служба», «служащий» используется применительно к государственной службе. Иные виды трудовой деятельности охватываются понятием «работник».

Так, согласно ст. 20 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ) трудовые отношения возникают между работником и работодателем на основании трудового договора, заключаемого ими в соответствии с настоящим Кодексом. Сторонами трудовых отношений являются работник и работодатель. Работник - физическое лицо, вступившее в трудовые отношения с работодателем[4].

Трудовое законодательство применяется к отношениям, связанным с прохождением государственной гражданской службы, субсидиарно (в части, не урегулированной специальным законом о государственной гражданской службе). Сторонами служебного контракта на государственной гражданской службе являются наниматель и государственный гражданский служащий.

Данное обстоятельство не позволяет приравнять понятие «работник» к понятию «служащий».

Данное противоречие необходимо устранить, закрепив в законодательстве понятие «служащий», к которому следует отнести также и работников, осуществляющих трудовую деятельность на основании трудового договора.

В ст. 11 ТК РФ установлено, что трудовое законодательство и иные акты, содержащие нормы трудового права, не распространяются на следующих лиц (если в установленном ТК РФ порядке они одновременно не выступают в качестве работодателей или их представителей): военнослужащие при исполнении ими обязанностей военной службы; члены советов директоров (наблюдательных советов) организаций (за исключением лиц, заключивших с данной организацией трудовой договор); лица, работающие на основании договоров гражданско-правового характера; другие лица, если это установлено федеральным законом [4].

В связи с этим, спорным является вопрос об отнесении указанных категорий к субъектам служебных хищений.

К понятию «служебное положение», используемому в Уголовном кодексе РФ, следует отнести использование лицами, состоящими в служебных отношениях, возможностей, авторитета ввиду занимаемого положения, а также единоличное принятие распорядительных решений в целях совершения преступления. Данное определение следует, к примеру, раскрыть в постановлении Пленума Верховного суда РФ.

Относительно реформирования норм об уголовной ответственности за служебные хищения отметим следующее.

Обладание лицом управленческими функциями упрощает совершение хищения, главным образом, если его предметом выступают средства государственных фондов.

На наш взгляд, следует выделить хищение с использованием

служебного положения в отдельный состав преступления, как это было предусмотрено в УК РСФСР. При этом следует ввести дифференциацию ответственности должностных лиц, состоящих на государственной службе или занимающих государственные должности, в зависимости от отнесения их к той или иной категории должностных лиц. К примеру, предусмотреть ответственность за совершение служебного хищения должностным лицом, и служебного хищения, совершаемого лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления.

Следует также отметить на некоторые проблемы квалификации служебных хищений по действующему УК РФ.

По своей сути служебное хищение представляет собой завладение чужим имуществом лицом с использованием своих служебных полномочий, назначение которых в данном случае состоит не в получении доступа к имуществу, а, главным образом, в его изъятии. Иначе содеянное следует квалифицировать как кражу. При совершении служебного хищения в соучастии с лицами, на которых указывает соответствующий квалифицирующий признак, лицами, не обладающими служебными полномочиями, указанные лица должны нести ответственность не в качестве соисполнителей, а в качестве организаторов, подстрекателей или пособников.

Имеющее место в данных составах злоупотребление служебным положением, использование полномочий полностью охватывается объективной стороной служебных хищений и не требует дополнительной квалификации по ст. 285 УК или ст. 201 УК РФ.

Квалификация по совокупности служебных хищений с составами, предусмотренными ст. 285 и 201 УК РФ возможна при реальной совокупности в случае, если злоупотребление должностными или иными полномочиями выступало не способом совершения хищения, а самостоятельным преступлением, совершенным наряду с хищением путем злоупотребления служебным положением.

Список литературы:

1. Борков В.Н. Признание деяния в силу малозначительности непроступком // Уголовное право. 2017. № 1. С. 19.
2. Карабанова Е.Н. Проблемы квалификации сложных служебных преступлений // Уголовное право. 2016. N 3. С. 50 - 56.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Российская газета, № 256, 31.12.2001.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2. Февраль. – 2018.

Серова В.Е.

прокурор отдела по надзору за процессуальной деятельностью органов следственного комитета Северо-Западной транспортной прокуратуры, аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Криминалистическое понятие управленческого преступления в сфере оборонно-промышленного комплекса

Анализ правоприменительной практики показывает, что в сфере оборонно-промышленного комплекса совершаются многочисленные преступления, в ходе расследования которых нередко выявляются факты ненадлежащего исполнения управленческих функций представителями власти различного уровня и руководителями предприятий, входящих в систему ОПК, однако надлежащей правовой оценки таким деяниям не дается. Изложенное дает основание для вывода о необходимости системного подхода к противодействию любым попыткам противоправного поведения в данной отрасли экономики, в том числе и преступлениями, которые могут быть определены как управленческие.

Преступление является объектом исследования целого ряда наук, порождая, как отмечает М.В. Федончук, множество научных дискуссий о его определении, признаках, их законодательном отражении, о его влиянии на общество, причинах и условиях, способствующих его совершению, способах обнаружения, фиксации, исследования и изъятия следов преступлений, о методике выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений и т. д. [7, с. 324 – 330] Такого рода дискуссии ведутся и в науке криминалистике. Одна из задач, которые должны быть решены в связи с этим заключается в выработке единого криминалистического понятия как преступления в целом, так и преступлений различных видов и групп. В одну из таких групп преступлений могут быть объединены управленческие преступления в сфере ОПК. Эти преступления совершаются в одной сфере экономики, что предопределяет сходство способа преступления и обстановки совершения преступления. Все они имеют специфический субъект – лицо, наделенное управленческими функциями. Это и собственно должностные лица, и лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих и иных организациях, которых можно кратко именовать управленцами, служебными лицами или просто службистами. [см.: 3, с. 186 – 190]

Понятие «управленческое преступление» было введено представителями науки уголовного права[2] и в настоящее время может быть воспринято в криминалистике с учетом предмета науки и стоящих перед ней задач. Выработка криминалистического понятия управленческого преступления в сфере ОПК, с нашей точки зрения, позволит разработать максимально эффективные криминалистические рекомендации по

осуществлению расследования, прокурорского надзора и поддержанию государственного обвинения в суде.

В криминалистической литературе уже предпринимались неоднократные попытки выработки криминалистического понятия преступления. Так, как специфическую разновидность человеческой деятельности – процесс взаимодействия преступника и окружающей его среды, порождающий их изменения, которые имеют значение для установления истины по уголовному делу, определяют преступление В.В. Клочков и В.А. Образцов [4]. С точки зрения В.Г. Коломацкого, преступление – это противоправное действие, совершенное субъектом (человеком) в материальной среде, вызвавшее изменение состояния среды, которое в силу закона всеобщей взаимосвязи и взаимозависимости всех явлений в природе и обществе закономерно отражается в результатах этого взаимодействия – следах [5, с. 74]. По мнению Г.А. Густова, в криминалистическом аспекте преступление – это обусловленная обстановкой и в ней отображающаяся конструктивно устойчивая, повторяющаяся, целеустремленная, внутренне согласованная реальная система общественно опасных действий субъекта, которую законодатель стремится предотвратить угрозой уголовного наказания [1, с. 18 – 20].

Изучив и обобщив эти и иные [см., напр.: 6] имеющиеся в науке криминалистике позиции по данному вопросу, позволим себе предложить следующее определение управленческого преступления. Управленческие преступления в сфере ОПК с позиций науки криминалистики можно определить как обусловленную обстановкой и в ней отображающуюся конструктивно устойчивую, повторяющуюся, внутренне согласованную реальную систему общественно опасных действий субъекта, наделенного управленческими функциями в сфере ОПК, совершаемых в связи с реализацией указанных функций, которую законодатель стремится предотвратить угрозой уголовного наказания.

К наиболее типичным управленческим преступлениям в сфере ОПК мы относим злоупотребление должностными полномочиями и злоупотребление полномочиями.

Среди элементов систему управленческого преступления мы выделяем такие как предмет посягательства; субъект посягательства, его физическая и психическая деятельность; место и время посягательства; факты-последствия, вызванные действиями (бездействием) субъекта.

Прим этом, по нашему мнению, системообразующим элементом в данном случае является субъект посягательства, наделенный управленческими функциями в сфере ОПК, определяющими специфику осуществления уголовного преследования. В качестве одной из закономерностей существования системы исследуемой нами группы преступлений можно назвать наличие коррелирующей связи между субъектом и способом преступления, как составной частью физической деятельности субъекта. Как отмечает Н.А. Егорова, управленческая функция субъекта преступления – это основанный на нормах права, юридически определенный

вид властного социального воздействия уполномоченного субъекта на управляемый объект, посредством использования, неиспользования или игнорирования которого (вида) данный субъект совершает преступление. Любое управленческое преступление связано с противоправным изменением содержания, нарушением правовых оснований либо форм осуществления управленческих функций, для многих из них характерно также искажение целей управления. [2]

Подводя итог, отметим, что выработка криминалистического понятия управленческого преступления в сфере ОПК позволит не только выявить криминалистически значимые признаки указанных преступлений, но и связи между отдельными элементами системы преступления, а также закономерности существования системы, что послужит основой для выработки эффективных криминалистических рекомендаций по осуществлению прокурором уголовного преследования по делам об управленческих преступлениях в сфере ОПК.

Список литературы:

1. Густов, Г.А. Проблемы методов научного познания в организации расследования преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Г. А. Густов; НИИ проблем укрепления законности и правопорядка. – Москва, 1993. – 63 с.

2. Егорова Н.А. Теоретические проблемы уголовной ответственности за преступления лиц, выполняющих управленческие функции – Диссертация ... докт. юрид. наук. Специальность 12.00.08. Волгоград – 579 с. – Научная библиотека диссертаций и авторефератов <http://www.dissercat.com> – Дата обращения 24.11.2016.

3. Иванова, И. Г. Лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, как гарант обеспечения экономической безопасности страны и как субъект уголовной ответственности // Экономическая безопасность России. – 2009. – № 1. – С. 186 – 190

4. Клочков, В.В. Преступление как объект криминалистического познания / В.В. Клочков, В.А. Образцов // Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1985. – Вып. 42. – С. 48 – 49.

5. Коломацкий, В.Г. Криминалистическая концепция преступления // Вестник криминалистики. – 2004. – Вып. 3(11). – С. 73 – 75.

6. Серова Е.Б. К вопросу о разработке криминалистического понятия преступления // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: материалы международной научно-практической интернет-конференции, Иркутск, 16 – 30 апреля 2012 г. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2012. – С. 268 – 276.

7. Федончук М.В. Преступление в уголовно-правовом, криминологическом, криминалистическом определениях // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции, 2013. № 6. С. 324 – 330.

Серова Е.Б.

заведующая кафедрой
уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

К вопросу об обстоятельствах, подлежащих исследованию по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ

В 2014 году в уголовный кодекс Российской Федерации была введена ст. 264.1, устанавливающая ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию. Введение указанной правовой нормы было объективно необходимо и за достаточно короткий период времени сформировалась многочисленная и разнообразная практика ее применения. Появились и первые научные исследования вопросов, связанных с осуществлением уголовно преследования лиц, совершивших указанные деяния. [1, 2 и др.] При этом и научные исследования, и анализ судебной-следственной практики показывают, что далеко не всегда органы, осуществляющие предварительное расследование¹ по делам о названных преступлениях, четко представляют себе, какие обстоятельства должны быть установлены и доказаны.

По нашему мнению, особого внимания заслуживают обстоятельства, связанные со событием преступления, и личностью субъекта посягательства, которые обладают известной спецификой.

Как следует из ст.264.1 УК РФ, уголовная ответственность установлена за управление транспортным средством, что предполагает необходимость доказывания обстоятельств, при которых это управление началось, осуществлялось и окончилось (в результате действий сотрудников правоохранительных органов или в результате дорожно-транспортного происшествия, в том числе с тяжкими последствиями). При этом следует исходить из разъяснения Пленума Верховного суда РФ, согласно которому под управлением транспортным средством в смысле ст. 264.1 УК РФ необходимо понимать непосредственное выполнение лицом функций водителя во время движения транспорта. Преступление окончено уже в тот момент, когда субъект привел в движение транспортное средство. [4] Как правило, доказать факт управления транспортным средством не сложно, если лицо было остановлено сотрудниками ГИБДД на дороге (улице, трассе и т.п.). Вместе с тем, определенные сложности в доказывании данного обстоятельства могут возникнуть, если задержание произошло на внутри дворовой территории, поскольку субъект имеет возможность заявить версию защиты о том, что он просто сел в салон своей автомашины, чтобы согреться, отдохнуть от жары и т.п., для чего включил двигатель, однако движения не

¹ В соответствии со ст. 151 УПК РФ предварительное расследование по указанным преступлениям осуществляется в форме дознания.

осуществлял. Данная версия, по нашему мнению, должна рассматриваться как типичная для складывающейся по делу ситуации и требует своего прогнозирования и своевременной проверки со стороны лица, осуществляющего предварительное расследование.

Второе важное обстоятельство, подлежащее доказыванию, связано с исследованием транспортного средства, которым управлял субъект. Под механическим транспортным средством в данном случае понимаются автомобили, автобусы, троллейбусы, трамваи, мотоциклы, квадроциклы, мопеды, иные транспортные средства, на управление которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения предоставляется специальное право, а также трактора, самоходные дорожно-строительные и иные самоходные машины [4]. Кроме того, Пленум Верховного суда РФ в своем Постановлении «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» подчеркивает, что в делах об административных правонарушениях, административная ответственность устанавливается за управление транспортным средством, под которым понимается автотранспортное средство с рабочим объемом двигателя более 50 кубических сантиметров и максимальной конструктивной скоростью более 50 километров в час, в том числе с прицепом, подлежащие государственной регистрации, трактора, другие самоходные дорожно-строительные и иные машины, трамваи, троллейбусы [3]. Таким образом, материалы уголовного дела о преступлении, предусмотренном ст.264.1 УК РФ, должны содержать доказательственную информацию о наименовании транспортного средства, его марке и модели, а также в ряде случаев о его технических характеристиках, что позволит в дальнейшем исключить версию об управлении средством, которое не может рассматриваться как механическое транспортное средство.

Кроме того, в ходе расследования необходимо решать вопрос о наложении ареста на то транспортное средство, которым управлял виновный. Однако следует помнить, что рассматриваться в качестве орудия или предмета преступления оно не может.

Относительно субъекта преступления в ходе расследования должно быть доказано:

1) факт нахождения в состоянии опьянения или отказа от прохождения освидетельствования. При этом наличие в организме водителя веществ, вызывающих алкогольное опьянение, должно быть установлено путем освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и (или) медицинского освидетельствования на состояние опьянения, а наличие в организме такого лица наркотических средств или психотропных веществ - по результатам химико-токсикологических исследований при медицинском освидетельствовании на состояние опьянения [4];

2) законность предъявления данному лицу требования о проведении освидетельствования (наличие оснований для этого и соответствующих

полномочий у должностного лица, которые предъявляло данные требования), соблюдение установленной процедуры направления на освидетельствование (наличие понятых, осуществление видеофиксации и т.д.), а также законность проведения освидетельствования (медицинского освидетельствования), в том числе наличие соответствующей лицензии у медицинской организации, проводившей освидетельствование;

3) надлежащее документальное оформление направления на медицинское освидетельствование и факта нахождения лица в состоянии опьянения или отказа от медицинского освидетельствования;

4) наличие у лица неснятой (непогашенной) судимости за преступление, предусмотренное ст.264.1 УК РФ, частями 2, 4 или 6 ст. 264 УК РФ, либо факт применения в отношении лица административного наказания за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения. В ходе расследования необходимо установить, что соответствующий приговор или постановление вступили в законную силу и не истекли сроки давности, установленные УК РФ или КоАП РФ. Особо следует отметить, что исполнение постановления о назначении административного наказания имеет определенные особенности, что должно учитывать лицо, осуществляющее расследование, для правильного исчисления периода, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию;

5) факт нахождения данного лица за рулем транспортного средства и управления этим транспортным средством. В связи с этим назовем еще одну типичную версию защиты, связанную с отрицанием факта управления транспортным средством виновным лицом. Более того, практике известны случаи, когда появляются свидетели, заявляющие, что именно они якобы находились за рулем транспортного средства. Опровержение указанной версии возможно при условии грамотного осмотра места происшествия (в том числе транспортного средства), изъятия и осмотра записей камер видеонаблюдения (при их наличии), установления и допроса очевидцев задержания, предъявления для опознания, проведения комплекса судебных экспертиз (например, портретной, дактилоскопической).

В заключение отметим, что нередко субъекты рассматриваемых преступлений заявляют ходатайства о прекращении в отношении них уголовного дела в связи с деятельным раскаянием, что, на наш взгляд, должно тщательно исследоваться и анализироваться, чтобы не допустить необоснованного прекращения уголовного дела при фактическом отсутствии к тому основания.

Список литературы:

1. Ларин Е.Г. Особенности производства предварительной проверки и дознания по преступлению, предусмотренному ст. 264.1 УК РФ //

Законодательство и практика. 2016. № 1. С. 10-20;

2. Ясенева М. О. Проблемы производства предварительной проверки и дознания нарушений правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 39. – С. 3291–3295. – URL: <http://e-koncept.ru/2017/970985.htm>. и др.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.10.2006 № 18 (ред. от 09.02.2012) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (ред. от 24.05.2016) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения».

Харитонов С.С.

кандидат юридических наук,
профессор

О предупреждении и профилактике преступности органами военной прокуратуры: терминологические и правовые аспекты

Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683, определены главные направления обеспечения государственной и общественной безопасности государства, к которым отнесено и совершенствование правового регулирования предупреждения преступности. Обеспечение государственной и общественной безопасности осуществляется путем совершенствования единой государственной системы профилактики преступности [1, пп. 44,45].

Использование такого понятия, как «совершенствование» правового регулирования предупреждения преступности в Российской Федерации и «совершенствование» единой государственной системы профилактики преступности позволяет предположить, что на сегодня уже действуют нормативные акты по указанным вопросам, качество которых, в связи с возникновением новых явлений в сфере преступности, необходимо совершенствовать.

Понятия «предупреждение» и «профилактика» близки, но не тождественны. Толковый словарь Ушакова Д.Н. описывает «предупреждение» как извещение, предупреждающее о чем-нибудь, предостережение, а «профилактику» как совокупность предупредительных мероприятий, направленных на сохранение и укрепление нормального состояния, порядка [2].

По справедливому утверждению Малкова Д.В., «в число теоретических проблем, нуждающихся в решении, входит определение сущности предупреждения правонарушений и преступлений, а также их профилактики. Различные подходы к их пониманию не позволяют четко разграничить эти виды предупредительной деятельности, установить ее субъектов, их компетенцию и ответственность, меры осуществления, а также конкретизировать объекты профилактического воздействия...»

В результате некоторого смешения понятий «предупреждение» и «профилактика» отсутствует единство в понимании их сущности и содержания...

Понятия «предупреждение» и «профилактика», означая «недопущение чего-либо» при единой целевой направленности, семантически близки, но не идентичны. Применительно к правонарушениям и преступности их содержание различается как по объектам и субъектам осуществления, так и по используемым мерам...» [3, с. 78].

По мнению Малкова Д.В. «вполне обоснованным представляется рассмотрение профилактики правонарушений и преступлений в качестве составной части предупреждения преступности и совершения отдельных преступлений. При этом предупреждение преступности, отражая весь комплекс мер по недопущению преступлений, предохранению от них людей, общества, государства, выступает как родовое по отношению ко всем иным видам превенции понятие» [3, с. 79].

Трудно уловить различие в предупреждении преступности и профилактики преступности и в действующих нормативных актах, в которых одновременно формулируются правовые требования по предупреждению и (или) профилактике преступлений. Так, согласно ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации, одной из задач уголовного законодательства является предупреждение преступлений.

В Федеральном законе от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – Закон) предупреждение правонарушений, к которым, согласно ст. 2 данного закона, отнесены преступления или административные правонарушения, представляющие собой противоправные деяния (действие, бездействие), влекущие уголовную или административную ответственность, является одним из направлений профилактики правонарушений [4, ст. 6].

Увы, налицо разное понимание ученых-юристов и законодателей соотношения предупреждения и профилактики преступлений, что, безусловно, не лучшим образом влияет на реализацию правовых норм на практике.

Поскольку в указанном Законе к субъектам профилактики правонарушений отнесены органы прокуратуры (статья 5 Закона), то логично было бы определить место и роль органов прокуратуры в профилактике правонарушений через призму Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», что и было предпринято юристами [5, 6, 7 и др.].

Консолидированное мнение по этому вопросу высказано Винокуровым А.Ю., – «...законодателю не удалось, несмотря на достаточно насыщенный характер норм, имеющих отношение к прокуратуре, определить четкое место органов прокуроры в системе профилактики правонарушений, и в конечном итоге роль их сведена к традиционно осуществляемому надзору за исполнением законов...» [5, с. 626].

Формы участия органов военной прокуратуры в предупреждении и профилактике преступлений в войсках нашли свое отражение в утвержденном Указом Верховного Совета СССР от 04.08.1981 № 5403-Х Положении о военной прокуратуре, которое не признавалось недействующим, но применению не подлежит, так как его утверждение было основано на ст. 12 Закона о прокуратуре СССР, утратившего силу, и в соответствующих правовых актах Генерального прокурора Российской Федерации [8, 9, 10].

Поскольку надзор за исполнением законов о противодействии преступности, в том числе о ее предупреждении, является приоритетным направлением в деятельности органов прокуратуры Российской Федерации [11], органы военной прокуратуры используют различные методы и средства, включая меры прокурорского реагирования и тактические приемы, для профилактики и предупреждения преступлений в частности и преступности в целом.

Вместе с тем реализация традиционных и новаторских методов, форм, направлений профилактики и предупреждения преступности в войсках нацелена на решение основных задач, которые стоят перед любым воинским подразделением, – поддержание высокого уровня боевой готовности, выполнение задачи по уничтожению противника и, в конечном счете, достижения победы в бою.

С учетом данного обстоятельства в профилактической и предупредительной деятельности органов военной прокуратуры в сфере борьбы с преступностью в войсках важна оценка эффективности такой работы, которая, в свою очередь, может быть определена через объективированные критерии, обоснованные военными юристами [12, 13].

В заключении отметим, что решение вопросов предупреждения и профилактики преступности органами военной прокуратуры предопределяет необходимость проведения научных изысканий в складывающейся сфере общественных отношений.

Список литературы:

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683.
2. Толковый словарь Ушакова Д.Н. [Электронный ресурс] // URL: <https://ushakovdictionary.ru/>. Дата обращения: 24.05.2018.

3. Малков Д.В. Предупреждение и профилактика преступлений и иных правонарушений в системе борьбы с преступностью // Вестник МГЛУ. – 2014. – № 25 (711). – С. 78-88.

4. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

5. Винокуров А.Ю. К вопросу об участии органов прокуратуры в профилактике правонарушений в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2016. № 7. С. 620 – 626.

6. Воеводина Т.Г. Профилактика правонарушений и прокурорский надзор: проблематичные новеллы законодательства // Законодательство и экономика. 2016. № 9. С. 58 – 62.

7. Каширина О.Н. Прокуратура России - субъект предупреждения преступлений // Законность. 2017. № 11. С. 31 – 32.

8. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17.09.2002 № 255 «О повышении эффективности работы органов военной прокуратуры по профилактике преступлений и других правонарушений».

9. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 23.10.2014 № 150 «Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов».

10. Положение о координации деятельности по борьбе с преступностью в Вооруженных Силах и других войсках Российской Федерации, утвержденное Генеральным прокурором Российской Федерации 10.09.1996.

11. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 16.01.2012 № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности».

12. Шестак В.А. К вопросу о критериях оценки эффективности антикриминогенной деятельности органов военной прокуратуры // Военно-юридический журнал. – 2014. – № 5. – С. 3–8;

13. Шестак В.А. Предупреждение преступности в Вооруженных Силах Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. – 2008. – № 6. – С. 146–149.

Шевченко А.В.

инспектор по особым поручениям
Управления организации охраны
общественного порядка и
взаимодействия с органами
исполнительной власти субъектов
Российской Федерации и органами
местного самоуправления
МВД по Республике Крым

Исторические и социально-правовые предпосылки законодательного закрепления понятия «детоубийство»

Необходимость защиты жизни детей от насильственных посягательств

является неопровержимым фактом. Поэтому при исследовании исторических и социально-правовых предпосылок законодательного закрепления понятия «Детоубийство» предлагаем рассматривать данное явление как крайнее проявление агрессии, форму «эскалации насилия» в одну из важнейших сфер жизни общества [1, с.145].

Следует отметить, что на разных этапах развития человеческой цивилизации отношение общества к вопросам, связанным с охраной жизни ребенка, неоднозначно. Это обусловлено традициями и правовыми обычаями, особенностями вероисповедания, ориентирами, правящими в обществе и многими другими факторами.

В рамках изучения природы детоубийства как явления социальной действительности, исторический аспект вопроса представляет определенный интерес, т.к. позволяет установить причинно-следственные связи, понять суть явления и обозначить перспективы его дальнейшего развития.

В далеком прошлом дети считались собственностью родителей, в связи с чем последние имели неограниченную власть над их жизнью и смертью; детоубийство не влекло за собой никакой ответственности [2, с.79-95].. Условия существования вынуждали людей бороться за выживание и продолжение рода, в связи с чем «нормой жизни» считалось истреблять детей с физическими недостатками [3], оставлять их на произвол судьбы (на стоянках, в лесах) ввиду экономии на пропитание [4, с. 346], лишать жизни дочь, если семья стала слишком большой и при этом беречь жизнь сына, призвание которого быть воином, служить отечеству [5, с. 41]. В дохристианский период общественные отношения регулировались нормами-обычаями – правилами поведения, которые сложились исторически на основе пережитого опыта и взяты за основу поведения людей. Как отмечено, главной целью человека было выживание любой ценой. Поэтому и упоминаний об ответственности за детоубийство в Русской Правде, как отмечают исследователи [6], не встречается. До середины XIV века ребенок признавался исключительной собственностью родителей. «Правила жизни» каждой семьи в этот период регламентировались Сборником бытовых правил 1550-х гг. [7], согласно которому определялись полномочия главы семьи [4, с.346]. Таким образом, государственный контроль над любыми проявлениями жестокости в указанный период отсутствовал, в связи с чем жестокое обращение и даже детоубийство считалось обычным явлением.

Крещение Руси привнесло коррективы в жизнь общества. Поведение человека теперь оценивалось через призму моральности и веры. Нарушение установленных «новых правил жизни» признавалось грехом и порицалось обществом. Очевидно, что установление ответственности за детоубийство в данный период [8, с.266-267], а также отсутствие разграничения между детоубийством и абортom [9, с. 19] обусловлено влиянием церкви и преследовало укрепление общественной морали путем исполнения библейских нареканий: «не убей», «не прелюбодействуй».

Церковные каноны оставались мерилom противоправных деяний, в том числе детоубийств, вплоть до 1649 года [10, с.20-32]. Петр 1 дополнил

уголовное законодательство Артикулом воинским 1715 года, согласно которому убийство младенца относилось к квалифицированным видам убийства и наказывалось колесованием. Также нововведением стал запрет на убийство детей с физическими недостатками. Отныне их запрещалось убивать и предписывалось сообщать о них священникам и направлять в Кунсткамеру [11,с.335]. Указанный период также ознаменован установлением запрета воинам на убийства женщин и детей при взятии городов и крепостей [12].

Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 и 1885 годов рассматривали детоубийство как преступление со смягчающими обстоятельствами [13], что обусловлено особым потрясением психики, вызванным родовыми муками [14] и впервые заинтересовало медицину и юриспруденцию. Данные правовые акты устанавливали ответственность за детоубийство, в том числе убийство ребенка путем бездействия, производство аборта и самоаборта, убийство заведомо беременной женщины, убийство ребенка, родившегося с физическими недостатками [13; 15]. Указанные правовые документы внесли значительные изменения в сферу регламентации ответственности за противоправные посягательства на репродуктивную сферу жизни человека. В продолжение, в 1892 году по инициативе председателя Общества попечения о бедных и больных детях («Синий крест») создан Отдел защиты детей от жестокого обращения в семье, целью которого была защита детей от эксплуатации, любого проявления насилия, а также выявление и пресечение фактов жестокого обращения с детьми [16]. В данный период государство берет на себя ответственность за воспитание и развитие детей. Безоговорочная и безграничная власть семьи ослабевает. Воспитание детей теперь становится не только обязанностью семьи, а и одним из приоритетных направлений деятельности государства. Именно в этот период государство устанавливает ряд правовых норм, призванных обеспечить защиту ребенка. Так, Уголовное Уложение 1903 года предусматривало наказание за убийство ребенка, за подговор к самоубийству лица, не достигшего 21 года, за оставление в опасности малолетнего, за похищение, подмену или сокрытие ребенка, за жестокое обращение с детьми [17, с. 120].

Октябрьская революция 1917 года внесла изменения в жизнь общества и государственное устройство. Советская власть уделяла внимание защите классовых интересов и устоев. Убийство матерью новорожденного ребенка в соответствии с Уголовным кодексом РСФСР 1922 года относилось к преступлениям, совершенным при отягчающих обстоятельствах, среди которых: наличие обязанности заботиться об убитом и убийство с использованием беспомощного состояния убитого (пп. «д», «е» ст. 142)[18].

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года, подобно Уголовному кодексу 1920 года определял детоубийство как деяние, совершенное лицом, «на обязанности которого лежала особая забота об убитом или с использованием беспомощного положения убитого»[20].

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 года детоубийство квалифицировалось как убийство, совершенное без отягчающих и

смягчающих обстоятельств. Однако дискуссии по данному поводу в научных кругах не утихали. Достижения медицины констатировали тот факт, что родовые муки вызывают особое потрясение в психике у матери-роженицы, что в свою очередь подтверждало необходимость снисходительного отношения к матери-детоубийце [14] и отнесения детоубийства к менее опасным составам преступлений, нежели другие.

На сегодняшний день в уголовном праве законодательно закреплённая категория «детоубийство» отсутствует. При этом, традиционно под детоубийством понимают «убийство матерью новорожденного во время или сразу же после родов, а равно убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости» (ст. 106 УК РФ), а также убийство малолетнего ребенка (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ) [21]. В уголовно-правовой доктрине подход к решению данного вопроса неоднозначен. Одни рассматривают детоубийство как убийство роженицей (родильницей) новорожденного ребенка во время родов или в послеродовой период, пока не предприняты меры к сохранению жизни ребенка [22]. Другие – как убийство роженицей (родильницей) своего ребенка во время либо после родов в условиях посттравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемость, совершенное в связи с особым психофизиологическим состоянием, вызванным родами [23]. Третьи детоубийством считают умышленное посягательство на право заведомо малолетнего ребенка на жизнь, повлекшее его смерть, а равно умышленное посягательство на жизнь своего рождающегося или рожденного ребенка, совершенное женщиной, пребывающей в особом психофизиологическом состоянии, вызванном беременностью и родами, повлекшее смерть ребенка [24].

Проблема отсутствия правовой регламентации обусловлена, в первую очередь, проблемами определения возрастного критерия данного вида убийств. Сегодня все категории убийств детей, не подпадающие под убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ) либо под убийство малолетнего (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ), фактически остаются вне поля криминологических исследований. В то же время дети были и остаются наиболее уязвимой категорией насильственных посягательств на жизнь, спектр которых, к сожалению, весьма разнообразен: от серийных маниакальных убийств до банальных бытовых семейных убийств, совершаемых с целью избавления себя от «лишних» забот. Таким образом, криминологического исследования требуют остающиеся сегодня вне поля зрения ученых вопросы о природе детоубийств – как специфического вида преступного поведения, особенностях личности детоубийцы и его жертвы и специфике их взаимодействия в механизме преступного поведения, детерминации детоубийства и адекватных превентивных мерах.

Считаем целесообразным определить детоубийство как убийство ребенка (человека в возрасте до 18 лет), законодательно закрепить данное понятие и соответственно, унифицировать ссылки уголовного закона в части

касающейся. Указанное позволит избежать путаницы в его применении. Так, ст. 63 УК РФ в качестве обстоятельств, отягчающих наказание, определяет совершение преступления в отношении малолетнего (п. «з») и в отношении несовершеннолетнего (п. «п») лица [21]. Указание на возраст потерпевшего (малолетний, несовершеннолетний) также содержится в ряде норм УК РФ, устанавливающих ответственность за посягательства на жизнь и здоровье человека (ст.ст. 105, 106, 110, 110¹, 112 и др.), вместе с тем определения данных понятий уголовный закон не содержит.

Учитывая изложенное, следует сделать вывод о том, что законодательное закрепление понятия «детоубийство» является необходимой мерой, имеющей историческую и социально-правовую подоплеку, и направленной не только на соблюдение норм законодательной техники, а и на «вскрытие» самой природы данного явления в целях эффективной борьбы с ним на этапе построения антинасильственной государственной стратегии [25, с. 158 - 160].

Список литературы:

1. Игнатов А.Н. Криминологическое исследование виктимологической составляющей механизма совершения насильственных преступлений / А.Н. Игнатов // Общество и право. - Изд-во Краснодарского ун-та МВД России. – 2015. № 4 (54). – с. 145 – 159.
2. Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья/ М.Д. Шаргородский.-М.: Юрид.изд-во М-ва юстиции СССР1947.- 511с.
3. Реалии и нравы первобытных людей. URL: <http://www.inrav.ru/312.html>
4. Чистяков О.И. Российское законодательство X-XX вв./ О.И. Чистяков.- М., 1984.- Т. 3. – 352 с.
5. Карамзин Н.М. История государства Российского/ Комментар. А.М. Кузнецова. Т. I-IV. Калуга, 1993.- С. 41
6. Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права URL:<https://www.runivers.ru/lib/book8150/460283/html>
7. Основные черты русского права XV – первой половины XVII вв. URL: http://www.labex.ru/page/g14_ist_gos_36/html
8. Зимин А.А.Памятники русского права: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII-XV вв.: вып. 2/ А.А. Зимин/ под ред. С.В. Юшкова. М.: Госюриздат, 1953. 442 с.
9. Пудовочкин Ю.Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву/ Ю.Е. Пудовочкин. СПб.: Изд-во Юрид. Центр Прес, 2002. – 239с.
10. Белковец Л.П. История государства и права России. Курс лекций/ Л.П.Белковец, В.В.Белковец. – Новосибирск: Новосиб. Кн.изд-во, 2000. – 216 с.
11. Российское законодательство X-XX вв. Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юрид. лит., 1986. Т. 4. – С. 358

12. Артикул Воинский Петра I [Электронный ресурс] // URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/articul.html>
13. Неклюдов Н.А. Руководство к особенной части русского уголовного права. Преступления и проступки против личности. Т. 1/ Н.А. Неклюдов, Т. 1.СПб, 1876. – 555 с.
14. Таганцев Н.С. О преступлениях против жизни по русскому праву. Т. 2, СПб, 1870, С.30
15. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. URL:<http://www.forum.yourclub.ru/index.php>
16. Энциклопедия благотворительности.
URL:<http://www.encblago/fond.spb.ru>
17. Уголовное уложение, Высочайшее, утв.22 марта 1903 г. – СПб.: Сенатская типография. 1905. – 204 с.
18. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. URL:<http://www.law.edu.ru>
19. Якубов А.Е. Преступления против семьи и несовершеннолетних // Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 3 / под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комисарова. – М.: ИКД Зерцало, 2002. – 468 с.
20. УК РСФСР ред. 1926 г. URL:<http://www.docs.cntd.ru / document / 901757374>
21. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. URL:http://www.consultant.ru / document / cons_doc_LAW_10699/
22. Лукичев О.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика детоубийств: автореф. ...дис. канд. юрид. наук: 12.00.08. URL:<http://www.law.edu.ru>
23. Мурзина Л.И. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. ...дис. канд. юрид. наук: 12.00.08. URL:<https:// search.rsl.ru>
24. Лунева А.В. Уголовная ответственность за детоубийство: проблемы теории и правоприменения: автореф. ...дис. канд. юрид. наук: 12.00.08. URL:<http://www.law.edu.ru>
25. Игнатов А.Н. Стратегия противодействия криминальному насилию в современном обществе / А.Н. Игнатов // Библиотека криминалиста. 2015. № 6 (23). С.157 – 168.

Шиханов В.Н.

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации кандидат юридических наук, доцент

Проблемы и перспективы политики противодействия преступности в России: концептуальные вопросы теории и методологии

Сейчас много говорится о вызовах со стороны преступности: появляются новые её разновидности, причиняется серьёзный вред экономике,

коррупция препятствует эффективности государственного управления, высока латентность и т.д. Не меньшее внимание уделяется и современной политике противодействия преступности, уголовной политике (в широком понимании) - весьма противоречивой и подчас непоследовательной, несистемной, криминологически необоснованной.

Вместе с тем, следует заметить, что противоречий хватает не только в политике противодействия преступности, но и в суждениях правоведов, в предлагаемых путях решения накопившихся проблем, и даже в оценке этих проблем. Такое состояние, конечно, является нормальным - оно создаёт почву для полемики и выбора оптимальных вариантов развития. Вместе с тем, необходимо обратить внимание на фундаментальные проблемы теоретико-методологического уровня, не определившись с которыми невозможно построить эффективную систему мер противодействия преступности и её профилактики.

Проблема эта является застарелой, методологический базис рассматриваемого направления государственной политики инертен и в настоящее время эклектичен. Продемонстрируем некоторые симптомы.

Так, и в правовой науке, и в вопросах управления правоохранительными органами состоялся отказ от иллюзий победить, искоренить преступность [1, с. 4–7]. В частности, в нормативных правовых актах и в названиях разных подразделений слово «борьба» заменено термином «противодействие». Тем не менее, от органов правопорядка по-прежнему требуют добиваться снижения отдельных видов преступности (уличной, несовершеннолетних), обеспечивать хорошие показатели раскрываемости и т.п.

Возникает вопрос: что поменялось в стиле работы и её организации после того, как мы отказались от «борьбы» с преступностью и перешли к «противодействию»? Если раньше с личным временем и средствами не считались, ожидая коренного перелома в вопросах установления правопорядка и социалистической законности, то какой эффект должен быть получен сейчас, выполнимы ли теперь требования реально снизить преступность или раскрыть большинство нераскрытых преступлений? Известен ли тот уровень, до которого нужно преступность снизить такими усилиями?

Другой вопрос, уже набивший оскомину, связан с порочной практикой погони за показателями разного рода. Много сказано о том, что сама система показателей подчас искажает саму суть работы и вызывает множество негативных процессов. Однако все попытки решения этой проблемы сводятся к сохранению этих самых показателей: либо усиливается контроль (что является внутрисистемным парадоксом), либо одни показатели (например, процент раскрываемости) заменяются другими (например, количеством раскрытых и нераскрытых преступлений). Почему? Быть может потому, что если убрать показатели, то сотрудники правоохранительных органов вовсе перестанут заниматься своим делом, а правопорядок (хоть какой-то) превратится в хаос?

Но почему во многих развитых странах работа полиции построена не по принципу наработки валовых показателей выявления, раскрытия и расследования преступлений и иных правонарушений [2, с. 35–38]? Показатели там есть, но они преимущественно нацелены на учёт отработанного времени, занятости. Например, в России в настоящее время огромная ресурсоёмкая часть работы – материалы об отказе в возбуждении уголовного дела. Однако практически вся она не даёт никаких показателей, т.е. по системным меркам рабочее время тратится впустую. Польза для правопорядка также сомнительна.

Названные выше особенности организации правоохранительной работы влекут за собой и другие политические и управленческие решения. С позиции распределения штатов наиболее многочисленными являются оперативные и следственные подразделения, а также участковых уполномоченных. Все реформы, прошедшие с 2010 года, повлекли за собой сокращение не только вспомогательных служб, но и так называемых наружных: патрульно-постовой, вневедомственной охраны, госавтоинспекции. Логика в этом присутствует: решение по зарегистрированным сообщениям о преступлениях и происшествиях принимают органы дознания или предварительного следствия. Они же в конечном счёте формируют и показатели выявляемости, раскрываемости: без следователя или дознавателя не будет возбуждено и расследовано уголовное дело, не будут заполнены нужные статистические учётные документы.

Но во многих развитых зарубежных странах приоритеты расставлены иначе: при небольшом штате следователей и оперативных работников органы полиции широко представлены на улицах, создавая ощущение присутствия и обеспечивая скорость прибытия к месту происшествия, а также занимаясь решением бытовых проблем населения [4, с. 80, 91].

Становится совершенно очевидным, что методологической основой современной политики противодействия преступности в России является диалектический материализм (далее по тексту - диамат). Несмотря на то, что официально от него отказались вместе с социалистической идеологией, мы продолжаем придерживаться ряда его ключевых положений и выводов для общественных наук и правоприменительной практики.

Во-первых, и преступность, и правопорядок признаются объективными явлениями. Соответственно, у них есть универсальные причины, справедливые как минимум для всей страны. При этом преступность вызвана межклассовыми антагонизмами, но может быть полностью (объективно) устранена. Во-вторых, по правилам соотношения бытия и сознания, неотвратимость наказания и меры профилактики должны обеспечить определённое состояние общественных отношений (бытия) – низкий уровень преступлений и правонарушений. Такое объективное положение дел должно влиять на соответствующее общественное сознание и правовую культуру, а они обеспечат нужное правовое поведение.

Значит, рост количества нераскрытых преступлений по названной выше системе работают в обратном порядке: криминальное бытие формирует

нежелательные формы общественного сознания и не позволяет обеспечить правопорядок, а в обществе распространяется убеждение в безнаказанности, всё больше граждан вовлекаются в преступную деятельность.

Отсюда получаем политически значимые выводы: с преступностью нужно объективно бороться, а не противодействовать (смена вывесок здесь ничего не значит). Чтобы с ней бороться, а также иметь объективные данные о состоянии правопорядка, необходим полный учёт всех преступлений - насколько это возможно. Отсюда: всевозможные показатели, позволяющие осуществлять мониторинг правопорядка и проводимой работы по борьбе с преступностью. Для обеспечения неотвратимости наказания нужен достаточный штат органов дознания и предварительного следствия, а также прокуроров и судей.

Проблема состоит в том, что современная Россия с рыночной экономикой является однозначным примером капиталистического общества. Следовательно ему присущи межклассовые антагонизмы и оно беременно преступностью [1, с. 152; 4, с. 458–459]. Значит, в его условиях преступность будет существовать даже с точки зрения диамата. Кроме того, во многих своих проявлениях современная политика (как и наука, и общественная практика) отошли от строгого материализма, и допускают изменение бытия путём изменения сознания. Достаточно упомянуть работу с общественным сознанием с помощью социальной рекламы, СМИ, уделяемое внимание культуре и религии.

Какие в таком случае цели преследует государство, постоянно развивая систему сплошной регистрации всех преступлений, требуя повышать показатели раскрываемости преступлений при тех же самых ресурсах (либо при их сокращении)? Связь между раскрываемостью преступлений сегодня и уровнем преступности завтра эмпирически не обоснована в науке, а с позиции научной методологии в условиях капиталистического общества и вне материалистической концепции нереализуема.

Очевидно, назрела необходимость определиться с целым рядом вопросов:

1. Понимание преступности, её природы, наличие или отсутствие системных свойств. В настоящее время в философии и в криминологии представлены разные подходы, существенно влияющие на представления об оптимальных путях противодействия ей.

2. Действительные возможности правоохранительных органов по поддержанию правопорядка и контролю над преступностью, их пропускная способность.

3. Понимание правопорядка. Либо это объективное состояние общественных отношений, либо эта категория содержит много субъективного и эмпирически сводится к представлению граждан о своей защищённости.

4. Миссия правоохранительных органов (исходя из результатов осмысления первых трех вопросов).

5. Организация мониторинга преступности. Целесообразно ли

содержать систему сплошного учёта преступлений при том, что статистически сведения искажаются; целесообразно ли использовать уголовную статистику для оценки эффективности работы правоохранительных органов; целесообразно ли организовать регулярные социологические исследования для определения реально происходящих процессов в обществе?

Список литературы:

1. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность/ И.И. Карпец. – М.: Российское право, 1992. – 432 с.
2. Полиция и борьба с преступностью за рубежом. (Информационный сборник). – М.: ВНИИ МВД СССР, 1991. – 159 с.
3. Густова Л.В. Организационные и правовые основы функционирования полиции России, Великобритании и США: сравнительно-правовое исследование: дис... канд. юрид. наук: 12.00.14./ Л.В. Густова. – Саратов, 2015. – 221 с.
4. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российский тенденции/ В.В. Лунеев. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 912 с.

Для заметок

**КРЫМСКИЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ.
ПРЕСТУПНОСТЬ И ОБЩЕСТВО**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

24-25 мая 2018 года

Том I

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, 295011, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Гоголя, 9

Подписано в печать 25.10.2018
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 12,56. Тираж 50 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru